

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ

2024

№3(33)

ISSN 2518-7252
DOI: 10.52425/25187252

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БАС ПРОКУРАТУРАСЫНЫҢ
ЖАНЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫ**

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ
АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»**

**SCIENTIFIC JOURNAL
«BULLETIN OF THE ACADEMY
OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES»**

№ 3 (33) 2024

Қосшы 2024

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ
2024 № 3 (33)**

Құрылтайшы:

«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясы» ММ

2016 жылдан бастап шығады.

Жылына 4 рет шығарылады.

Жарияланымдар тілі – қазақ, орыс, ағылшын.

Ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін
ұсынылатын басылымдар тізбесіне енгізілген
(ҚР БҒМ БСБК 17.04.2019 ж. № 396 бұйрығы,
28.01.2021 ж. № 52 бұйрығы (ҚБПҮ),
«Ресейлік ғылыми дәйексөз индексі» (РҒДИ) Ресейлік
библиографиялық мәліметтер базасына,
Қазақстандық дәйексөз қорына (ҚазДҚ) енгізілген.

Журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің
Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген.
№ 16600-ЖБ тіркеу куәлігі 2017 жылдың 1 шілдесінде берілген.

Редакциялық кеңестің құрамы:

М.И. Сексембаев – (Қазақстан) – **Төраға**;
Е.Б. Абдрасулов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
С.В. Аракелян – з.ғ.д., профессор (Армения);
И.Ш. Борчашвили – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
М.М. Бринчук – з.ғ.д., профессор (Ресей);
В.А. Бублик – з.ғ.д., профессор (Ресей);
Ө.К. Бұрханов – саяси ғ.к., (Қазақстан);
Г.А. Василевич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
Т.Е. Қаудыров – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.П. Кирица – құқық докторы, доцент (Молдова);
Қ.С. Лақбаев – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.А. Малиновский – з.ғ.д., доцент (Қазақстан);
В.В. Марчук – з.ғ.к. (Беларусь);
Қ.Қ. Сейтенов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.Г. Татарян – з.ғ.д., профессор (Ресей);
С.Т. Тыныбеков – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
А. Трунк – құқық докторы, профессор (Германия);
Т.А. Ханов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.М. Хомич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
О.А. Ястребов – з.ғ.д., профессор (Ресей).

Редакциялық алқаның құрамы:

С.Ж. Бекішева – з.ғ.д., доцент – **Бас редактор**;
Е.Т. Әбеуов – з.ғ.к., доцент;
Ә.М. Әлібекова – з.ғ.к.;
Р.А. Әмірханов – з.ғ.к.;
Ұ.Қ. Жанатаева – саяси ғ.д.;
Н.Ш. Жемпиісов – з.ғ.к.;
Д.Б. Қайназарова – з.ғ.к.;
Б.А. Құлмұханбетова – з.ғ.к., доцент;

Р.А. Мирзалимова – з.ғ.к.;
Д.Х. Найманова – аға әділет кеңесшісі;
Г.Г. Нубаева – з.ғ.к.;
Р.Р. Нұғманов – з.ғ.к.;
Н.Б. Рахимов – құқық магистрі;
Ж.С. Сейтаева – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
О.Б. Филипец – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
В.В. Хан – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
Ә.Р. Шегебаева – философия докторы (PhD).

Редакцияның құрамы:

Е.Б. Абдимажитов – заң ғылымдарының магистрі;
Б.А. Бәкірова – аға әділет кеңесшісі;
З.Ж. Қалмұрзина – заң ғылымдарының магистрі;
Л.А. Ксеубаева – заң ғылымдарының магистрі;
К.А. Мұқанова – кіші әділет кеңесшісі;
Б.Ж. Сағымбеков – LL.M құқық магистрі.

Редакцияның мекенжайы:

010078, Ақмола облысы, Қосшы қ., Республика көшесі,
94-құрылыс.
Эл. пошта: 7171410@prokuror.kz, 7171402@prokuror.kz.

Қолжазбалар қайтарылмайды. Авторлардың пікірлері редакцияның көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін. Материалдарды басқа басылымдарда қолдануға редакцияның жазбаша келісімінен кейін ғана рұқсат етіледі. Ұсынылған материалдардың шынайылығына автор жауапты. Журнал ақпараттарын пайдаланған кезде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

© Құқық қорғау органдары академиясы, 2024 ж.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»
№ 3 (33) 2024

Учредитель:

ГУ «Академия правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре Республики Казахстан»

Издается с 2016 года.

Выпускается 4 раза в год.

Языки публикаций – казахский, русский, английский.

Включен в Перечень изданий, рекомендуемых для публикации
основных результатов научной деятельности

(приказ ККСОН МОН РК № 396 от 17.04.2019 г.,
приказ № 52 от 28.01.2021 г. (ДСП),

Российскую библиографическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ),
Казахстанскую базу цитирования (КазБЦ).

Журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации

Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан.

Регистрационное свидетельство № 16600-СИ от 1 июля 2017 года.

Состав Редакционного совета:

Сексембаев М.И. – (Казахстан) – **Председатель**;
Абдрасулов Е.Б. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Аракелян С.В. – д.ю.н., профессор (Армения);
Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Бринчук М.М. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бублик В.А. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бурханов А.К. – к.полит.н. (Казахстан);
Василевич Г.А. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Каудыров Т.Е. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Кирица В.П. – доктор права, доцент (Молдова);
Лакбаев К.С. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Малиновский В.А. – д.ю.н., доцент (Казахстан);
Марчук В.В. – к.ю.н. (Беларусь);
Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Татарян В.Г. – д.ю.н., профессор (Россия);
Тыныбеков С.Т. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Трунк А. – доктор права, профессор (Германия);
Ханов Т.А. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Хомич В.М. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Ястребов О.А. – д.ю.н., профессор (Россия).

Состав Редакционной коллегии:

Бекишева С.Д. – д.ю.н., доцент – **Главный редактор**;
Абеуов Е.Т. – к.ю.н., доцент;
Алибекова А.М. – к.ю.н.;
Амерханов Р.А. – к.ю.н.;
Жанатаева У.К. – д.полит.н.;
Жемпиисов Н.Ш. – к.ю.н.;
Кайназарова Д.Б. – к.ю.н.;
Кулмуханбетова Б.А. – к.ю.н., доцент;

Мирзалимова Р.А. – к.ю.н.;

Найманова Д.Х. – старший советник юстиции;

Нубаева Г.Г. – к.ю.н.;

Нугманов Р.Р. – к.ю.н., доцент;

Рахимов Н.Б. – магистр права;

Сейтаева Ж.С. – к.ю.н., ассоциированный профессор;

Филипец О.Б. – к.ю.н., ассоциированный профессор;

Хан В.В. – к.ю.н., ассоциированный профессор;

Шегебаева А.Р. – доктор философии (PhD).

Состав Редакции:

Абдимажитов Е.Б. – магистр юридических наук;

Бакирова Б.А. – старший советник юстиции;

Калмурзина З.Ж. – магистр юридических наук;

Ксеубаева Л.А. – магистр юридических наук;

Муканова К.А. – младший советник юстиции;

Сагымбеков Б.Ж. – магистр права LL.M.

Адрес редакции:

010078, Акмолинская область, г. Косшы,

ул. Республики, строение 94.

Эл. почта: 7171410@prokuror.kz, 7171402@prokuror.kz.

Рукописи не возвращаются. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Использование материалов в других изданиях допускается только с письменного согласия редакции. За достоверность предоставленных материалов ответственность несет автор. Ссылка на журнал обязательна.

© Академия правоохранительных органов, 2024 г.

**«BULLETIN OF THE ACADEMY OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 3 (33) 2024**

Founder:

GA «The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's
Office of the Republic of Kazakhstan»

Published since 2016.

Issued 4 times a year.

Publication languages – Kazakh, Russian, English.

Included to the List of publications recommended for publication of the main results of scientific activity.
(Order of the CCSM MES RK No. 396 of 17.07.2019,
No. 52 of 28.01.2021 (FOUO),
Russian bibliographic database «Russian science citation index» (RSCI),
Kazakhstan Citation Base (KazCB).

The journal is registered in the Committee for Communications, Informatization and Information of the
Ministry on Investments and Development of the Republic of Kazakhstan.
Registration Certificate № 16600-SI dated by July 1, 2017.

Members of the Editorial Council:

Seksembayev M.I. – (Kazakhstan) – **Chairman**;
Abdrasulov E.B. – Doctor of Law, Professor
(Kazakhstan);
Arakelyan S.V. – Doctor of Law, Professor (Armenia);
Borchashvili I.Sh. – Doctor of Law, Professor
(Kazakhstan);
Brinchuk M.M. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Bublik V.A. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Burkhanov A.K. – Candidate of Political Sciences
(Kazakhstan);
Vasilevich G.A. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Kaudyrov T.E. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Kiritsa V.P. – Doctor of Law, Associate Professor
(Moldova);
Lakbayev K.S. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Malinovsky V.A. – Doctor of Law., Associate Professor
(Kazakhstan);
Marchuk V.V. – Candidate of Law (Belarus);
Seitenov K.K. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Tataryan V.G. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Tynybekov S.T. – Doctor of Law, Professor
(Kazakhstan);
Trunk A. – Doctor of Law, Professor (Germany);
Khanov T.A. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Khomich V.M. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Yastrebov O.A. – Doctor of Law, Professor (Russia).

Members of the Editorial Board:

Bekisheva S.D. – Doctor of Law, Associate
Professor – **Chief Editor**;
Abeuov E.T. – Candidate of Law, Associate Professor;
Alibekova A.M. – Candidate of Law;
Amerkhanov R.A. – Candidate of Law;
Zhanatayeva U.K. – Doctor of Political Science;

Zhempiisov N.Sh. – Candidate of Law;
Kainazarova D.B. – Candidate of Law;
Kulmukhanbetova B.A. – Candidate of Law,
Associate professor;
Mirzalimova R.A. – Candidate of Law;
Naimanova D.Kh. – senior Counselor of Justice;
Nubaeva G.G. – Candidate of Law;
Nugmanov R.N. – Candidate of Law, Associate
professor;
Rakhimov N.B. – Master of Laws;
Seitayeva Zh.S. – Candidate of Law, Associate
Professor;
Filipets O.B. – Candidate of Law, Associate Professor;
Khan V.V. – Candidate of Law, Associate Professor;
Shegebaeva A.R. – Doctor of Philosophy (PhD).

Editors:

Abdimazhitov E.B. – Master of Law;
Bakirova B.A. – senior Counselor of Justice;
Kalmurzina Z.Zh. – Master of Law;
Kseubayeva L.A. – Master of Law;
Mukanova K.A. – junior Counselor of Justice;
Sagymbekov B.Zh. – Master of Law, LL.M.

Editorial address:

010078, Akmola region, Kosshy c., Republic st.,
building 94.
E-mail: 7171410@prokuror.kz, 7171402@prokuror.kz.

Manuscripts are not returned. Opinions of the authors may not be the same with editors view. The use of materials in other journals is allowed only with the written consent of the publisher. The author is responsible for the accuracy of the materials provided. A link to the journal is required.

© Law Enforcement Academy, 2024.

МАЗМҰНЫ

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ	
Х.М. Албакова. ҚОРҚЫТУ АГРЕССИВТІ МІНЕЗ ҚҰЛЫҚ ҚҰБЫЛЫСЫ РЕТІНДЕ ЖАСӨСПІРІМ КЕЗІНДЕ.....	8
В.Г. Татарян, С.Ж. Бекішева. ТӘУЕЛСІЗ МЕМЛЕКЕТТЕР ДОСТАСТЫҒЫ ЕЛДЕРІНІҢ ЗАҢНАМАСЫ БОЙЫНША КӨЛІК ҚҰРАЛЫН ТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛҒЫЛАРДЫ БАСҚАРУ КЕЗІНДЕ ЖҮРГІЗУШІНІҢ ПАЙДАЛАНУЫНА ӘКІМШІЛІК ЖАУАПКЕРШІЛІК.....	17
Д.Б. Тебаев. МЕМЛЕКЕТ БАСШЫСЫНЫҢ ҚҰЗЫРЕТІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕГЕ.....	27
ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ, АТҚАРУШЫЛЫҚ ІС ЖҮРГІЗУ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ҚОРҒАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ	
Д.Б. Разиева. ЦИФРЛЫҚ ЭКОНОМИКА ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ПЛАТФОРМАЛЫҚ ЖҰМЫСПЕН ҚАМТУ: ЕҢБЕК-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ.....	36
АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ	
Ә.М. Уалиева, Ә.Р. Тапенова. ӘЛЕУМЕТТІК КӘСІПКЕРЛІКТІҢ ӘЙЕЛДЕРДІҢ ҚАУІПСІЗДІГІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ҚҰРАЛДАРЫНЫҢ БІРІ РЕТІНДЕГІ ФЕНОМЕН.....	47
ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ	
Т.Ғ. Маханов. ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖОЛМЕН АЛЫНҒАН АҚШАНЫ ЖӘНЕ ӨЗГЕ МҮЛІКТІ ЗАҢДАСТЫРУ (ЖЫЛЫСТАТУ): ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ЖӘНЕ ЖАЗА ТАҒАЙЫНДАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	57
М.С. Туйғанов, Н.А. Биекенов. ЭКСТРЕМИСТІК ЖӘНЕ ТЕРРОРИСТІК ҚЫЛМЫСТАРЫ ҮШІН СОТТАЛҒАНДАРДЫ ҚАЙТА ӘЛЕУМЕТТЕНДІРУ: ЭКСТРЕМИЗМГЕ ИДЕЯЛЫҚ ҚАРСЫ ТҰРУДЫҢ ӘДІСТЕМЕЛІК ТӘСІЛДЕРІ.....	67
Б.Т. Оразалин. МИНИМАЛДЫ ҚАУІПСІЗДІК МЕКЕМЕЛЕРІНДЕ ТЕХНИКАЛЫҚ-КРИМИНАЛИСТИКАЛЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДІ ДАМУЫҒА БАҒЫТТАЛҒАН ПРАКТИКАЛЫҚ ҰСЫНЫСТАР.....	79
ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ	
Г.Ғ. Нұбаева, Қ.М. Сердалинов. ҚАШЫҚТЫҚТАН ЖАУАП АЛУ: ДАМУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	90
Д.Р. Нұркеева, М.Б. Садықов. ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТЕГІ ЗАҢДЫЛЫҚ ПРИНЦИПІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ҮШІН ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУ: МҮМКІНДІКТЕР МЕН ТӘУЕКЕЛДЕР.....	101
ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚ	
Ж.А. Битабарова, Р. Ережепқызы. ТРАНСШЕКАРАЛЫҚ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ЗИЯННЫҢ АЛДЫН АЛУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ НОРМАЛАРЫН ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЗАҢНАМАСЫНА ЕНГІЗУ.....	109
А.М. Жолмахан, А.Б. Ибрагим. ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТЫҢ ТҮСІНІГІ МЕН МӘНІ: БІЛІКТІЛІК МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТӘРТІПТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ.....	118
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ	
А.А. Аралбаева, К.М. Бишманов. ҚАРУЛЫ ҚАҚТЫҒЫСТАР КЕЗІНДЕГІ ЖЫНЫСТЫҚ ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚ АДАМЗАТҚА ҚАРСЫ ҚЫЛМЫС ЖӘНЕ ГЕНОЦИД РЕТІНДЕ.....	127
АВТОРЛАР ҮШІН МӘЛІМЕТТЕР.....	137

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Х.М. Албакова. БУЛЛИНГ КАК ФЕНОМЕН АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....	8
В.Г. Татарян, С.Д. Бекишева. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДИТЕЛЕМ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ТЕХНИЧЕСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ.....	17
Д.Б. Тебаев. К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ КОМПЕТЕНЦИИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА.....	27

ТРУДОВОЕ ПРАВО, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Д.Б. Разиева. ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТРУДОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.....	36
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

А.М. Уалиева, А.Р. Тапенова. ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕНЩИН.....	47
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Т.Г. Маханов. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕГ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ.....	57
М.С. Туйганов, Н.А. Биекенов. РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ЭКСТРЕМИСТСКИЕ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИДЕЙНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ.....	67
Б.Т. Уразалин. ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ МИНИМАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	79

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Г.Г. Нубаева, К.М. Сердалинов. ДИСТАНЦИОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ДОПРОСА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	90
Д.Р. Нуркеева, М.Б. Садыков. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ.....	101

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Ж.А. Битабарова, Р. Ережепқызы. ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ТРАНСГРАНИЧНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	109
А.М. Жолмахан, А.Б. Ибрагим. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА.....	118

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

А.А. Аралбаева, К.М. Бишманов. СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ГЕНОЦИД.....	127
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	139
------------------------------------	-----

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW	
Kh.M. Albakova. BULLYING AS A PHENOMENON OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENCE.....	8
V.G. Tataryan, S.D. Bekisheva. ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE USE OF TECHNICAL DEVICES BY THE DRIVER WHILE DRIVING A VEHICLE ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES.....	17
D.B. Tebayev. TO THE ISSUE OF THE LEGAL CONSTRUCTION OF THE COMPETENCE OF THE HEAD OF STATE.....	27
LABOR LAW, ENFORCEMENT PROCEEDINGS AND SOCIAL PROTECTION ISSUES	
D.B. Raziyeva. PLATFORM EMPLOYMENT IN THE DIGITAL ECONOMY: LABOR LAW ASPECT.....	36
CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW	
A.M. Ualiyeva, A.R. Tapenova. THE PHENOMENON OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN ENSURING THE SAFETY OF WOMEN.....	47
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW	
T.G. Makhanov. LEGALIZATION (LAUNDERING) OF MONEY OR OTHER PROPERTY OBTAINED BY CRIMINAL MEANS: ISSUES OF LAW APPLICATION AND SENTENCING.....	57
M.S. Tuiganov, N.A. Biyeckenov. RE-SOCIALIZATION OF THOSE CONVICTED OF EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES: METHODOLOGICAL APPROACHES TO IDEOLOGICAL COUNTERACTION TO EXTREMISM.....	67
B.T. Urazalin. PRACTICAL RECOMMENDATIONS AIMED AT THE DEVELOPMENT OF TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT OF DETENTION IN MINIMUM SECURITY INSTITUTIONS.....	79
CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE	
G.G. Nubaeva, K.M. Serdalinov. REMOTE INTERROGATION: DEVELOPMENT PROSPECTS.....	90
D.R. Nurkeeva, M.B. Sadykov. THE USAGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO ENSURE THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: OPPORTUNITIES AND RISKS.....	101
ENVIRONMENTAL LAW	
Zh.A. Bitabarova, R. Yerezhepkyzy. IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS ON THE PREVENTION OF TRANSBOUNDARY ENVIRONMENTAL HARM INTO THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	109
A.M. Zholmakhan, A.B. Ibragim. THE CONCEPT AND ESSENCE OF ENVIRONMENTAL CRIMINAL OFFENSES: ISSUES OF QUALIFICATION AND ENSURING ENVIRONMENTAL LAW AND ORDER.....	118
INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW	
A.A. Aralbayeva, K.M. Bishmanov. SEXUAL VIOLENCE DURING ARMED CONFLICTS AS A CRIME AGAINST HUMANITY AND GENOCIDE.....	127
INFORMATION FOR AUTHORS	141

КОНСТИТУЦИАЛЫҚ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ / КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО / CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.7
МРНТИ 10.15.59

Х.М. Албакова

*Кокшетауский университет имени А. Мырзахметова,
г. Кокшетау, Республика Казахстан*

БУЛЛИНГ КАК ФЕНОМЕН АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В статье автором затронута проблема буллинга и агрессивного поведения подростков в образовательных учреждениях. Подчеркивается актуальность проблемы насилия подростков в современном обществе. Отмечено, что дети, которые подвергались травле, получают тяжелую психологическую травму. Обозначены теоретические аспекты буллинга в подростковой среде и выделены особенности подросткового возраста, как наиболее уязвимого для возникновения буллинга. В представленной статье буллинг рассматривается как феномен агрессивного поведения в подростковом возрасте. Определены факторы возникновения буллинга в подростковой среде и обозначены эффективные профилактические меры по борьбе с данным явлением, которые помогут сохранить и укрепить здоровый климат не только в школе, но и в обществе в целом, а также предотвратить различные психологические проблемы, в т.ч. и буллинг.

Ключевые слова: агрессивное поведение; подростковый возраст; жертва буллинга; подростковая среда; причины буллинга; насилие; Интернет-буллинг; социальная практика; меры профилактики.

Х.М. Албакова

*Көкшетау университеті атындағы А. Мырзахметова,
Көкшетау қ., Қазақстан Республикасы*

ҚОРҚЫТУ АГРЕССИВТІ МІНЕЗ ҚҰЛЫҚ ҚҰБЫЛЫСЫ РЕТІНДЕ ЖАСӨСПІРІМ КЕЗІНДЕ

Аннотация. Мақалада автор білім беру мекемелеріндегі жасөспірімдердің қорқыту және агрессивті мінез-құлқы мәселесін қозғады. Қазіргі қоғамдағы жасөспірімдердің зорлық-зомбылық проблемасының өзектілігі атап өтілді. Қудалауға ұшыраған балалар ауыр психологиялық жарақат алатыны атап өтілді. Жасөспірімдік ортадағы қорқытудың теориялық аспектілері белгіленіп, жасөспірімдік кезеңнің пайда болуына ең осал болып табылатын ерекшеліктері көрсетілген. Ұсынылған мақалада қорқыту жасөспірім кезіндегі агрессивті мінез-құлқы құбылысы ретінде қарастырылады. Жасөспірімдер ортасында қорқытудың пайда болу факторлары анықталды және бұл құбылыспен күресудің тиімді алдын алу шаралары белгіленді, бұл мектепте ғана емес, жалпы қоғамда да салауатты климатты сақтауға және нығайтуға, сондай-ақ әртүрлі психологиялық проблемалардың, соның ішінде қорқытудың алдын алуға көмектеседі.

Түйінді сөздер: агрессивті мінез-құлқы; жасөспірім; қорқытудың құрбаны; жасөспірімдер ортасы; қорқытудың себептері; зорлық-зомбылық; Интернет-қорқыту; әлеуметтік тәжірибе; алдын алу шаралары.

Kh.M. Albakova

*Kokshetau University named after A. Myrzakhmetova,
Kokshetau c., the Republic of Kazakhstan*

BULLYING AS A PHENOMENON OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENCE

Abstract. In the article, the author touches upon the problem of bullying and aggressive behavior of adolescents

in educational institutions. The urgency of the problem of adolescent violence in modern society is emphasized. It is noted that children who have been bullied receive severe psychological trauma. The theoretical aspects of bullying in the adolescent environment are outlined and the features of adolescence as the most vulnerable to bullying are highlighted. In the presented article, bullying is considered as a phenomenon of aggressive behavior in adolescence. The factors of bullying in the adolescent environment have been identified and effective preventive measures to combat this phenomenon have been identified, which will help maintain and strengthen a healthy climate not only in school, but also in society as a whole, as well as prevent various psychological problems, including bullying.

Keywords: aggressive behavior; adolescent; victim of bullying; adolescent environment; causes of bullying; violence; Internet bullying; social practices; preventive measures.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_8

Введение. В последнее время все больше уделяется внимания защите прав и интересов детей. Обеспечение защиты прав и интересов ребенка является масштабной проблемой, поэтому в ее решении заинтересовано все мировое сообщество. Данное положение объясняется определяющей ролью подрастающего поколения в гарантировании жизнеспособности общества и прогнозировании его дальнейшего формирования. При этом необходимо отметить, что ни одна страна в мире не может являться образцом в решении данной проблемы.

По мнению экспертов, в современном образовании наблюдается рост жестокости во взаимоотношениях детей, унижений и насмешек. Эти действия могут привести к личностным деструкциям, депрессивным состояниям, соматическим и аутоиммунным заболеваниям, попыткам суицида. Особую тревогу вызывает снижение возраста детей, совершающих насильственные действия, а также преднамеренный и систематический характер этих действий. Согласно статистическим данным, в современных казахстанских школах более 50% детей подвергались различным видам агрессии и буллинга [1, 25 стр.].

Подростковый возраст является сложным периодом в развитии ребенка. В это время происходят значительные изменения в физическом и психическом здоровье ребенка. Кризис подросткового возраста напрямую связан с периодом полового созревания. В этот период происходит перестройка ранее сложившихся психологических структур, возникают новые образования,

закладываются основы сознательного поведения. Для подросткового возраста характерны такие негативные проявления, как протестующий характер поведения, агрессивность, повышенная тревожность, жестокость, поэтому подростковый возраст является наиболее уязвимым для возникновения буллинга.

Буллинг является такой проблемой, которая может иметь серьезные последствия для жертвы, обидчика и окружающих. Жертвы буллинга могут испытывать чувство страха, тревоги, депрессии, а также физические проблемы. Обидчики могут стать агрессивными и антисоциальными взрослыми. Окружающие могут испытывать чувство безразличия или бессилия, что может привести к развитию у них психологических проблем.

В последние годы наблюдается рост числа случаев буллинга в подростковой среде. Это связано с рядом факторов, включая развитие информационных технологий, которые позволяют обидчикам запугивать жертву в режиме онлайн, а также изменение социальных ценностей, которые способствуют развитию агрессии и насилия.

Таким образом, проблема буллинга в подростковой среде является актуальной и требует внимания со стороны общества. Учитывая негативные последствия буллинга, необходимо принимать меры по профилактике и предотвращению этого явления. Все изложенное выше обусловило выбор темы исследования.

Материалы и методы. В ходе исследования при раскрытии выбранной темы и выработке концептуальных решений

по проблемным вопросам использовались метод сравнительно-правового анализа, логический подход к решению данной проблемы, а также статистический метод, что позволило выявить причины возникновения буллинга в подростковой среде.

Проведен анализ статистических данных, в частности Национального центра общественного здравоохранения. Выявлен характер и тенденции данного явления в подростковой среде. На основе анализа современной социальной ситуации осуществлен системный и разносторонний подход в исследовании причин агрессивного поведения несовершеннолетних. При этом обозначена роль социальных сетей, кибервиктимизация. Проведен всесторонний анализ социальной практики и деятельности уполномоченных органов, рассмотрены меры профилактики и оказания правовой и социально-психологической, медицинской помощи подросткам. Изучен национальный и зарубежный опыт профилактических мер, на основе которого разработаны предложения по предотвращению и реагированию на национальном и региональном уровне.

Предметом изучения стали нормативно-правовые акты, в частности Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях», научная литература как отечественных, так и зарубежных авторов, и другие информационно-аналитические материалы.

Результаты обсуждения. По инициативе ЮНЕСКО в мире ежегодно в первый четверг ноября месяца отмечают Международный день против насилия и буллинга в школе и Интернете. В 2019 году 193 государства-члена ЮНЕСКО поддержали учреждение этого дня для того, чтобы привлечь всеобщее внимание к проблеме и остановить распространение буллинга и издевательств.

Проблема буллинга является актуальной и значимой и в современном казахстанском обществе. По статистическим данным Национального центра общественного здравоохранения, каждый 5-й подросток в

Казахстане подвергался буллингу.

На проблему воспитания подростков неоднократно обращал внимание и Президент страны. Был повышен статус детского омбудсмена, а в конце прошлого года Министерство просвещения утвердило правила профилактики детского буллинга. Теперь, жертвы травли либо их родители могут обратиться за помощью к уполномоченным в регионах.

Кроме того, в 2022 году Закон РК «О правах ребенка в Республике Казахстан» был дополнен определением понятием «травля (буллинг) ребенка», а в административное законодательство данное понятие и ответственность за него были введены в июне текущего года. Статьей 127-2 Кодекса РК «Об административных правонарушениях» предусмотрено, что травля несовершеннолетнего влечет предупреждение или штраф в размере десяти месячных расчетных показателей². Необходимо отметить, что в уголовном законодательстве у нас такого понятия пока нет.

Буллинг – это один из видов насилия, предполагающий агрессивное преследование одних подростков против других, когда имеет место неравенство сил и жертва показывает свою слабость, страх и обиду. В последнее время распространен Интернет-буллинг, который происходит в социальных сетях, на форумах, в мессенджерах [2].

Впервые термин «буллинг» (bullying) был введен в 1993 году норвежским психологом Д. Ольвеусом. Он определил буллинг как «намеренное и повторяющееся использование физической силы или угрозы ее использования в отношении другого человека, который не в состоянии защитить себя» [3]. В дальнейшем это определение было расширено и дополнено другими исследователями [4, 21 стр.].

Буллинг может иметь различные формы, включая физическое насилие, психологическое насилие, травлю и запугивание. К основным характеристикам

¹ О правах ребенка в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан от 8 авг. 2002 г. № 345-III ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345> (дата обращения: 20.08.2024).

² Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 20.08.2024).

буллинга можно отнести следующее:

1. Намеренность. Буллинг является преднамеренным поведением, направленным на причинение вреда жертве. Это означает, что обидчик осознает, что его действия причиняют боль или дискомфорт жертве, и он делает это намеренно. Например, если один ученик бьет другого ученика, то это является намеренным поведением, направленным на причинение боли. В этом случае обидчик осознает, что его действия причиняют боль жертве, и он делает это намеренно, чтобы причинить ей боль [5, 153 стр.].

2. Неравенство сил. Буллинг всегда осуществляется в ситуации неравенства сил. Обидчик имеет преимущество над жертвой, например, в физическом, социальном или психологическом плане. К примеру, если один ученик бьет другого ученика, который меньше его и слабее его, то это является неравенством сил в физическом плане. В этом случае обидчик имеет преимущество в физическом плане, что позволяет ему доминировать над жертвой.

3. Повторяемость. Буллинг представляет собой повторяющееся поведение. Это означает, что жертву подвергают агрессии несколько раз или в течение длительного времени. Например, если один ученик каждый день обзывает другого ученика, то это является повторяющимся поведением. В этом случае действия обидчика носят систематический характер и повторяются каждый день.

К дополнительным характеристикам буллинга относятся:

1. Скрытость. Буллинг часто осуществляется в скрытой форме, что затрудняет его выявление и пресечение. Это связано с тем, что жертвы буллинга часто боятся рассказать о происходящем, опасаясь мести обидчика или осуждения окружающих. Например, один ученик может оскорблять другого ученика в социальных сетях, где это не видят учителя или родители. В этом случае обидчик выбирает для своих действий скрытое место, где его не могут видеть другие люди [6, 65 стр.].

2. Изолированность жертвы. Буллинг может привести к изолированности и

обособленности жертвы от сверстников, и тем самым усугубить ее проблемы. Как правило, жертвы буллинга часто становятся замкнутыми и избегают общения со сверстниками. Например, если один подросток постоянно обзывает другого подростка, то остальные сверстники могут перестать общаться с жертвой, чтобы самим не быть жертвой буллинга. В данном случае буллинг изолирует жертву от сверстников.

3. Повышенная тревожность. У жертвы буллинга зачастую наблюдается повышенная тревожность, которая впоследствии может привести к проблемам со сном, с аппетитом и концентрацией внимания. Это связано с тем, что жертвы буллинга постоянно находятся в стрессовой ситуации.

4. Заниженная самооценка. У жертвы буллинга часто наблюдается заниженная самооценка. В этой связи у них появляется неуверенность в себе, и они теряют самоуважение. Данное обстоятельство связано с тем, что жертвы буллинга постоянно подвергаются критике и унижениям, что подрывает их чувство собственного достоинства.

Определить, является ли поведение буллингом, может быть непросто. Однако существуют некоторые признаки, которые могут указывать на наличие буллинга. К этим признакам относятся:

1. Физические травмы. Физические травмы, такие как синяки, ссадины, укусы, ушибы, могут быть признаком физического буллинга. Например, если ребенок приходит домой с синяками или ссадинами, которые он не может объяснить, то это может быть признаком физического буллинга.

2. Психологические проблемы. Психологические проблемы, такие как тревожность, депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство, могут быть признаком психологического буллинга. Например, если ребенок становится замкнутым, тревожным или агрессивным, то это может быть признаком психологического буллинга.

3. Изменения в поведении. Изменения в поведении могут быть признаком как физического, так и психологического буллинга. К таким изменениям относятся:

- замкнутость. Ребенок может замкнуться в себе, избегать общения со сверстниками и взрослыми;

- агрессия. Ребенок может стать агрессивным, проявлять вспышки гнева или насилия;

- снижение успеваемости. Ребенок может начать хуже учиться, у него могут появиться проблемы с концентрацией внимания;

- изменения в аппетите. Ребенок может начать больше или меньше есть, чем обычно;

- изменения во сне. Ребенок может начать больше или меньше спать, чем обычно;

- тревога. Ребенок может испытывать повышенную тревогу, бояться ходить в школу или общаться со сверстниками;

- депрессия. В состоянии депрессии для подростков характерны такие чувства, как подавленность, безнадежность, проблема с концентрацией внимания и отсутствие интереса к жизни;

- суицидальные мысли. Суицидальные мысли у подростков всегда вызывают тревогу. Подросток может говорить о суициде, либо пытаться его совершить.

Мотивы и причины буллинга могут быть самыми разными. К ним можно отнести следующие причины:

1. Личностные особенности обидчика:

- агрессия. Для обидчиков характерна агрессия и властный характер. Чаще всего это личности самовлюбленные. Они также могут испытывать чувство зависти или враждебности по отношению к сверстникам;

- низкая самооценка. Обидчики часто имеют низкую самооценку, что сопровождается чувством неполноценности. Такие подростки используют буллинг для самоутверждения и повышения самооценки;

- отсутствие навыков общения. Обидчики чаще всего не умеют общаться со сверстниками и разрешать возникшие конфликты путем мирных переговоров. Они используют буллинг для привлечения к себе внимания.

2. Личностные особенности жертвы:

- отличия от сверстников. Жертвы буллинга часто отличаются от сверстников по внешнему виду, национальности, религии или другим признакам. Они могут быть

отличниками, отличаться от других детей по характеру или поведению;

- застенчивость. Жертвы буллинга часто бывают застенчивыми, замкнутыми и не уверенными в себе. Они могут быть более уязвимыми к буллингу, поскольку им сложнее противостоять обидчику.

3. Социальные факторы:

- культурные нормы. В некоторых культурах насилие и агрессия считаются приемлемыми способами разрешения конфликтов. Это может способствовать распространению буллинга в обществе;

- неравенство. Неравенство в обществе, например, социальное неравенство или неравенство в доступе к образованию, может создавать условия для буллинга.

4. Взаимодействие между обидчиком и жертвой:

- взаимоотношения между обидчиком и жертвой. Буллинг часто возникает в контексте сложных взаимоотношений между обидчиком и жертвой. Обидчик может считать жертву конкурентом или угрозой своему статусу;

- реакция окружающих. Реакция окружающих на буллинг может также способствовать его распространению. Если окружающие не реагируют на буллинг или поощряют его, это может дать обидчику ощущение безнаказанности.

Понятие «буллинг» ассоциируется у многих с преследованиями в школьной среде. Часто с этим феноменом сталкиваются подростки.

Существенная особенность подросткового возраста – это изменения, которые затрагивают все стороны его развития. У всех подростков эти изменения происходят в разном возрасте. Одни развиваются быстрее, а другие в чем-то отстают. Например, интеллектуальное развитие подростка может значительно опережать развитие его личностных особенностей.

Необходимо отметить, что подростковый возраст – это самый сложный возраст, т.к. это период становления личности. Именно в этом возрасте формируются основы нравственности, черты характера и формы личностного поведения. Дети в подростковом возрасте

стремятся к самосовершенствованию и самоутверждению. Они начинают чувствовать себя взрослыми и хотят, чтобы окружающие их признавали таковыми. В этот период развития для подростков характерны психологические потребности, а именно стремление к самостоятельности и независимости от родителей. У них начинают формироваться собственные взгляды и убеждения на все происходящее вокруг их. Тем самым у них появляется собственная линия поведения.

Специфическим феноменом подросткового периода является максимализм, т.е. самосознание подростка, когда он склонен решать все ситуации самостоятельно, при этом, не имея достаточного опыта. Такие подростки болезненно воспринимают критику в свой адрес со стороны взрослых, у них, как правило, завышенная самооценка.

Бурные изменения физического, психического и социального развития подростка вносят свои коррективы в его эмоциональное состояние. Именно в подростковом возрасте дети чаще всего начинают отделяться от родителей, и строить свои отношения со сверстниками. Этот возраст характеризуется ярким эмоциональным фоном, как положительным, так и отрицательным. В этот период для детей характерны перепады настроения, обидчивость, повышенная импульсивность и вспыльчивость.

Проявление агрессии в этот период и вызывает буллинг, который негативно влияет не только на жертву, но и на обидчика [7].

Очевидно, что профилактика буллинга является важной задачей, которая должна решаться на государственном уровне, но для этого нужны законопроект и нормативно-правовые акты с четкими и однозначными понятиями и инструкциями, не допускающими разночтений. Кроме этого необходимы и государственные программы, которые будут действительно работать в реальности.

Как показало изучение международного опыта, единого подхода к решению проблемы школьного буллинга нет. Однако во многих странах программы профилактики реализуются достаточно успешно, но 100%

эффективности никто не добился. Одной из самых первых программ является норвежская система Ольвеуса, введенная в 1983 году. Ее цель – обучить всех из окружения школьников, как выявить и прекратить буллинг. При этом проблема обсуждается с детьми, и сами ребята могут предлагать свои решения по созданию здоровой атмосферы в школе. Данная программа успешно реализуется не только в Норвегии, но и в других странах, таких как США, Великобритания, Швеция и других государствах.

Еще одна успешная программа KiVa была запущена в 2009 году в Финляндии. Данная программа была направлена на развитие эмпатии в школьной среде. Суть этой программы заключается в том, что во время буллинга свидетели перестают наблюдать за ситуацией, а вмешиваются в нее и стараются решить конфликт мирным образом. При этом ответственность за травлю перекладывается на все стороны конфликта, в т.ч. на тех, кто просто стоял в стороне.

Наиболее эффективные программы включают в себя регулярные встречи психологов или педагогов с родителями, обучающие тренинги, введение дисциплинарных методов в работу. Многие программы за период своей работы помогли снизить уровень распространенности буллинга в два раза. Например, норвежская система Ольвеуса в ряде школ Норвегии и Литвы снижала травлю на 60%. Подобная эффективность отмечается и у комплексного подхода в Швеции – где против буллинга направлено как, законодательство, так и школьная среда, и программы по развитию эмпатии. Однако полностью решить проблему не удалось никому. А ведь даже один затравленный ребенок может стать самоубийцей или решить расстрелять одноклассников.

По мнению ученых основными профилактическими мерами буллинга в подростковой среде являются:

- обучение подростков навыкам общения со сверстниками и разрешения возникающих конфликтов. Немаловажно научить детей общаться друг с другом, вести конструктивную беседу и разрешать конфликты мирным

способом;

- создание в школах атмосферы доверия и безопасности. Необходимо, чтобы в школе был здоровый психологический климат, где каждый школьник мог чувствовать себя защищенным;

- обсуждение проблемы буллинга с детьми. Важно открыто обсуждать проблему буллинга с детьми, чтобы они понимали ее опасность и знали, как к ней относиться.

Профилактика буллинга является важной задачей, которая должна решаться на всех уровнях: индивидуальном, семейном, социальном.

На личном уровне профилактика буллинга может осуществляться путем формирования у подростков таких необходимых качеств, как уверенность в себе, умение отстаивать свои права и интересы, навыков общения и разрешения конфликтных ситуаций.

На семейном уровне профилактика буллинга заключается в создании в семье атмосферы доверия и поддержки, а также путем обучения родителей навыкам эффективного взаимодействия с детьми. Только при наличии в семье взаимопонимания между родителями и детьми возможно доверие.

На социальном уровне профилактика буллинга может осуществляться путем повышения осведомленности общества о проблеме буллинга, а также с помощью разработки и реализации специальных программ по профилактике и предотвращению буллинга.

Как показывает анализ проблемы буллинга в школах, основное внимание родителей и педагогов должно быть направлено на принятие эффективных профилактических мер по борьбе с данным явлением. Для этого необходимо систематически проводить семинары, тренинги.

Школьным психологам нужно создать базу проблемных подростков и проводить с ними индивидуальные психологические беседы. Меры психологической профилактики помогут сохранить и укрепить здоровый климат в школе и предотвратить различные психологические проблемы, в т.ч. и буллинг.

На наш взгляд, для создания

здоровой и безопасной среды в школах необходимо устранить влияние факторов, способствующих возникновению буллинга в подростковой среде. В этой связи школьным психологам нужно диагностировать эмоциональное состояние учеников, изучать их личностные особенности путем применения активных методов психологии, таких как анкетирование, наблюдение, убеждение и индивидуальная беседа. Только совместная работа педагогов, психологов и родителей поможет не допустить факты насилия в отношении несовершеннолетних детей и устранить суицидальные риски.

Кроме того, школьным психологам необходимо проводить разъяснительную работу с подростками в виде групповых занятий, тренингов и личного общения. Педагогам, в частности классным руководителям, нужно больше внимания уделять моральному и нравственному воспитанию школьников.

Благодаря эффективным мерам профилактики возможно снижение масштабов буллинга и сокращение вовлеченных подростков в это негативное явление. Только неравнодушие всех работников образовательных учреждений, родителей и общества в целом помогут решить данную проблему.

Закключение. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Буллинг – это повторяющееся агрессивное поведение одного или нескольких человек в отношении другого человека, который не может защитить себя. Буллинг может иметь различные формы, включая физическое насилие, психологическое насилие, травлю и запугивание.

2. Причины буллинга многофакторны и включают в себя личностные особенности обидчика, особенности взаимоотношений между жертвой и обидчиком, а также социальные факторы.

3. Последствия буллинга для жертвы могут быть серьезными и включать в себя психологические проблемы, снижение самооценки, трудности в обучении и общении, а также риск суицида. Последствия

буллинга для обидчика также могут быть серьезными и включать в себя проблемы с поведением, асоциальное поведение, а также риск стать жертвой буллинга в будущем.

4. Профилактика буллинга является комплексной задачей, которая требует усилий всех участников образовательного процесса. К мерам по профилактике буллинга относятся: формирование у детей навыков общения и разрешения конфликтов, создание в школе атмосферы доверия и безопасности, обсуждение

проблемы буллинга с детьми и родителями.

Буллинг может иметь серьезные последствия не только для непосредственных участников, но и для всего школьного сообщества. Например, буллинг может привести к снижению успеваемости учеников, росту тревожности и стресса среди учащихся и учителей, а также к снижению доверия между участниками образовательного процесса. Важно научить детей распознавать признаки буллинга, уметь противостоять буллингу и обращаться за помощью в случае необходимости.

Список использованной литературы:

1. Авдулова, Т.П. Агрессивный подросток: книга для родителей / Т.П. Авдулова. – М.: Академия, 2018. – 128 с.
2. Kowalski, R.M. Cyberbullying: Bullying in the Digital Age / R.M. Kowalski, S.P. Limber, P.W. Agatston. – Malden, MA: Blackwell Publishing, 2012. – 298 p.
3. Olweus, D. Bullying at school: What we know and what we can do / D. Olweus. – Blackwell Publishing, 1993. – 140 p.
4. Алексеева, И.А. Травля в школе: причины, последствия, помощь / И.А. Алексеева. – Астана, 2023. – 147 с.
5. Бочавер, А.А. Буллинг (травля) как объект исследований и культурный феномен. Психология / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Журнал Высшей школы экономики. – М.: ВШЭ, 2013. – № 3 (10). – С. 149-159.
6. Клотова, Н.В. Буллинг в школе: причины, последствия, помощь / Н.В. Клотова. – Минск: Красико-Принт, 2019. – 96 с.
7. Juvonen, J. Bullying in Schools: The Power of Bullies and the Plight of Victims / J. Juvonen, S. Graham. – Annual review of psychology, 2014. – 36 p.

References:

1. Avdulova, T.P. Agressivnyj podrostok: kniga dlja roditelej / T.P. Avdulova. – M.: Akademija, 2018. – 128 s.
2. Kowalski, R.M. Cyberbullying: Bullying in the Digital Age / R.M. Kowalski, S.P. Limber, P.W. Agatston. – Malden, MA: Blackwell Publishing, 2012. – 298 p.
3. Olweus, D. Bullying at school: What we know and what we can do / D. Olweus. – Blackwell Publishing, 1993. – 140 p.
4. Alekseeva, I.A. Travlja v shkole: prichiny, posledstvija, pomoshh' / I.A. Alekseeva. – Astana, 2023. – 147 s.
5. Bochaver, A.A. Bulling (travlja) kak ob#ekt issledovanij i kul'turnyj fenomen. Psihologija / A.A. Bochaver, K.D. Hlomov // Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – M.: VShJe, 2013. – № 3 (10). – S. 149-159.
6. Klotova, N.V. Bulling v shkole: prichiny, posledstvija, pomoshh' / N.V. Klotova. – Minsk: Krasiko-Print, 2019. – 96 s.
7. Juvonen, J. Bullying in Schools: The Power of Bullies and the Plight of Victims / J. Juvonen, S. Graham. – Annual review of psychology, 2014. – 36 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Хава Маулиевна Албакова – А. Мырзахметов атындағы Көкшетау университетінің аға оқытушысы, e-mail: h.a.10.01@mail.ru.

Албакова Хава Маулиевна – старший преподаватель Кокшетауского университета имени А. Мырзахметова, e-mail: h.a.10.01@mail.ru.

Albakova Khava Maulievna – Senior lecturer at A. Myrzakhmetov Kokshetau University, e-mail: h.a.10.01@mail.ru.

УДК 342.951:351.82
МРНТИ 10.17.47

В.Г. Татарян¹, С.Д. Бекишева²

*¹Московский университет Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация*

*²Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДИТЕЛЕМ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ТЕХНИЧЕСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В настоящей публикации проанализировано действующее по состоянию на 2024 год административно-деликтное законодательство Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и других стран Содружества Независимых Государств в области надлежащего обеспечения безопасности дорожного движения. В частности, рассмотрены вопросы применения административной ответственности за противоправное использование мобильных телефонов или радиостанций во время управления водителем транспортным средством.

Проведенный анализ показал пробелы в законодательной конструкции статьи 591 «Пользование водителем при управлении транспортным средством телефоном либо радиостанцией» КоАП РК.

Авторами обоснована необходимость внесения корректив в содержание данной статьи и, в частности, исключения из КоАП Республики Казахстан возможности привлечения к ответственности за необходимость пользования сотовым телефоном или радиостанцией во время управления транспортным средством сотрудников правоохранительных, специальных органов и иных транспортных средств оперативного реагирования.

Кроме того, в целях совершенствования административно-деликтного законодательства Республики Казахстан предложены новеллы, основанные на опыте законодательного регулирования безопасности дорожного движения в странах Содружества Независимых Государств, некоторые из которых будут полезны для отдельных стран содружества.

Ключевые слова: административное правонарушение; водитель; гаджет; радиостанция; смартфон; телефон; управление транспортным средством.

В.Г. Татарян¹, С.Ж. Бекішева²

*¹В.Я. Кикотя атындағы Ресей Ішкі істер министрлігінің Мәскеу университеті,
Мәскеу қ., Ресей Федерациясы*

*²Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ТӘУЕЛСІЗ МЕМЛЕКЕТТЕР ДОСТАСТЫҒЫ ЕЛДЕРІНІҢ ЗАҢНАМАСЫ БОЙЫНША КӨЛІК ҚҰРАЛЫН ТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛҒЫЛАРДЫ БАСҚАРУ КЕЗІНДЕ ЖҮРГІЗУШІНІҢ ПАЙДАЛАНУЫНА ӘКІМШІЛІК ЖАУАПКЕРШІЛІК

Аннотация. Осы басылымда 2024 жылғы жағдай бойынша Ресей Федерациясының, Қазақстан Республикасының, Қырғыз Республикасының, Тәжікстан Республикасының және Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығының басқа да елдерінің жол жүрісі қауіпсіздігін тиісінше қамтамасыз ету саласындағы қолданыстағы әкімшілік-деликттік заңнамасы талданған. Атап айтқанда, жүргізуші көлік құралын басқару кезінде ұялы телефондарды немесе радиостанцияларды құқыққа қайшы пайдаланғаны үшін әкімшілік жауапкершілікті қолдану мәселелері қаралды.

Жүргізілген талдау ҚР ӘҚБтК-нің «көлік құралын телефон немесе радиостанцияны басқару кезінде жүргізушінің пайдалануы» 591-бабының заңнамалық құрылымындағы олқылықтарды көрсетті.

Авторлар осы баптың мазмұнына түзетулер енгізу қажеттігін, атап айтқанда, құқық қорғау, арнаулы органдар және жедел ден қоюдың өзге де көлік құралдарының қызметкерлерін көлік құралын басқару

кезінде ұялы телефонды немесе радиостанцияны пайдалану қажеттілігі үшін жауапкершілікке тарту мүмкіндігін Қазақстан Республикасының ӨҚБТК-нен алып тастауды негіздеді.

Бұдан басқа, Қазақстан Республикасының әкімшілік-деліктілік заңнамасын жетілдіру мақсатында Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы елдеріндегі жол қозғалысы қауіпсіздігін заңнамалық реттеу тәжірибесіне негізделген новеллалар ұсынылды, олардың кейбіреулері Достастықтың жекелеген елдері үшін пайдалы болады.

Түйінді сөздер: әкімшілік құқық бұзушылық; жүргізуші; гаджет; радиостанция; смартфон; телефон; көлік құралын басқару.

V.G. Tataryan¹, S.D. Bekisheva²

¹*V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow c., the Russian Federation*

²*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy c., the Republic of Kazakhstan*

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE USE OF TECHNICAL DEVICES BY THE DRIVER WHILE DRIVING A VEHICLE ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Abstract. This publication analyzes the administrative and tort legislation of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and other countries of the Commonwealth of Independent States in force as of 2024 in the field of proper road safety. In particular, the issues of the application of administrative responsibility for the illegal use of mobile phones or radio stations while driving a vehicle are considered.

The analysis showed gaps in the legislative structure of Article 591 “The use of a telephone or radio station by a driver while driving a vehicle” of the Code of the Republic of Kazakhstan “On Administrative Infractions”.

The authors substantiate the need to make adjustments to the content of this article and, in particular, exclude from the Code of the Republic of Kazakhstan “On Administrative Infractions” the possibility of bringing to responsibility for the need to use a cell phone or radio station while driving law enforcement officers, special agencies and other rapid response vehicles.

In addition, in order to improve the administrative and tort legislation of the Republic of Kazakhstan, novelties based on the experience of legislative regulation of road safety in the countries of the Commonwealth of Independent States are proposed, some of which will be useful for individual countries of the Commonwealth.

Keywords: administrative offense; driver; gadget; radio station; smartphone; phone; vehicle control.

DOI: 10.52425/25187252 2024 33 17

Введение. В эпоху цифровизации всех аспектов жизни общества и социально-экономического развития государств значительно ускоряются все процессы внедрения новых технических устройств и иных инноваций. При этом наблюдается отставание правового опосредования их применения.

Ряд гаджетов помимо облегчения выполнения многих функций гражданами влечет и негативные последствия.

Так многими современными водителями на дороге активно используются средства связи, даже при управлении своим личным или служебным автомобилем.

Общественная опасность этого правонарушения состоит в том, что несоблюдение водителями запрета на пользование средствами связи во время езды на транспорте, так называемое «рассеянное вождение», может привести к аварии на дороге с последствиями в виде гибели или ранения граждан, повреждения их имущества.

Так, исследование, проведенное Центром исследований аварий и безопасности дорожного движения (CARRS) в Квинсленде (Австралия), показало, что использование мобильного телефона во время вождения может увеличить риск попасть в аварию в четыре раза [1].

В Соединенных Штатах было подтверждено научно, что в штатах, где в первую очередь соблюдались запреты на отправку текстовых сообщений, в целом наблюдались более низкие показатели смертности в ДТП с участием водителей в возрасте от 16 до 19 лет [2].

К выводу о взаимосвязи увеличения смертности на дорогах от пользования гаджетами пришли ученые России. Так, было установлено, что 40% крупных ДТП в России происходит из-за утомления отвлекающихся на экраны гаджетов водителей¹.

Исследования немецкой страховой компании Allianz показали, что более 60% несчастных случаев на дороге связаны с отвлечением водителей на разные гаджеты².

При этом большую опасность представляет отправление сообщений по телефону, хотя и сам разговор по телефону может привести к отсутствию концентрации водителя на дороге и снижению скорости реакции.

Выявлено, что разговор по сотовому телефону увеличивает риск возникновения аварии в 4 раза, а набор и чтение различных сообщений в 6 раз.

Кстати, некоторые специалисты разговор по сотовому телефону за рулем справедливо приравнивают к вождению автомобиля в состоянии опьянения [3, 698 стр.].

Как показывают научные исследования, это касается не только новичков-водителей, но и более опытных автомобилистов.

Учитывая серьезность данного вопроса и относительно небольшую публикационную активность ученых стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) в этой области, любые исследования, рассматривающие правовое регулирование ответственности за противоправное использование средств связи во время управления водителем транспортным средством, могут быть признаны своевременными и актуальными.

Материалы и методы. При исследовании кроме законодательства стран СНГ, рассматривались научные труды (диссертации, монографии, научные статьи)

по данному вопросу, подготовленные учеными стран СНГ, материалы СМИ, статистика. В результате было выявлено, что конкретно по данному вопросу материалов представлено очень мало. Среди них можно указать диссертацию Е.М. Хакимова [4], работы А.С. Тукиева [3], С.А. Сойникова [5].

За пределами стран СНГ данному вопросу было уделено достаточно много внимания [2]; [6]; [7]; [8]; [9] во всех аспектах: правовом, демографическом, медицинском, социальном, психологическом.

В большей степени уделялось внимание анализу административно-деликтного и административно-деликтного процессуального законодательства стран СНГ в области надлежащего обеспечения безопасности дорожного движения для выявления степени урегулированности данного вопроса правовыми средствами.

В исследовании применялись общенаучные методы (абстрагирование, анализ, синтез, обобщение), а также сравнительно-правовой метод, которые позволили провести анализ административно-деликтного законодательства стран СНГ, регулирующего безопасную езду на автомобильных дорогах, которые позволили выявить его недостатки и пробелы, разработать рекомендации по их устранению.

Результаты, обсуждение. В странах СНГ имеется достаточно апробированный опыт применения административной ответственности за пользование телефоном либо радиостанцией при управлении транспортным средством. Вместе с тем внимательное изучение нормативного материала показывает, что есть ряд пробелов, вызванных интенсивным развитием транспортных и технических средств, использование которых недостаточно урегулировано и может привести к нарушению общественного порядка и безопасности.

В Республике Казахстан (далее – РК) перечень нарушений пользователей транспортных средств закреплен в Законе РК «О дорожном движении» от 17 апреля 2014 года № 194.

¹ Хотя ИИ зови: в крупных ДТП в России обвинили экраны телефонов // Ferra.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ferra.ru/news/mobile/khot-ii-zovi-v-krupnykh-dtp-v-rossii-obvinili-ekrany-telefonov-03-06-2023.htm> (дата обращения: 25.09.2024).

² Там же.

Согласно подпункту 9) пункта 4 статьи № 54 водителю запрещается при управлении транспортным средством пользоваться телефоном либо радиостанцией, за исключением их использования посредством применения наушников или громкой связи³.

Соответственно этому подпункту в КоАП РК предусмотрена административная ответственность отдельной статьей 591.

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного статьей 591 КоАП РК, выражается в противоправных действиях в виде пользования телефоном или радиостанцией во время управления транспортным средством⁴.

В примечании указано, что разрешается пользоваться телефоном либо радиостанцией посредством применения наушников или громкой связи.

Впервые такой запрет появился шестнадцать лет назад. КоАП РК от 30 января 2001 года был дополнен статьей 461-1 «Пользование водителем при управлении транспортным средством телефоном либо радиостанцией».

Обоснованием послужило законодательное признание транспортного средства источником повышенной опасности и справедливое наблюдение того факта, что движение на казахстанских дорогах (качество дорожного полотна, наличие множества дорожных знаков, разметок, потока машин в населенных пунктах и пешеходов, высокая скорость на автобанах) требует сконцентрированного внимания. Этому мешает вождение за рулем и одновременное использование устройств связи для разговора либо передачи СМС-сообщений.

При применении статьи о незаконном использовании средств связи за рулем часто возникают проблемы, которые требуют разрешения.

Первое. Является ли предметом правонарушения те технические устройства, которые имеют свойства коммуникаций – нетбук, планшет, или, например, смарт-часы?

Телефоном вышеперечисленное не

назовешь, но здесь используется функция телефона или радиостанции.

Некоторые из указанных гаджетов, например, смарт-часы, специалисты признают более опасными при применении водителями, находящимися за рулем: «в отличие от легального устройства hands-free, для управления Apple Watch водителям придется использовать две руки, что повлияет на скорость, положение на полосе и время, которое они будут уделять взгляду на дорогу» [10].

Второе. Будет ли правонарушением действия водителя, при пользовании смартфоном как навигатором?

Третье. Что будет, если телефон поднести к уху при включенной громкой связи? Ведь в законодательстве такая ситуация не оговорена.

Четвертое. Применяется ли рассматриваемая статья к сотрудникам правоохранительных органов, транспортным средствам скорой помощи, службы МЧС и иных служб быстрого реагирования?

Пятое. Будут ли привлекаться к ответственности водители, использовавшие телефон или радиостанцию в условиях чрезвычайных ситуаций социального, природного или техногенного характера?

Конечно же, весьма затруднительна будет и процедура доказывания.

Как сотруднику патрульной полиции доказать использование телефона, если водитель будет отказываться, что он использовал функции телефона?

Как вариант можно использовать возможности камер видеонаблюдения, но настолько ли широко они могут применяться?

В Казахстане сегодня используется более 200 тысяч камер видеонаблюдения (СКОЖ, Smart City, Безопасный двор, АИС БДД, Сергек и т.д.), которые интегрированы с Центрами оперативного управления органов внутренних дел Республики. Так, серьезным подспорьем в столице в выявлении адмправонарушений в сфере дорожной безопасности стал аппаратно-программный

³ О дорожном движении: закон Республики Казахстан от 17 апр. 2014 г. № 194-V ЗРК (с изм. и доп. на 2024 г.) // Казахстан. правда. – 2014. – 19 апр. (№ 76 (27697)).

⁴ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: практическое пособие. – Алматы: ТОО «Издательство «Норма-К», 2024. – 532 с.

комплекс фото-видеофиксации и аналитики «Сергек». Он фиксирует такие нарушения как проезд на запрещающий сигнал светофора, превышение скорости, заезд за стоп-линию, движение по выделенной полосе. Фиксация нарушения происходит автоматически, но данные о нарушении поступают сотруднику ОВД.

При этом активно выявляются только перечисленные правонарушения, т.к. не все эти интеллектуальные камеры обладают техническими характеристиками, позволяющими распознавать и фиксировать случаи использования гаджетов за рулем.

Такая ситуация сложилась еще и потому, что даже с этими средствами фиксации доказательственная база слабая. Дело в том, что примечание к статье 591 КоАП РК позволяет нерадивым водителям уклоняться от ответственности, т.к. допускает использование телефона посредством громкой связи. Поэтому основным возражением является то, что трудно доказать отсутствие громкой связи при этом. Водитель, пойманный с трубкой у уха, указывает, что разговаривал по громкой связи, а трубку держал по привычке.

Более продумана диспозиция статьи 12.36.1 «Нарушение правил пользования телефоном водителем транспортного средства» КоАП Российской Федерации: «Пользование водителем во время движения транспортного средства телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук»⁵.

Данная формулировка конкретно указывает, что любое использование рук при разговоре по телефону образует состав административного правонарушения. Оно считается оконченным с того момента, когда водитель взял в руки телефон.

Аналогичная норма содержится и в статье 342 «Нарушение водителями правил эксплуатации транспортных средств»

Кодекса Азербайджанской Республики «Об административных проступках» от 29 декабря 2015 года № 96-VQ под пунктом 342.6: «Использование водителем телефона, держа его в руке во время движения транспортного средства»⁶.

Данная статья еще интересна и тем, что в ней закреплены запреты, которые не прописаны в казахстанском законодательстве.

Так, пунктом 342.1.2. установлен запрет на участие в беседе, которая может отвлечь от управления транспортным средством, пунктом 342.1.5 – умышленное забрызгивание пешеходов, здания и транспортные средства водой или грязью, а пунктом 342.1.8 – неостановление транспортного средства по знаку переходящего дорогу слепого пешехода⁷.

Еще более современной выглядит диспозиция части 3 статьи 310 КоАП Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 года № 455.

Здесь запрещено использование мобильного телефона без специальных устройств, обеспечивающих разговор без помощи рук и оборудованием с показывающим экраном в передней части салона при управлении транспортным средством»⁸. Значит сюда можно отнести видеоплееры, планшеты и все, что оборудовано экраном. Однако стилистически данная норма сформулирована непонятно: то ли это использование оборудования с экраном в передней части салона при управлении транспортным средством, то ли это сам телефон, расположенный в этой части салона?

Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 года № 2015-XII⁹ в отношении использования видеосвязи, находясь за рулем, из всех КоАП стран СНГ более четко определяет данную позицию. Так еще в 2007 году была законодательно установлена ответственность не только за пользование

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Путеводитель по судебной практике и сравнительная таблица последних изменений. – Москва: Изд-во «Проспект», 2024. – 848 с.

⁶ Azərbaycan Respublikasının inzibati xətlər məcləsi (Bu Məcəllə Azərbaycan Respublikasının 2015-ci il 29 dekabr tarixli 96-VQ nömrəli Qanunu ilə təsdiq edilmişdir) [Electronic resource] – Access mode: <https://www.injuria.az/page/inzibati-xetlar-mecellesi-1> (Access date: 25.09.2024).

⁷ Там же.

⁸ Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии ҷумҳурии Тоҷикистон [Electronic resource] – Access mode: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_gonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=10710&language=tj (Access date: 25.09.2024).

⁹ Ўзбекистон Республикасининг Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодекси, 22.09.1994 [Electronic resource] – Access mode: <https://lex.uz/docs/97664> (Access date: 25.09.2024).

монитором (дисплеем) в целях просмотра теле-, видеопрограмм (ч. 1 ст. 128-1), но и за самовольное установление такового на транспортном средстве (ч. 2 ст. 128-2). Часть 3 предусматривала наказание за повторность деяния в течение года.

Таким образом, было предусмотрено административное взыскание даже за использование во время управления транспортным средством монитором (дисплеем), установленным предприятием-изготовителем.

В 2021 году ответственность была смягчена: исключены части 2 и 3 за самовольную установку дисплея и повторность.

Административная ответственность за пользование водителями телефоном во время управления транспортным средством была введена еще раньше – в 2006 году, причем более жесткий вариант: было запрещено полностью пользоваться телефоном независимо от наличия гарнитуры или иных приспособлений, а штраф был равен одному минимальному размеру заработной платы (в настоящее время сумма составляет три базовых расчетные величины).

В 2021 году была принята более щадящая редакция статьи, разрешающая использование телефона при наличии наушников и других устройств, позволяющих вести переговоры без использования рук.

Отсюда следует, что административно-деликтное законодательство Республики Узбекистан в части регулирования данного вопроса более оптимально, т.к. предусматривает ответственность за случаи просмотра водителем теле- и видеопрограмм в ходе движения автомобиля.

Вызывает интерес диспозиция статьи 213 Кодекса Туркменистана об административных правонарушениях от 29 августа 2013 года, которая гласит: «Совершение лицом, управляющим движущимся транспортным средством, отвлекающих действий (разговор по телефону, прием пищи, напитков, курение, поторапливание участников дорожного

движения, прослушивание громкой аудио-видеоаппаратуры и др.) или управление транспортным средством с заведомо обращенными наружу частями тела»¹⁰.

Как мы видим, данный состав охватывает еще много правонарушений, не предусмотренных в аналогичных статьях КоАП стран СНГ.

По нашему мнению, опыт применения данной статьи заслуживает внимания, т.к. прием пищи напитков могут отвлечь внимание водителя от дороги, курение не только отвлекает водителя, но и раздражает пассажиров, а поторапливание участников дорожного движения может привести к стрессовой ситуации для всех участников движения.

Что касается частей тела водителя, то, возможно, ввести и такое правило, т.к. в Казахстане статьей 55 Закона РК «О дорожном движении» предусмотрен запрет на открытие двери, высовывание в оконные проемы и люки транспортного средства во время его движения для пассажиров¹¹, а для водителей почему-то не установлен.

Также продуманной, но с другой точки зрения, является статья 18.13 «Невыполнение требований сигналов регулирования дорожного движения, нарушение правил перевозки пассажиров или других правил дорожного движения» КоАП Республики Беларусь от 6 января 2021 года.

В части 5 указано, что «нарушение лицом, управляющим транспортным средством (за исключением водителей транспортных средств оперативного назначения), правил пользования радио- и телефонной связью во время движения влечет наложение штрафа в размере до двух базовых величин»¹².

В Казахстане же соответствующие службы, например, патрульная полиция, не должны пользоваться радио- и телефонной связью, т.к. это будет считаться нарушением. А если это необходимо для поимки преступника либо для вызова скорой помощи? Такая ситуация, безусловно, вредит обеспечению

¹⁰ Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях от 29 августа 2013 г. № 422-IV. – Ашгабад: «Туркменская государственная издательская служба», 2022. – 560 с.

¹¹ О дорожном движении: закон Республики Казахстан от 17 апр. 2014 г. № 194-V ЗРК (с изм. и доп. на 2024 г.) // Казахстан. правда. – 2014. – 19 апр. (№ 76 (27697)).

¹² Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск: Изд-во «Амалфея», 2024. – 376 с.

правопорядка и безопасности граждан.

Как и в КоАП Республики Беларусь, Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128 более предусмотрителен в части исключения для специализированных оперативных служб правила о пользовании телефоном во время управления транспортом. Часть 2 статьи 188 «Нарушение правил дорожного движения водителями транспортных средств», устанавливая такое правило для водителей, гласит: «за исключением водителей специальных транспортных средств во время выполнения ими неотложных служебных задач»¹³.

Интересна для перенятия опыта статья, не предусмотренная КоАП других стран СНГ – статья 189 «Автохулиганство». Под ним понимается «умышленное действие водителя транспортного средства, демонстративно нарушающее общественный порядок и спокойствие граждан, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (автогонки, показательная езда разного вида в неустановленных местах и т.п.)»¹⁴.

Думается, что аналогичный состав должен присутствовать и в КоАП РК и других стран СНГ, потому что состав хулиганства не охватывает случаи его совершения лицами, управляющими транспортом, а в некоторых КоАП отсутствует такая норма (КоАП Республики Армения).

В КоАП Республики Армения в части 11 статьи 124 правило о пользовании водителем радиосвязью и (или) телефонной связью во время управления автомобилем тоже предусматривает исключение для водителей транспорта оперативных служб и выполняющих задание. При этом запрет налагается на пользование телефоном даже одной рукой¹⁵.

В Кодексе Республики Молдова «О правонарушениях» от 24 октября 2008 года

№ 218-XVI¹⁶, рассматриваемое правило размещено в статье 235 наряду с рядом таких правонарушений, как нарушение правил пользования ремнями безопасности, мотошлемами, детским креслом и т.д.

При этом в названии статьи речь идет о нарушении правил радиотелефонных переговоров, а в содержании самой статьи диспозиция изложена более содержательно: «использование в нарушение Правил дорожного движения мобильного терминального оборудования электронных коммуникаций».

Проведенный анализ статей административно-деликтного законодательства стран СНГ в части регулирования вождения за рулем и одновременного пользования телефоном позволяет выделить несколько моментов в законодательных конструкциях.

Первое. Состав нарушения, заключающегося в использовании средств связи во время вождения транспортного средства, имеется во всех КоАП стран СНГ, однако представлен достаточно вариативно: где-то предусмотрена ответственность за использование телефона (Азербайджан, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), где-то телефона и иных средств связи (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова).

Второе. В одних законодательных актах данному составу посвящена отдельная статья (Казахстан, Россия, Узбекистан), в других – состав указан наряду с другими составами правонарушений (Азербайджан, Армения, Беларусь, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан).

Третье. В ряде стран установлен полный запрет на пользование средствами связи (Армения, Беларусь, Молдова, Туркменистан), в некоторых – разрешено при использовании гарнитуры и громкой связи (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан).

¹³ Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128 (с изм. и доп. по сост. на 07.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164 (дата обращения: 29.09.2024).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Հարգանքի իրավախախտումների վերաբերյալ Հայաստանի Հանրապետության Օրենսգիրք, 06.12.1985 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=137921> (Access date: 25.09.2024).

¹⁶ О правонарушениях: кодекс Республики Молдова от 24 окт. 2008 г. № 218-XVI (с изм. и доп. по сост. на 31.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30395669 (дата обращения: 29.09.2024).

Четвертое. Используются различные формулировки запрета – на пользование телефоном в руке (Армения, Азербайджан), на пользование телефоном, не оборудованным приспособлениями, позволяющими вести переговоры без помощи рук (Кыргызстан, Россия, Таджикистан), а в КоАП Казахстана и Узбекистана указано исключение из правил (изложено в примечании к ст. 591 КоАП РК, в содержании самой ст. 128-1 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности).

Пятое. Только в административно-деликтном законодательстве Армении, Беларуси, Кыргызстана установлено исключение в пользовании средствами связи для оперативных служб.

Заключение. Сравнительно-правовой анализ, проведенный авторами, показывает, что современная редакция статьи 591 КоАП РК требует обновления сообразно достижениям новой эпохи цифровизации. Это касается и аналогичных статей других государств СНГ.

Во-первых, следует расширить диапазон применяемой административной ответственности, так она должна распространяться не только на пользование за рулем телефоном или радиостанцией, но и другими девайсами – нетбуком, планшетом, смарт-часами, а также видеоаппаратурой.

Для этого рекомендуется часть 1 и примечание статьи 591 КоАП РК изложить в новой редакции:

«Статья 591. Пользование водителем при управлении транспортным средством техническими устройствами

1. Пользование водителем при управлении транспортным средством телефоном

либо иным техническим устройством телекоммуникаций или оборудованием, воспроизводящим видеофайлы,

- влечет штраф в размере пяти месячных расчетных показателей.

2. (далее по тексту)

Примечание. Во время управления транспортным средством разрешается пользоваться средством телекоммуникаций (средством связи), оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук».

Во-вторых, в КоАП РК (и в аналогичных случаях в законах других стран СНГ) следует устранить возможность привлечения к ответственности за пользование средствами связи сотрудников правоохранительных органов и иных оперативных служб (скорая помощь, противопожарная служба, МЧС).

В-третьих, должна быть рассмотрена такая же оговорка в отношении лиц, использовавших телефон или радиостанцию в экстренных случаях, чрезвычайных ситуациях.

В-четвертых, требует урегулирования вопрос об использовании смартфонов и иных средств в качестве навигатора.

В-пятых, следует проработать вопрос о включении в КоАП РК новых составов по примеру статьи 189 КоАП Кыргызстана от 28 октября 2021 года, статьи 213 КоАП Туркменистана от 29 августа 2013 года и статьи 342 Кодекса Азербайджанской Республики «Об административных проступках» от 29 декабря 2015 года.

Надеемся на то, что законодатели стран СНГ прислушаются к мнению ученых-административистов и опытных практических сотрудников и работников.

Список использованной литературы:

1. M. Campbell. Is it illegal to use a mobile phone while driving? [Electronic resource] – Access mode: <https://www.carexpert.com.au/car-news/is-it-illegal-to-use-a-mobile-phone-while-driving> (Access date: 25.09.2024).

2. Flaherty, M.R. Distracted Driving Laws and Motor Vehicle Crash Fatalities / M.R. Flaherty, et al. // Pediatrics. – 2020. – № 145 (6). – doi: 10.1542/peds.2019-3621.

3. Хакимов, Е.М., Тукиев, А.С. Проблемы привлечения к административной ответственности за пользование водителем при управлении автомобилем средствами связи // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения»): сб. науч. тр. II междун. науч.-практ. конф. – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. – С. 697-703.

4. Хакимов, Е.М. Проблемы привлечения виновных лиц к административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения: дис. ... д-ра философии (PhD) / Е.М. Хакимов. – Караганда, 2023. – 228 с.
5. Соjников, С.А. Правовые основы пользования устройством мобильной связи водителем транспортного средства / С.А. Соjников // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 266-268.
6. Ferdinand, A.O. Texting-While-Driving Bans and Motor Vehicle Crash-Related Emergency Department Visits in 16 US States: 2007-2014 / A.O. Ferdinand // Am J Public Health. – 2019. – № 109 (5). – Pp. 748-754. – doi: 10.2105/AJPH.2019.304999.
7. Zhang, F. Demographic characteristics and trends of cell phone use while driving citations in selected states in the United States, 2010-2020 / F. Zhang, et al. // Traffic Inj Prev. – 2024. – № 25 (6). – Pp. 788-794. – doi: 10.1080/15389588.2024.2351605.
8. Overton, T.L. Distracted driving: prevalence, problems, and prevention / T.L. Overton, et al. // International Journal of Injury Control and Safety Promotion – Int J Inj Contr Saf Promot. – 2015. – № 22 (3). – Pp. 187-92. – doi: 10.1080/17457300.2013.879482.
9. Olsson, B. Evaluating the impact of penalising the use of mobile phones while driving on road traffic fatalities, serious injuries and mobile phone use: a systematic review / B. Olsson, et al. // Inj Prev. – 2020. – № 26 (4). – Pp. 378-385. – doi: 10.1136/injuryprev-2019-043619.
10. A. Mamiit. Apple Watch may lead to more road accidents, warns UK group [Electronic resource] – Access mode: <https://www.techtimes.com/articles/15786/20140917/apple-watch-may-lead-to-more-road-accidents-warns-uk-group.htm> (Access date: 25.09.2024).

References:

1. M. Campbell. Is it illegal to use a mobile phone while driving? [Electronic resource] – Access mode: <https://www.carexpert.com.au/car-news/is-it-illegal-to-use-a-mobile-phone-while-driving> (Access date: 25.09.2024).
2. Flaherty, M.R. Distracted Driving Laws and Motor Vehicle Crash Fatalities / M.R. Flaherty, et al. // Pediatrics. – 2020. – № 145 (6). – doi: 10.1542/peds.2019-3621.
3. Hakimov, E.M., Tukiev, A.S. Problemy privlechenija k administrativnoj otvetstvennosti za pol'zovanie voditelem pri upravlenii avtomobilem sredstvami svjazi // Aktual'nye voprosy primenenija norm administrativnogo prava («Korenevskie chtenija»): sb. nauch. tr. II mezhdun. nauch.-prakt. konf. – M.: Moskovskij universitet MVD Rossii im. V.Ja. Kikotja, 2018. – S. 697-703.
4. Hakimov, E.M. Problemy privlechenija vinovnyh lic k administrativnoj otvetstvennosti za pravonarushenija v oblasti dorozhnogo dvizhenija: dis. ... d-ra filosofii (PhD) / E.M. Hakimov. – Karaganda, 2023. – 228 s.
5. Sojnikov, S.A. Pravovye osnovy pol'zovanija ustrojstvom mobil'noj svjazi voditelem transportnogo sredstva / S.A. Sojnikov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 6. – S. 266-268.
6. Ferdinand, A.O. Texting-While-Driving Bans and Motor Vehicle Crash-Related Emergency Department Visits in 16 US States: 2007-2014 / A.O. Ferdinand // Am J Public Health. – 2019. – № 109 (5). – Pp. 748-754. – doi: 10.2105/AJPH.2019.304999.
7. Zhang, F. Demographic characteristics and trends of cell phone use while driving citations in selected states in the United States, 2010-2020 / F. Zhang, et al. // Traffic Inj Prev. – 2024. – № 25 (6). – Pp. 788-794. – doi: 10.1080/15389588.2024.2351605.
8. Overton, T.L. Distracted driving: prevalence, problems, and prevention / T.L. Overton, et al. // International Journal of Injury Control and Safety Promotion – Int J Inj Contr Saf Promot. – 2015. – № 22 (3). – Pp. 187-92. – doi: 10.1080/17457300.2013.879482.
9. Olsson, B. Evaluating the impact of penalising the use of mobile phones while driving on road traffic fatalities, serious injuries and mobile phone use: a systematic review / B. Olsson, et al. // Inj Prev. – 2020. – № 26 (4). – Pp. 378-385. – doi: 10.1136/injuryprev-2019-043619.
10. A. Mamiit. Apple Watch may lead to more road accidents, warns UK group [Electronic resource]

– Access mode: <https://www.techtimes.com/articles/15786/20140917/apple-watch-may-lead-to-more-road-accidents-warns-uk-group.htm> (Access date: 25.09.2024).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Владилен Гайкович Татарян – В.Я. Кикотя атындағы Ресей Ішкі істер министрлігі Мәскеу университетінің әкімшілік құқық кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: tataryan2654@inbox.ru.

Татарян Владилен Гайкович – профессор кафедры административного права Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, e-mail: tataryan2654@inbox.ru.

Tataryan Vladilen Gaikovich – Professor of the Department of Administrative Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor, e-mail: tataryan2654@inbox.ru.

Сәбігүл Жанабайқызы Бекішева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Зерттеулерді үйлестіру және құқық қорғау жүйесі проблемаларын зерделеу мен орталығының бас ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының докторы, доцент, e-mail: 7171181@mail.ru.

Бекишева Сабигуль Джанабаевна – главный научный сотрудник Центра координации исследований и изучения проблем правоохранительной деятельности Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, доцент, e-mail: 7171181@mail.ru.

Bekisheva Sabigul Dzhanabaevna – Chief Researcher of the Coordination of Research and Study of Law Enforcement Issues of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Associate Professor, e-mail: 7171181@mail.ru.

УДК 342.5
МРНТИ 10.15.33

Д.Б. Тебаев

*Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан*

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ КОМПЕТЕНЦИИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Автор отмечает, что в научном сообществе нет единого мнения о составе элементов компетенции. В статье рассмотрены мнения авторов разных исторических периодов. При этом многие современные ученые придерживаются мнения о наличии двух основных элементов компетенции (предметы ведения и полномочия). В статье рассмотрены понятия предметы ведения и полномочия. Предметом исследования являются научные представления об элементах компетенции главы государства, понятий предметы ведения и полномочие. Целями работы являются выявление проблем в понятийном аппарате (компетенция, предметы ведения, полномочие) и выработка предложений по их решению. В заключение дана критическая оценка определения понятия полномочия через права и обязанности, даны рекомендации по определению полномочия.

Ключевые слова: Президент; глава государства; компетенция; полномочие; предметы ведения; элемент; функция; права и обязанности.

Д.Б. Тебаев

*Қазақстан Республикасы Заңнама құқықтық және ақпарат институты,
Астана қ., Қазақстан Республикасы*

МЕМЛЕКЕТ БАСШЫСЫНЫҢ ҚҰЗЫРЕТІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕГЕ

Аннотация. Автор ғылыми қоғамдастықта құзыреттілік элементтерінің құрамы туралы консенсус жоқ екенін атап өтті. Мақалада әртүрлі тарихи кезеңдер авторларының пікірлері қарастырылған. Сонымен қатар көптеген заманауи ғалымдар құзыреттіліктің екі негізгі элементінің (жүргізу саласы мен өкілеттіктері) болуы туралы пікірді ұстанады. Мақалада ұғымдар, жүргізу саласы және өкілеттіктер қарастырылады. Мемлекет басшысының құзыретінің элементтері туралы ғылыми идеялар, жүргізу пәндері мен өкілеттігі ұғымдары болып табылады. Жұмыстың мақсаты тұжырымдамалық аппараттағы проблемаларды анықтау (құзыреті, жүргізу саласы, өкілеттіктері) және оларды шешу бойынша ұсыныстар әзірлеу болып табылады. Қорытындыда құқықтар мен міндеттер арқылы өкілеттік ұғымын анықтауға сыни баға берілді, өкілеттікті анықтау бойынша ұсыныстар берілді.

Түйінді сөздер: Президент; мемлекет басшысы; құзыреті; өкілеттіктері; жүргізу саласы; элемент; функция; құқықтары мен міндеттері.

D.B. Tebayev

*The Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Philosophy in Law,
Astana c., the Republic of Kazakhstan*

TO THE ISSUE OF THE LEGAL CONSTRUCTION OF THE COMPETENCE OF THE HEAD OF STATE

Abstract. The author notes that there is no consensus in the scientific community about the composition of the elements of competence. The article examines the opinions of the authors of different historical periods. At the same time, many modern scientists are of the opinion that there are two main elements of competence (jurisdictions and powers). The article discusses the concepts of jurisdictions and powers. The subject of the study

is scientific ideas about the elements of the competence of the head of state, the concepts of jurisdictions and powers. The objectives of the work are to identify problems in the conceptual apparatus (competence, jurisdictions and powers) and to develop proposals for their solution. In conclusion, a critical assessment of the definition of the concept of powers through rights and obligations is given, recommendations on the definition of authority are given.

Keywords: President; head of state; competence; powers; jurisdictions; element; function; rights and obligations.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_27

Введение. Согласно Конституции Республики Казахстан (далее – РК), глава государства наделен большим объемом полномочий во многих сферах жизнедеятельности государства (например, во внешней и внутренней политике государства, обороны и безопасности, в сфере законодательной, исполнительной и судебной ветвях государственной власти и т.д.). В конституционном законе о Президенте указанные полномочия детализируются, конкретизируются и сгруппированы. Одновременно с этим правовая природа полномочий как одного из ключевого элемента компетенции и в целом элементный состав компетенции изучен не в достаточной степени. В литературе встречаются разные мнения по составу элементов компетенции.

Материалы и методы. Материалами исследования стали результаты работ ученых по вопросам элементов и структуры компетенции главы государства, нормы конституций и законов РК и зарубежных стран, регулирующие эти вопросы. В ходе исследования использован комплекс общенаучных методов и специальные методы юридической науки (формально-догматический, сравнительно-правовой методы, метод толкования).

Результаты, обсуждение. В определении составных элементов компетенции органов публичной власти отсутствует единое мнение [1, 40 стр.]; [2]; [3]; [4]. В своем исследовании Н.В. Бобракова отмечает, что в дореволюционный период «А.С. Алексеев, А.Д. Градовский, В.В. Ивановский, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский рассматривали компетенцию государственных органов, как совокупность двух составляющих элементов:

полномочий и предметов» [5, С. 80-81].

По мнению К.Ф. Шеремета, «допускается смешение понятий предметы ведения, полномочия, компетенция» [6, 13 стр.]. Более того, некоторые авторы считают термины «полномочия» и «компетенция» синонимами [7, 27 стр.]. Различные авторы предлагают разные комбинации элементов компетенции органа публичной власти. Правда, В.В. Эмих отмечает, что в научной литературе большинство придерживаются позиции, по которой «компетенция состоит из полномочий» [8, 387 стр.]; [9, 429 стр.]. Однако, например, А.В. Венедиктов считал, что компетенция включает предмет деятельности (по мнению И.Л. Бачило, «понятие «предмет деятельности» очень близко к понятию «предмет ведения») [10, 62 стр.] и объем прав и обязанностей [11, 613 стр.]. Той же позиции придерживался и А.В. Мицкевич, выделявший круг задач и круг властных прав [12, 231 стр.]. Г.В. Атаманчук полагает, что компетенция включает функции и полномочия [13]. Он отмечает, что «определение компетенции государственных органов только с учетом их государственно-властных полномочий не позволяет эту компетенцию четко дифференцировать применительно к каждому государственному органу» [14, 116 стр.]. Б.М. Лазарев считал, что в компетенцию входят «не сами функции, которые орган вправе и обязан выполнять, а право и обязанность осуществлять определенного рода функции» [1, 40 стр.]. При этом Б.М. Лазарев указывал, что формулировка «функции и компетенции» также неудачна, поскольку создается впечатление, что в «компетенцию не входят право и обязанность органа выполнять возложенные

на него государством управленческие функции, будто компетенция состоит только из конкретных властных полномочий» [1, С. 40-41]. Также он был против включения в структуру компетенции предметов ведения [1, С. 45-46]. Помимо того, Б.М. Лазарев подвергал критике использование слова «задачи» не по назначению [1, 42 стр.], т.к. анализ норм, «содержащихся в этих разделах, показывает, что под «задачами» часто имеют в виду управленческие функции, возложенные на орган» [1, С. 42-43], в иных случаях – «основные направления деятельности органа, осуществляемой посредством разнообразных управленческих функций» [1, 43 стр.], в случаях, когда под «задачами» понимаются конкретные цели [1, 43 стр.]. Поэтому он отмечал о необходимости уточнения положения, что в компетенцию входят «задачи».

По мнению Д.Н. Бахраха, первый элемент компетенции – права и обязанности, второй – «подведомственность, правовое закрепление круга объектов, предметов, дел ...» [15, 28 стр.]. Н.В. Постовой подчеркивает, что компетенция – «совокупность прав и обязанностей и предметов ведения» [16, 148 стр.]. Кроме того, по мнению В.И. Червонюка, компетенция помимо полномочий и предмета ведения включает функции органа [17], другие считают, что задачи, функции и полномочия органа исполнительной власти образуют компетенцию органа [18]. По отношению к органам исполнительной власти Ю.Н. Стариков отмечает о наличии четырех элементов компетенции («задачи, права и обязанности, полномочия и ответственность») [19, 188 стр.]. Другие элементы выделяет Ю.А. Тихомиров (цели, предметы ведения, полномочия и ответственность) [20, С. 55-56].

По мнению О.Е. Кутфина и Е.И. Козловой, в компетенции можно выделить такие элементы как предметы ведения и полномочия [21, 309 стр.]. Такой же позиции придерживается и С.А. Авакьян [3]. Указанное положение получило наиболее широкое распространение. Указанные элементы нашли свое отражение в правовых актах как РК, так и Российской Федерации (далее – РФ).

Итак, ключевыми элементами компетенции можно считать предметы ведения и полномочия. Словосочетание «предметы ведения», по мнению Н.В. Постового, впервые было закреплено как «предметы ведомства» в «Общем положении о крестьянах ...» от 19 февраля 1861 года [4, 9 стр.]. В последующем данное понятие использовалось как «предметы ведомства» и «ведение», а в советский период уже как предметы ведения, при «законодатель часто имел в виду по сути компетенцию в целом» [1, 47 стр.]. В то же время, по мнению многих авторов, предмет ведения – это определенные общественные отношения [2], круг дел/деятельности, сфера или области жизни и другие синонимичные слова [8, 389 стр.]. Кроме того, законодателем РФ было предложено нормативное определение указанного понятия как определенной сферы общественных отношений, нашедшее отражение в Федеральном законе «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» от 24 июня 1999 г. №119-ФЗ (утратил силу в 2003 г.). Однако данное определение не разрешило дискуссию о понимании предметов ведения [20, 56 стр.]. Помимо отсутствия единого понимания предметов ведения, не имеется унифицированных определений понятий «функция», «компетенция», «полномочие», которые также активно используются в нормативной лексике.

Слово «полномочие», как известно, широко используется в правовых актах РК и РФ, в т.ч. о правовом положении президента. Попытка дать нормативное определение понятию полномочия органа государственной власти в свое время была предпринята: в названном Федеральном законе содержалось определение полномочия, которое сводилось к правам и обязанностям. В настоящее время указанный нормативный правовой акт не действует, и вопрос определения понятия полномочия

вновь является открытым.

История применения и понимания слова «полномочие» носила непоследовательный характер. В дореволюционный период в публично-правовой сфере определением указанного понятия особо не занимались [22]. Например, А.И. Елистратов отмечает, что право монарха – это совокупность его полномочий в области законодательства, управления и суда [23, 43 стр.]. Далее он уточняет, что в сфере законодательной деятельности главе государства – «Государю» – принадлежит право законодательной инициативы, право утверждения закона и право «по конституированию законодательных учреждений» (решение организационных вопросов, а также право роспуска законодательного органа). Область «административных полномочий Государя», как отмечает ученый, достаточно широкая. В первую очередь указанные полномочия связаны с организационно-исполнительными вопросами, а также областью дипломатического и военного управления. Среди законодательных и административных полномочий главы государства – право «издавать так называемые чрезвычайные указы», принятые в силу чрезвычайных обстоятельств и имеющие силу закона на определенный промежуток времени. В судебной сфере правосудие осуществляется от «имени Государя Императора установленными законом судами, решение коих приводится в исполнение именем Императорского Величества». Кроме того, глава государства назначает судей и лиц «прокурорского надзора», имеет право помилования и другие полномочия [23, С. 43-52]. Определение полномочий главы государства как его права, вероятно,

обусловлено формой правления и не приданием особого значения понятию полномочия главы государства, т.к. монарх по сути не является носителем полномочий (его никто не уполномочивал). В советское время доминирующая позиция сводилась к тому, что полномочия определяли, как права и обязанности [22].

В настоящее время, как и в советский период, преобладает понимание полномочия как права и обязанности уполномоченного лица или органа. Например, С.А. Авакьян определяет полномочия как «права и обязанности государственного органа, органа местного самоуправления, должностного лица, иных участников общественных отношений, установленные нормативным юридическим актом» (при этом в указанном терминологическом словаре определение компетенции в целом совпадает с определением полномочия) [24].

Ю.А. Тихомиров подчеркивает, что в конструкции понятия полномочия «права и обязанности» имеют строгую связь, характерную для публично-правовых отношений. Указанная связь выражается в определении полномочия как «правообязанности» [20, 56 стр.]. В публично-правовой сфере уполномоченным органом и/или лицом, как правило, право не может быть реализовано по своему усмотрению, поскольку уполномоченный одновременно наделен обязанностью осуществления права. С учетом вышеуказанного о «правообязанности» Ю.А. Тихомиров выделяет типичные полномочия [20, 57 стр.]. Эти теоретические представления нашли отражение в правовых актах стран постсоветского пространства (Азербайджан¹, Армения², Беларусь³, Грузия⁴, Кыргызстан⁵,

¹ Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası // Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyev [Electronic resource] – Access mode: <https://president.az/az/pages/view/azerbaijan/constitution> (Access date: 31.01.2024).

² Constitution of the Republic of Armenia // The president of the republic of armenia [Electronic resource] – Access mode: <https://www.president.am/en/constitution-2015> (Access date: 31.01.2024).

³ Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь // Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь [Electronic resource] – Access mode: <https://president.gov.by/be/gosudarstvo/constitution> (Access date: 31.01.2024).

⁴ Constitution of Georgia // Legislative Herald of Georgia сайт [Electronic resource] – Access mode: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346?publication=36> (Access date: 31.01.2024).

⁵ Кыргыз Республикасынын Конституциясы // Юстиция министрлиги [Electronic resource] – Access mode: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213?refId=1202952> (Access date: 31.01.2024).

Латвия⁶, Литва⁷, Молдова⁸, Россия, Таджикистан⁹, Туркменистан¹⁰, Узбекистан¹¹, Украина¹², Эстония¹³), в т.ч. в Конституции РК 1995 года и Конституционном законе «О Президенте Республики Казахстан». Согласно указанным правовым актам в тексте о полномочиях употребляются подобные по значению слова («согласовывает», «подписывает», «назначает», «утверждает», «образует», «заслушивает», «формирует», «упраздняет» и др.), которые Ю.А. Тихомиров выделил как типичные для ключевого элемента компетенции. Позиции неразрывности и тесной взаимосвязи права и обязанности как «две стороны одной медали» придерживался и Б.М. Лазарев [1, 83 стр.], включая использование законодателем глаголов в третьем лице единственного числа. Однако применение формулы полномочия через «правообязанность» порождает ряд противоречий с точки зрения, как правил русского языка, так и юридической логики [22].

Как было отмечено ранее, сведение полномочий к правам и обязанностям нашло свое отражение не только в теории, но и было закреплено нормативно. Например, подобная ситуация наблюдается, как отмечает И.В. Лексин, в российском законодательстве. Подобное встречается и в казахстанском законодательстве. Например, в статье 6 закона РК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» от 23 апреля 2014 года¹⁴ в качестве «полномочий органов внутренних дел» перечислены их

обязанности и права. Аналогичное положение можно наблюдать и в других актах, включая акты Главы РК. В указе Президента Казахстана об утверждении Положения об Администрации один из разделов обозначен как «Организация деятельности Администрации и полномочия ее должностных лиц и сотрудников». В постановлениях Правительства РК об утверждении положений о министерствах также можно наблюдать шаблонное использование в главе «Задачи и полномочия государственного органа» слов «права» и «обязанности». Кроме того, в эту главу включают «функции», которые осуществляет государственный орган и, которые в некоторых положениях имеют прямое пересечение с «задачами». Необходимость подобного использования слов «задачи», «полномочия», «права», «обязанности» и «функции» в актах Правительства требует дальнейшего уточнения. По всей видимости это дополнительно связано с тем, что в Административном процедурно-процессуальном кодексе РК (далее – АППК РК) от 29 июня 2020 года № 350-VI дается определение понятием «компетенция государственного органа», «полномочия государственного органа», «задачи государственного органа», «функции государственного органа»¹⁵. Так, законодатель использовал распространенное в литературе определение полномочия через права и обязанности.

Во второй части определения названного Федерального закона было отмечено

⁶ The Constitution of the Republic of Latvia [Electronic resource] – Access mode: <https://www.saeima.lv/en/legislative-process/constitution/> (Access date: 31.01.2024).

⁷ Constitution of the Republic of Lithuania: Adopted by citizens of the Republic of Lithuania in the Referendum of 25 October 1992 [Electronic resource] – Access mode: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.21892> (Access date: 31.01.2024).

⁸ Constituția Republicii Moldova [Electronic resource] – Access mode: <https://www.parlament.md/CadrulLegal/Constitution/tabid/151/language/ro-RO/Default.aspx> (Access date: 31.01.2024).

⁹ Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон [Electronic resource] – Access mode: <http://www.president.tj/taxonomy/term/5/111> (Access date: 31.01.2024).

¹⁰ Türkmenistanyň Konstitusiyasy [Electronic resource] – Access mode: <https://turkmenistan.gov.tm/tk/habar/44646/turkmenistanyn-konstitusiyasy> (Access date: 31.01.2024).

¹¹ Ўзбекистон Республикаси Конституцияси [Electronic resource] – Access mode: https://president.uz/uz/pages/view/constitution?menu_id=10 (Access date: 31.01.2024).

¹² Конституція України // Офіційне інтернет-представництво [Electronic resource] – Access mode: <https://www.president.gov.ua/ua/documents/constitution/konstituciya-ukrayini-rozdil-v> (Access date: 31.01.2024).

¹³ Constitution of the Republic of Estonia [Electronic resource] – Access mode: <https://president.ee/en/republic-of-estonia/the-constitution> (Access date: 31.01.2024).

¹⁴ Об органах внутренних дел Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 23 апр. 2014 г. №199-V [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁵ Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 29 июня 2020 г. № 350-VI [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350> (дата обращения: 09.04.2024).

об «осуществлении ... действий». Так, по смыслу словосочетания «осуществление действий» предполагается, что полномочие не сводится только к правам и обязанностям. Более того, между явлениями «полномочие» и «права и обязанности» имеется «диалектическая связь», но она не является формально-логической [22, 51 стр.]. Как было отмечено выше, законодатель в некоторых правовых актах определяет полномочие через права и обязанности, и это объясняется в первую очередь наличием этой «иной» связи. Так, реализация полномочий подразумевает определенные действия по осуществлению прав и обязанностей в интересах определенного субъекта. Например, высшее должностное лицо РК согласно Конституции, в т.ч. на основании своей присяги, осуществляет свои полномочия в интересах народа Казахстана. Таким образом полномочие и права и обязанности имеют связь как явления (полномочие – способность к осуществлению прав и обязанностей), но не имеют логического пересечения как понятия.

В то же время рекомендуется отметить, что в вопросе о юридической конструкции

компетенции главы государства некоторые казахстанские авторы (например, Л.Т. Жанузакова [25], Г. А. Алибаева [26] и др.) в своих исследованиях ссылаются на работы как советских, так и российских представителей научного сообщества.

Заключение. Исходя из вышеуказанного, во-первых, по мнению многих специалистов полномочие является одним из элементов компетенции, который играет ключевую роль в определении правового положения органа или лица. Во-вторых, определение полномочий через права и обязанности активно ретранслируется современниками и находит отражение в правовых актах. Это положение требует уточнения, т.к., например, полномочия всех органов государственной власти являются делегированным.

В этой связи предлагается использовать слово «полномочие» как способность совершать юридически значимые действия в интересах уполномочившего субъекта, в т.ч. в АППК РК. Указанное определение позволит отразить все правовые характеристики понятий полномочий главы государства и полномочий государственного органа.

Список использованной литературы:

1. Лазарев, Б.М. Компетенция органов управления / Б.М. Лазарев. – М., 1972. – 280 с.
2. Кутафин, О.Е. Компетенция местных Советов / О.Е. Кутафин, К.Ф. Шеремет. – М., 1982. – 232 с.
3. Авакьян, С.А. Правовое регулирование деятельности Советов. Конституционные основы, теория, практика / С.А. Авакьян. – М., 1980. – 176 с.
4. Постовой, Н.В. Проблемы компетенции в системе местного самоуправления и пути их решения / Н.В. Постовой. – М., 2013. – 80 с.
5. Бобракова, Н.В. Институт главы государства в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Бобракова. – Краснодар, 2008. – 253 с.
6. Шеремет, К.Ф. Компетенция местных Советов / К.Ф. Шеремет. – М., 1968. – 168 с.
7. Елисеева, А.А. Правовые проблемы разграничения предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Елисеева. – М., 2000. – 150 с.
8. Эмих, В.В. Понятие компетенции государственного органа в современном российском праве / В.В. Эмих // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2010. – №10. – С. 379-393.
9. Эмих, В.В. Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение / В.В. Эмих // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2010. – № 9. – С. 423-432.
10. Бачило, И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации) / И.Л. Бачило. – М., Юрид. лит., 1976. – 200 с.

11. Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов. – М.Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.
12. Мицкевич, А.В. Избранное / А.В. Мицкевич; сост. и авт. предисловия Е.А. Юртаева. – М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 304 с.
13. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления: курс лекций / Г.В. Атаманчук. – М.: Юрид. лит., 1997. – 400 с.
14. Атаманчук, Г.В. Сущность советского государственного управления / Г.В. Атаманчук. – М.: Юрид. лит., 1980. – 256 с.
15. Бахрах, Д.Н. Административное право / Д.Н. Бахрах. – М.: Издательство ВЕК, 1999. – 320 с.
16. Постовой, Н.В. Правовая, имущественная и организационная основы муниципального управления в Российской Федерации / Н.В. Постовой. – М.: ИД «Юриспруденция», 2020. – 176 с.
17. Червонюк, В.И. Конституционное право России / В.И. Червонюк. – М, 2004. – 432 с.
18. Попов, Л.Л. Административное право России; 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л.Л. Попов / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. – М.: Проспект, 2010. – 757 с.
19. Бахрах, Д.Н. Административное право. 2-е изд., изм. и доп. / Д.Н. Бахрах, Б.В. Российский, Ю.Н. Стариков. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
20. Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. – М., 2001. – 355 с.
21. Козлова, Е.И. Конституционное право России / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2021. – 592 с.
22. Лексин, И.В. Полномочие как категория отечественной юриспруденции: диалектика многозначности и унифицированности / И.В. Лексин // Журнал российского права. – 2021. – № 4 (25). – С. 37-58.
23. Елистратов, А.И. Очерк государственного права (конституционное право) / А.И. Елистратов. – М., 1905. – 166 с.
24. Авакьян, С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. – М: Юстицинформ, 2015. – 656 с.
25. Жанузакова, Л.Т. О соотношении функций, компетенции и полномочий государственных органов / Л.Т. Жанузакова // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2020. – № 2 (60). – С. 19-24.
26. Алибаева, Г.А. Теоретические аспекты соотношения понятий «функция» и «полномочия» в деятельности исполнительных органов / Г.А. Алибаева // Вестник КазНУ Серия юридическая. – 2009. – № 4. – С. 57-60.

References:

1. Lazarev, B.M. Kompetencija organov upravljenja / B.M. Lazarev. – М., 1972. – 280 s.
2. Kutafin, O.E. Kompetencija mestnyh Sovetov / O.E. Kutafin, K.F. Sheremet. – М., 1982. – 232 s.
3. Avak'jan, S.A. Pravovoe regulirovanie dejatel'nosti Sovetov. Konstitucionnye osnovy, teorija, praktika / S.A. Avak'jan. – М., 1980. – 176 s.
4. Postovoj, N.V. Problemy kompetencii v sisteme mestnogo samoupravlenija i puti ih reshenija / N.V. Postovoj. – М., 2013. – 80 s.
5. Bobrakova, N.V. Institut glavy gosudarstva v stranah SNG: sravnitel'no-pravovoj analiz: dis. ... kand. jurid. nauk / N.V. Bobrakova. – Krasnodar, 2008. – 253 s.
6. Sheremet, K.F. Kompetencija mestnyh Sovetov / K.F. Sheremet. – М., 1968. – 168 s.
7. Eliseeva, A.A. Pravovye problemy razgranichenija predmetov vedenija i polnomochij organov gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii i ejo sub#ektov: dis. ... kand. jurid. nauk / A.A. Eliseeva. – М., 2000. – 150 s.

8. Jemih, V.V. Ponjatie kompetencii gosudarstvennogo organa v sovremennom rossijskom prave / V.V. Jemih // Nauchnyj ezhegodnik Instituta Filosofii i prava Ural'skogo otdelenija RAN. – 2010. – №10. – S. 379-393.
9. Jemih, V.V. Pravosub#ektnost' i kompetencija gosudarstvennyh organov: sodержanie ponjatij i ih sootnoshenie / V.V. Jemih // Nauchnyj ezhegodnik Instituta Filosofii i prava Ural'skogo otdelenija RAN. – 2010. – № 9. – S. 423-432.
10. Bachilo, I.L. Funkcii organov upravlenija (pravovye problemy oformlenija i realizacii) / I.L. Bachilo. – M., Jurid. lit., 1976. – 200 s.
11. Venediktov, A.V. Gosudarstvennaja socialisticheskaja sobstvennost' / A.V. Venediktov. – M.L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 839 s.
12. Mickevich, A.V. Izbrannoe / A.V. Mickevich; sost. i avt. predislovija E.A. Jurtaeva. – M: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2010. – 304 s.
13. Atamanchuk, G.V. Teorija gosudarstvennogo upravlenija: kupc lekcij / G.V. Atamanchuk. – M.: Jurid. lit., 1997. – 400 s.
14. Atamanchuk, G.V. Sushhnost' sovetskogo gosudarstvennogo upravlenija / G.V. Atamanchuk. – M.: Jurid. lit., 1980. – 256 s.
15. Bahrah, D.N. Administrativnoe pravo / D.N. Bahrah. – M.: Izdatel'stvo VEK, 1999. – 320 s.
16. Postovoj, N.V. Pravovaja, imushhestvennaja i organizacionnaja osnovy municipal'nogo upravlenija v Rossijskoj Federacii / N.V. Postovoj. – M.: ID «Jurisprudencija», 2020. – 176 s.
17. Chervonjuk, V.I. Konstitucionnoe pravo Rossii / V.I. Chervonjuk. – M, 2004. – 432 s.
18. Popov, L.L. Administrativnoe pravo Rossii; 2-e izd., pererab. i dop. / otv. red. L.L. Popov / L.L. Popov, Ju.I. Migachev, S.V. Tihomirov. – M.: Prospekt, 2010. – 757 s.
19. Bahrah, D.N. Administrativnoe pravo. 2-e izd., izm. i dop. / D.N. Bahrah, B.V. Rossijskij, Ju.N. Starilov. – M.: Norma, 2005. – 800 s.
20. Tihomirov, Ju.A. Teorija kompetencii / Ju.A. Tihomirov. – M., 2001. – 355 s.
21. Kozlova, E.I. Konstitucionnoe pravo Rossii / E.I. Kozlova, O.E. Kutafin. – M.: Prospekt, 2021. – 592 s.
22. Leksin, I.V. Polnomochie kak kategorija otechestvennoj jurisprudencii: dialektika mnogoznachnosti i unificirovannosti / I.V. Leksin // Zhurnal rossijskogo prava. – 2021. – № 4 (25). – S. 37-58.
23. Elistratov, A.I. Oчерk gosudarstvennogo prava (konstitucionnoe pravo) / A.I. Elistratov. – M., 1905. – 166 s.
24. Avak'jan, S.A. Konstitucionnyj leksikon: Gosudarstvenno-pravovoj terminologicheskij slovar' / S.A. Avak'jan. – M: Justicinform, 2015. – 656 s.
25. Zhanuzakova, L.T. O sootnoshenii funkcij, kompetencii i polnomochij gosudarstvennyh organov / L.T. Zhanuzakova // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK. – 2020. – № 2 (60). – S. 19-24.
26. Alibaeva, G.A. Teoreticheskie aspekty sootnoshenija ponjatij «funkcija» i «polnomochija» v dejatel'nosti ispolnitel'nyh organov / G.A. Alibaeva // Vestnik KazNU Serija juridicheskaja. – 2009. – № 4. – S. 57-60.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Дидар Болатұлы Тебаев – Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат Институтының конституциялық, әкімшілік заңнама және мемлекеттік басқару бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері, философия докторы (PhD), e-mail: tebdidar@gmail.com.

Тебаев Дидар Болатович – ведущий научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: tebdidar@gmail.com.

Tebaev Didar Bolatovich – Leading Researcher at the Department of Constitutional,

Administrative Legislation and Public Administration of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: tebdidar@gmail.com.

ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ, АТҚАРУШЫЛЫҚ ІС ЖҮРГІЗУ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ҚОРҒАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ / ТРУДОВОЕ ПРАВО, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ / LABOR LAW, ENFORCEMENT PROCEEDINGS AND SOCIAL PROTECTION ISSUES

УДК 331.106; 349.222
МРНТИ 10.63.35

Д.Б. Разиева

Alikhan Bukeikhan University, г. Семей, Республика Казахстан

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТРУДОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Актуальность исследования связана с преобразованиями в сфере законодательства, вызванных переходом к цифровизации трудовых отношений и возникновением новой формы организации труда – платформенной занятости.

Автором предпринята попытка провести критический анализ механизмов правового регулирования трудовых отношений и разработать соответствующие рекомендации. Такой подход позволил спрогнозировать возможные риски последствий неограниченной свободы работодателя, приводящей к ущемлению прав работника и созданию в рамках цифровых платформ наихудших условий труда.

В статье проведен сопоставительный анализ статьи 102 Социального кодекса Республики Казахстан и статьи 146-1 Трудового кодекса Республики Казахстан, в результате которого получены доказательства имеющегося конфликта данных правовых норм и неясности правового статуса работников цифровых платформ.

На основании подробного анализа статьи 146-1 Трудового кодекса Республики Казахстан, сформулирован вывод о неустойчивости платформенной занятости, создающей условия для ущемления социально-трудовых прав работников и лишения их социальных гарантий.

В рамках исследования делаются обоснованные выводы о целесообразности внесения изменений и дополнений в пункте 4 статьи 102 Социального кодекса Республики Казахстан и статьи 146-1 Трудового кодекса Республики Казахстан.

Ключевые слова: платформенная занятость; цифровая платформа; интернет-платформа; трудовые отношения; работник; работодатель; платформенный работник; трудовой кодекс.

Д.Б. Разиева

Alikhan Bukeikhan University, Семей қ., Қазақстан Республикасы

ЦИФРЛЫҚ ЭКОНОМИКА ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ПЛАТФОРМАЛЫҚ ЖҰМЫСПЕН ҚАМТУ: ЕҢБЕК-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аннотация. Еңбек қатынастарын цифрландыруға көшу және еңбекті ұйымдастырудың жаңа формасы – платформалық жұмыспен қамтудың пайда болуымен туындаған заңнамадағы өзгерістерге байланысты зерттеу тақырыбы өзекті болып табылады.

Автор еңбек қатынастарын құқықтық реттеу тетіктеріне сыни талдау жүргізуге және тиісті ұсынымдар әзірлеуге талпыныс жасаған. Мұндай тәсіл жұмыс берушінің шектеусіз еркіндігі салдарының ықтимал тәуекелдерін болжауға мүмкіндік берді, қалыптасқан жағдай жұмыскердің құқықтарының шектелуіне және цифрлық платформалар шеңберінде ең нашар еңбек жағдайларының жасалуына әкелуде.

Мақалада Қазақстан Республикасы Әлеуметтік кодексінің 102-бабына және Қазақстан Республикасы Еңбек кодексінің 146-1-бабына салыстырмалы талдау жүргізілген, оның нәтижесінде осы құқықтық нормалардың арасында қайшылықтар бар екендігіне және цифрлық платформалардағы жұмыскердің құқықтық мәртебесінің түсініксіз екендігіне дәлелдер алынған.

Қазақстан Республикасы Еңбек кодексінің 146-1-бабына талдау жасау негізінде қызметкерлердің

әлеуметтік-еңбек құқықтарына қысым жасау және оларды әлеуметтік кепілдіктерден айыру үшін жағдай жасайтын платформалық жұмыспен қамтудың тұрақсыздығы туралы қорытынды жасалынады.

Зерттеу шеңберінде Қазақстан Республикасы Әлеуметтік кодексінің 102-бабының 4-тармағына және Қазақстан Республикасы Еңбек кодексінің 146-1-бабына өзгерістер мен толықтырулар енгізудің орындылығы туралы негізделген қорытындылар жасалынған.

Түйінді сөздер: платформалық жұмыспен қамту; цифрлық платформа; интернет-платформа; еңбек қатынастары; қызметкер; жұмыс беруші; платформалық жұмысшысы; еңбек кодексі.

D.B. Raziyeva

Alikhan Bukeikhan University, Semey c., the Republic of Kazakhstan

PLATFORM EMPLOYMENT IN THE DIGITAL ECONOMY: LABOR LAW ASPECTS

Abstract. The relevance of the research is connected with the transformations in the field of legislation caused by the transition to labor relations digitalization and the emergence of a new form of labor organization – platform employment.

The author attempts to conduct a critical analysis of the mechanisms of legal regulation of labor relations and develop appropriate recommendations. This approach made it possible to predict the possible risks of the consequences of the unlimited freedom of the employer, leading to infringement of the employee's rights and the worst working conditions within the framework of digital platforms.

The article provides a comparative analysis of Article 102 of the Social Code and Article 146-1 of the Labor Code, which resulted in evidence of the existing conflict of these legal norms and the ambiguity of the legal status of employees of digital platforms.

Based on a detailed analysis of Articles 146-1 of the Labor Code, a conclusion is formulated about the instability of platform employment, which creates conditions for the infringement of social and labor rights of employees and the deprivation of their social guarantees.

Within the framework of the study, reasonable conclusions are drawn about the expediency of making amendments and additions to paragraph 4 of Article 102 of the Social Code and Article 146-1 of the Labor Code.

Keywords: platform employment; digital platform; internet platform; labor relations; employee; employer; platform employee; labor code.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_36

Введение. Актуальность исследования связана с переходом Республики Казахстан (далее – РК) к цифровой экономике, что требует перестройки всех сфер общественной жизни на интеграцию потенциала искусственного интеллекта, цифровых технологий и человеческого капитала.

В условиях указанных трансформаций Международная организация труда уделяет особое внимание регулированию трудовых отношений¹ и возникновению новых форм организации труда с применением цифровых технологий².

Занятость через интернет-платформы и (или) мобильные приложения (далее – цифровые платформы) представляет собой современный, доступный способ выполнения работ либо оказания услуг, направленных на достижение социально-значимых целей – доставки товаров, размещения вакансий, перевозки пассажиров, передачи посылок, повышения квалификации и т.д. Не будет преувеличением признать, что цифровая платформа в настоящее время является цифровой основой жизнедеятельности и развития человека.

Во время всеобщего карантина,

¹ Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда: доклад Генерального директора / Международная конференция труда, 104 сессия, 2015. – 19 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_369620.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

² Работать ради лучшего будущего – Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда: доклад Международной организации труда. – Женева: МБТ, 2019. – 88 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mtrud.rk.gov.ru/documents/01a1dad9-1a0f-47dd-a89e-788607e5fad3> (дата обращения: 03.07.2024).

вызванного пандемией COVID-19, цифровые платформы заняли центральное место, оставшись единственными участниками рынка, которые продолжали полноценно функционировать в условиях вынужденных ограничений [1].

Признавая, что платформы обеспечили непрерывность обслуживания населения в условиях изоляции, вместе с тем отметим рост социально-экономических рисков для работников платформ во время пандемии. Очевидно, что наибольшую эффективность в преодолении возникших угроз продемонстрировали те платформы, которые смогли переложить значительную часть этих угроз на своих сотрудников. Это позволило им резко увеличить численность персонала для более гибкого реагирования на колебания спроса клиентов при сохранении низких затрат на оплату труда. Более того, платформы минимизировали риски для здоровья клиентов, перенося их на своих работников. Иными словами, платформы действовали преимущественно в интересах бизнеса, а не сотрудников, предоставляя своим клиентам возможность переложить новые риски повседневной жизни на работников платформ [2].

Платформенные механизмы труда по-прежнему имеют ряд недостатков, таких как нестабильный рабочий график, низкий уровень доходов, отсутствие гарантий занятости и социальных льгот. Платформенная занятость размывает границы между традиционными классификациями, ранее считавшимися бинарными противоположностями: работа и личное время, дилетантство и профессионализм, подчиненность и автономия в отношениях, полная занятость и временная работа [3].

Во многих странах идет поиск оптимальных решений по интеграции цифрового формата в существующую систему экономических и социальных отношений. Судебные прецеденты во всем мире часто приводят к признанию за работниками

социально-трудовых прав. В то же время ошибочно утверждать о сближении платформенной занятости с традиционным наемным трудом по причине существующего вакуума в области правового регулирования [4, 5 стр.].

Вышеуказанные факторы определяют цель исследования – проведение критического анализа изменений в законодательстве, связанных с цифровизацией трудовых отношений и появлением новой формы организации труда – платформенной занятости.

Цель исследования не охватывает подробный анализ гражданско-правовых отношений, возникающих в сфере платформенной занятости, она направлена на характеристику трудовых отношений и разработку соответствующих рекомендаций. Такой подход позволит спрогнозировать возможные риски последствий неограниченной свободы работодателя, приводящих к ущемлению прав работника и созданию в рамках цифровых платформ наихудших условий труда.

Материалы и методы. Необходимо признать научную привлекательность проблемы правового регулирования трудовых отношений платформенных работников среди казахстанских ученых: М.Х. Хасенова [5], [6], [7]; Е.Н. Нурғалиевой и А.С. Баймаханова [8]. Указанные работы позволяют глубже понять природу платформенной занятости, сопоставить нормы национального законодательства с международными концепциями.

Тем не менее считаем важным проведение критического анализа действующего подхода к регулированию трудовых отношений платформенных работников в рамках статьи 146-1 Трудового кодекса РК от 23 ноября 2015 года № 414-V (далее – ТК РК)³ и статьи 102 Социального кодекса РК от 20 апреля 2023 года № 224-VII (далее – СК РК)⁴.

Перспектива решения обозначенной цели напрямую связана с методологией

³ Трудовой кодекс Республики Казахстан: от 23 нояб. 2015 г. № 414-V (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832&pos=2647;-53#pos=2647;-53 (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Социальный кодекс Республики Казахстан: от 20 апр. 2023 г. № 224-VII (с изм. и доп. по сост. на 17.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598 (дата обращения: 01.07.2024).

проводимого исследования, в основе которой определен метод описания, как метод общенаучного познания. Посредством описания, автору удалось осуществить сбор и первичный анализ необходимой информации, а также охарактеризовать платформенную занятость и изложить полученный материал.

С помощью метода структурного анализа предпринята попытка соотнести юридически значимые ситуации в области организации труда платформенных работников с некоторыми теориями и стандартами, определенными автором в качестве аксиом. В результате указанного методологического подхода проведена оценка имеющихся кейсов с точки зрения устойчивости платформенной занятости, а также обеспеченности трудовых отношений установленными гарантиями. Кроме этого, полученные выводы выступили методологической базой для рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства.

Метод юридической конструкции позволил обеспечить логическое построение изложенного материала вокруг центрального элемента – трудовых отношений платформенных работников.

Путем системного метода сложная категория платформенной занятости исследована как целостная система организации труда, при которой платформенные работники рассматриваются с позиции их трудового статуса, имеющих право на устойчивые трудовые отношения и достойные условия труда.

Использование метода правового моделирования способствовало поиску оптимальных вариантов решения обозначенных в исследовании проблем и позволило сформулировать обоснованные выводы.

Результаты и обсуждения. Понятие платформенной занятости введено в

законодательство Казахстана путем закрепления данной категории в пункте 1 статьи 102 СК РК. Согласно указанной норме, платформенная занятость «представляет собой вид деятельности по оказанию услуг или выполнению работ с использованием интернет-платформ и (или) мобильных приложений платформенной занятости»⁵.

Пункт 2 статьи 102 СК РК признает сторонами платформенной занятости: оператора интернет-платформы, заказчика услуги или работы, исполнителя услуги или работы. В то же время пункт 4 статьи 102 СК РК предоставляет возможность исполнителю привлекать иных лиц в качестве наемных работников, отношения с которыми оформляются в соответствии с ТК РК⁶.

Таким образом, если исполнитель, как сторона платформенной занятости привлекает наемного работника – непосредственного исполнителя работ или услуг, между ними возникают трудовые отношения в рамках статьи 146-1 ТК РК. В соответствии с пунктом 1 указанной статьи, труд работников, занятых по трудовому договору у индивидуального предпринимателя или юридического лица, осуществляющего деятельность с применением интернет-платформ и (или) мобильного приложения платформенной занятости, регулируется в соответствии с ТК РК с учетом особенностей, установленных статьей 146-1, трудовым договором и актом работодателя⁷.

Обратим внимание на возникающий конфликт правовых норм, поскольку указанный пункт, раскрывая правовой статус работодателя как индивидуального предпринимателя или юридического лица, противоречит содержанию пункта 4 статьи 102 СК РК.

Чтобы разобраться в данном казусе и сделать выбор в пользу одной из антагонистических норм, необходимо обратиться к Кодексу РК от 29 октября

⁵ Социальный кодекс Республики Казахстан: от 20 апр. 2023 г. № 224-VII (с изм. и доп. по сост. на 17.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598 (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Там же.

⁷ Трудовой кодекс Республики Казахстан: от 23 нояб. 2015 г. № 414-V (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832&pos=2647;-53#pos=2647;-53 (дата обращения: 01.07.2024).

2015 года № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» (далее – ПК РК)⁸. Исходя из анализа статей 23-24 ПК РК, можно утверждать о возможности признания индивидуальных предпринимателей в качестве работодателей в контексте платформенной занятости. Дополнительным аргументом выступает статья 683 Кодекса РК от 25 декабря 2017 года № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (далее – Налоговый кодекс), предусматривающая возможность индивидуального предпринимателя использовать труд наемных работников определенной численностью в зависимости от налогового режима. Указанная возможность, в то же время, не относится к индивидуальным предпринимателям, работающим на основе патента⁹. Вышеизложенное позволяет утверждать о необходимости исправления возникшего диссонанса путем дополнения пункта 4 статьи 102 СК РК.

Более того, считаем неверным использовать в данном пункте термин «оформляются» применительно к трудовым отношениям, возникающим между исполнителем и работником платформенной занятости. Значение слова «оформлять» направлено на придание чему-либо законной силы путем выполнения необходимых формальностей¹⁰. Действительно, статья 34 ТК РК, регулирующая порядок оформления приема на работу, предусматривает, что прием на работу оформляется актом работодателя, издаваемым на основании заключенного трудового договора¹¹. Создается впечатление, что законодатель ограничивает сложную цепочку трудового правоотношения лишь начальным, формальным этапом его возникновения. В то же время взаимосвязь указанных субъектов должна иметь конкретную правовую определенность, как с формальной, так и с

содержательной характеристик.

На наш взгляд, установленный в пункте 4 статьи 102 СК РК подход, порождает неясность в правовом статусе наемных работников цифровых платформ, способствует неопределенности в правоприменительной деятельности и усугублению социального напряжения в обществе. Исходя из этого, считаем, что закрепление термина «регулируются» вместо «оформляются» позволит установить безусловный иммунитет от переквалификации трудовых отношений в отношении гражданско-правового характера.

Перечисленные аргументы приводят к выводу о необходимости изменения пункта 4 статьи 102 СК РК и изложения его в следующей редакции: *«4. В случае привлечения исполнителем – индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом работников для оказания услуг и выполнения работ с использованием интернет-платформ и (или) мобильных приложений платформенной занятости, трудовые отношения с ними регулируются в соответствии с Трудовым кодексом Республики Казахстан».*

Особенности установления срока трудового договора с платформенными работниками.

Заслуживает исследовательского внимания подход законодателя к содержанию пункта 2 статьи 146-1 ТК РК, регламентирующего возможность заключения трудового договора на определенный срок без ограничения, предусмотренного подпунктом 2) пункта 1 статьи 30 ТК РК¹².

На самом деле, требование о заключении срочного трудового договора не менее чем на 1 год свидетельствует о социальной функции трудового права, о соблюдении принципа долгосрочности трудовых отношений.

⁸ Предпринимательский кодекс Республики Казахстан: от 29 окт. 2015 г. № 375-V (с изм. и доп. по сост. на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854&pos=667;-56#pos=667;-56 (дата обращения: 01.07.2024).

⁹ О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс): от 25 дек. 2017 г. № 120-VI (с изм. и доп. по сост. на 21.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36148637 (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁰ Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lexicography.online/%D0%BE/%D0%BE%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%BB%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 01.07.2024).

¹¹ Трудовой кодекс Республики Казахстан: от 23 нояб. 2015 г. № 414-V (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832&pos=2647;-53#pos=2647;-53 (дата обращения: 01.07.2024).

¹² Там же.

В этом направлении трудовой договор имеет значительные преимущества перед договором гражданско-правового характера.

Однако на сегодняшний день процедура окончания трудовой деятельности платформенных работников зависит исключительно от работодателя, правомочного по своему усмотрению прекратить трудовые отношения с работником, заблокировав его аккаунт и закрыв доступ к цифровой платформе. На западе, из-за аналогичной проблемы, в обиход внедрен специальный термин «мобильный деспотизм», отражающий существующую практику [9].

К. Дерре, говоря о масштабах неустойчивых трудовых отношений в Германии, заявляет о прекаризации немецкого рынка труда, при которой увеличивается категория населения, не способная выбраться из такого неустойчивого состояния. В результате этого усиливается социальная напряженность и возникает реальная угроза общественной безопасности [10].

Сложившаяся ситуация демонстрирует, что платформенная занятость имеет неустойчивый характер, поскольку создает условия для неустойчивой трудовой деятельности, ущемления социально-трудовых прав работников и отсутствия социальных гарантий. В данном контексте считаем содержание пункта 2 статьи 146-1 ТК РК не соответствующим общим принципам трудового права и предлагаем исключить пункт 2 из содержания исследуемой нормы.

Особенности регулирования рабочего времени и времени отдыха платформенных работников.

Важным для исследования платформенной занятости является правовой режим рабочего времени и времени отдыха.

Согласно пункту 3 статьи 146-1 ТК РК, «для работников, осуществляющих трудовую деятельность с применением интернет-

платформ и (или) мобильного приложения платформенной занятости, может устанавливаться иная продолжительность ежедневной работы (рабочей смены) в соответствии с трудовым законодательством Республики Казахстан, актами работодателя, коллективным или трудовым договором»¹³.

Гибкость данного подхода представляет особую привлекательность для «цифровых зумеров» – людей поколения Z, имеющих с раннего возраста доступ к интернету и цифровым технологиям¹⁴. Гибкий график позволяет самостоятельно планировать свое рабочее время, обеспечивая сочетание трудовой деятельности и образования, раньше начать трудовую или предпринимательскую карьеру, получая навыки, необходимые для профессионального становления. Кроме этого, данная норма носит инклюзивный характер, поскольку создает условия равных возможностей на реализацию трудового потенциала лицам, испытывающим определенные затруднения при стандартном трудоустройстве.

В этой связи представляет интерес опыт Нидерландов, где внедрена уникальная форма трудовых отношений – контракты с «нулевым» рабочим временем. Такие контракты считаются наиболее приемлемым способом оформления отношений в сфере платформенной занятости, поскольку основываются на запросе (on-call), при котором главным условием выступает вызов работника при необходимости выполнения определенной работы. Чрезвычайно показателен тот факт, что при такой гибкости работодатель обязан соблюдать трудовое законодательство, обеспечивать условия труда и сохранять социальные гарантии¹⁵.

В Казахстане проблемы режима рабочего времени и времени отдыха приобретают особо острую актуальность применительно организации труда курьеров и водителей,

¹³ Трудовой кодекс Республики Казахстан: от 23 нояб. 2015 г. № 414-V (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832&pos=2647;-53#pos=2647;-53 (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁴ Платформенная занятость как инструмент трудовой социализации представителей поколения Z. – 2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rsuh.digital/platformennaya> (дата обращения: 03.07.2024).

¹⁵ Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. – 2022. – 69 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (дата обращения: 03.07.2024).

работающих через цифровые платформы.

Известно, что водители самостоятельно определяют свои рабочие часы посредством цифрового приложения. При этом действующая система бонусов стимулирует водителей к увеличению количества отработанных часов, вынуждает выходить за рамки нормальной продолжительности рабочего времени. Результаты обзора на примере компании «Яндекс», как одного из лидеров рынка цифровых платформ, свидетельствуют, что 51% респондентов работают до 8 часов, 10% работают в среднем по 10 часов, 24% не имеют четкого представления о количестве отработанных часов в день. Более того, 50% респондентов работают до 12 часов в день, а максимальная продолжительность рабочего дня 35% опрошенных превышает 12 часов¹⁶.

Высказывается мнение, что причиной 35% происходящих в Казахстане дорожно-транспортных происшествий выступает усталость перевозчиков, не соблюдающих режим труда и отдыха. Признается целесообразным ограничивать время их работы до восьми часов с обязательным предоставлением перерыва не менее одного часа. Контроль такого режима должен осуществляться через цифровую платформу с возможностью блокировки доступа водителей к приложению по истечении лимита¹⁷.

Перспективу решения данной проблемы мы находим (помимо ТК РК) в нормативах Минимального социального стандарта от 29 июля 2015 года №631 «Продолжительность ежедневной работы (рабочей смены)». Согласно Стандарту «продолжительность ежедневной работы не может превышать

8 часов; нормальная продолжительность рабочего времени не должна превышать 40 часов в неделю»¹⁸. Кроме этого, водитель легкового автомобиля такси при работе в городах республиканского, краевого, областного подчинения и на междугородных трассах имеет право на дополнительный отпуск продолжительностью 6 дней¹⁹.

Аналогичным образом должен быть определен подход к режиму рабочего времени и времени отдыха остальных категорий платформенных работников, в зависимости от специфики выполняемой деятельности.

Особенности системы оплаты труда платформенных работников.

В соответствии с пунктом 4 статьи 146-1 ТК РК, система и условия оплаты труда работников платформенной занятости устанавливаются в соответствии с трудовым законодательством РК, актами работодателя, коллективным или трудовым договором²⁰.

Однако жизненные реалии демонстрируют нестабильный и непредсказуемый характер системы оплаты труда на цифровых платформах: отсутствует минимальный уровень стоимости услуг, действующие тарифы не соотносятся с национальными нормами минимальной оплаты труда. Особенно болезненно воспринимаются существующие практики, когда платформенная занятость является единственным либо основным источником дохода²¹.

Безусловно, что низкий доход и неопределенность в сфере занятости существенно влияют на физическое и психическое здоровье человека, на его

¹⁶ Дорожная карта к правосудию: как работники платформенной экономики могут отстаивать свои права в Казахстане. – 2022. – 21 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.solidaritycenter.org/wp-content/uploads/2022/10/KAZRussian.September-2022.pdf> (дата обращения: 03.07.2024).

¹⁷ Запретить таксистам работать более девяти часов / Kolesa.kz [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kolesa.kz/content/news/zapretit-taksistam-rabotat-bolee-devyati-chasov/> (дата обращения: 03.07.2024).

¹⁸ Об утверждении минимальных социальных стандартов в сферах труда и социального обеспечения: приказ и.о. Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 29 июля 2015 г. № 631 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011975> (дата обращения: 03.07.2024).

¹⁹ Об утверждении Списка производств, цехов, профессий и должностей, перечня тяжелых работ, работ с вредными и (или) опасными условиями труда, работа в которых дает право на сокращенную продолжительность рабочего времени, дополнительный оплачиваемый ежегодный трудовой отпуск и повышенный размер оплаты труда, а также правил их предоставления: приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 28 дек. 2015 г. № 1053 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012731> (дата обращения: 03.07.2024).

²⁰ Трудовой кодекс Республики Казахстан: от 23 нояб. 2015 г. № 414-V (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832&pos=2647;-53#pos=2647;-53 (дата обращения: 01.07.2024).

²¹ О платформенной занятости и самозанятости в странах СНГ и мира и предложениях по возможному регулированию этих видов занятости: доклад (апрель 2023 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.vkr.ru/docs/47/1021.html> (дата обращения: 03.07.2024).

отношения с обществом, на доступ к обучению и качество жизни, что опять же подрывает уверенность в устойчивости платформенной занятости.

В этом контексте представляются весьма актуальными результаты разработок исследовательской группы PEPSO по формулировке Индекса неустойчивости занятости. Указанный Индекс объединяет десять прямых и косвенных показателей нестабильности занятости, три из которых обеспечивают прямую оценку неопределенности доходов. Первый индекс измеряет степень изменения дохода; второй индекс характеризует возможность получения дополнительных льгот; третий индекс определяет, получают ли работники зарплату в случаях простоя [11].

Становится очевидно, что система оплаты труда платформенных работников в РК носит нестабильный, неустойчивый характер, не позволяющий обеспечить социальную защищенность работников даже в пределах установленного минимума. К таковому относится право работника на минимальный размер месячной заработной платы, выплачиваемой пропорционально отработанному работником времени, дифференцированно в зависимости от квалификации работника, сложности, количества и качества выполняемой работы, а также условий труда²².

В этой связи предлагаем дополнить пункт 4 статьи 146-1 ТК РК, изложив его в следующей редакции: *«Система и условия оплаты труда, продолжительность и порядок учета рабочего времени работников, осуществляющих трудовую деятельность с применением интернет-платформ и (или) мобильного при-*

ложения платформенной занятости, устанавливаются в соответствии с трудовым законодательством Республики Казахстан, актами работодателя, коллективным или трудовым договором, и не могут быть ниже минимальных социальных стандартов в сфере труда в соответствии с Законом Республики Казахстан «О минимальных социальных стандартах и их гарантиях»...».

Заключение. Результаты проведенного исследования позволяют признать разнообразный характер цифровых платформ и резюмировать невозможность применения единого подхода к организации труда платформенных работников. Более того, механизмы правового регулирования в условиях развития цифровых технологий должны обладать существенной гибкостью, поскольку «чрезмерная детализация правового регламентирования неизбежно влечет необходимость постоянной корректировки уже принятых норм» [12, 70 стр.].

В то же время особое значение приобретает разработка эффективных способов достижения баланса и гармонизации интересов всех участников платформенной занятости, обеспечения минимальных стандартов в сфере труда на законодательном уровне.

Совершенствование нормативной правовой базы позволит обеспечить современные способы реализации работником своего трудового потенциала и минимизировать возможные риски путем создания необходимых условий для устойчивых трудовых отношений в сфере платформенной занятости.

Статья подготовлена в рамках реализации грантового проекта «Цифровые права в Республике Казахстан: разработка правовых механизмов расширения содержания правосубъектности в эпоху цифровой трансформации (в плоскости частноправовых отношений)», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по научным и (или) научно-техническим проектам на 2023-2025 годы (AP19676064).

²² Об утверждении минимальных социальных стандартов в сферах труда и социального обеспечения: приказ и.о. Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 29 июля 2015 г. № 631 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011975> (дата обращения: 03.07.2024).

Список использованной литературы:

1. Xiang, S. The Effect of COVID-19 Pandemic on Service Sector Sustainability and Growth [Electronic resource] / S. Xiang, et al. // Front. Psychol. Organizational Psychology. – 2021. – 12:633597. – Access mode: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.633597> (Access data: 04.09.2024).
2. Tubaro, P. Who Bears the Burden of a Pandemic? COVID-19 and the Transfer of Risk to Digital Platform Workers [Electronic resource] / P. Tubaro, A.A. Casilli // American Behavioral Scientist. – 2024. – № 68 (8). – Pp. 961-982. – Access mode: <https://doi.org/10.1177/00027642211066027> (Access data: 04.09.2024).
3. Aloisi, A. Facing the Challenges of Platform-Mediated Labour: The Employment Relationship in Times of Non-Standard Work and Digital Transformation [Electronic resource] / A. Aloisi // Bocconi Legal Studies Research Paper. – 2018. – № 3179595. – Access mode: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3179595> (Access data: 08.08.2024).
4. Синявская, О.В. Платформенная занятость: определение и регулирование / О.В. Синявская и др.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 78 с.
5. Khasenov, M. Employment relationship and platform work: global trends and case of Kazakhstan [Электронный ресурс] / М. Khasenov // Ежегодник трудового права. – 2023. – № 13. – С. 195-201. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.113> (дата обращения: 01.07.2024).
6. Хасенов, М.Х. Современные подходы к регулированию платформенной занятости (часть 1) [Электронный ресурс] / М.Х. Хасенов // Трудовое и социальное право. – 2022. – № 3 (43). – С. 42-45. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49427522> (дата обращения: 01.07.2024).
7. Хасенов, М.Х. Современные подходы к регулированию платформенной занятости. Часть 2 [Электронный ресурс] / М.Х. Хасенов // Трудовое и социальное право. – 2022. – № 4 (44). – С. 46-50. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ljietm&ysclid=lyd27rxgdi839625228> (дата обращения: 01.07.2024).
8. Нургалиева, Е.Н. Проблемы правового регулирования платформенной занятости в Республике Казахстан [Электронный ресурс] / Е.Н. Нургалиева, А.С. Баймаханова // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Право. – 2024. – № 1 (146). – С. 49-65. – DOI 10.32523/2616-6844-2024-146-1-49-65. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67211803> (дата обращения: 01.07.2024).
9. А. Жусупова и др. Социально-трудовые конфликты в компаниях платформенной экономики в Казахстане. – 24 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://oxussociety.org/wp-content/uploads/2023/02/Labor-Rights-Report-Oxus-Society-Final.pdf> (дата обращения: 03.07.2024).
10. Dörre, K. Germany after the Crisis: Employment Miracle or Discriminating Precarity? [Electronic resource] / K. Dörre // Friedrich-Schiller-Universität Jena, 2011. – Access mode: https://www.tcd.ie/policy-institute/assets/pdf/Dorre_Speech_March11.pdf (Access data: 08.08.2024).
11. Lewchuck, W. Is Precarious Employment Low Income Employment? [Electronic resource] / W. Lewchuck, et al. // The Changing Labour Market in Southern Ontario. Just Labour. – 2014. – № 22. – Access mode: <https://doi.org/10.25071/1705-1436.5> (Access data: 03.07.2024).
12. Рахимов, Н.Б. Некоторые системные недостатки нормотворческой деятельности в Республике Казахстан [Электронный ресурс] / Н.Б. Рахимов, С.М. Иманбаев // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2019. – № 4 (14). – С. 67-72. – Режим доступа: https://vestnikacademy.kz/?p=1121&ysclid=lyfuf1qgt691664036&lang=ru#flipbook-df_2538/69/ (дата обращения: 03.07.2024).

References:

1. Xiang, S. The Effect of COVID-19 Pandemic on Service Sector Sustainability and Growth [Electronic resource] / S. Xiang, et al. // Front. Psychol. Organizational Psychology. – 2021. – 12:633597. – Access mode: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.633597> (Access data: 04.09.2024).
2. Tubaro, P. Who Bears the Burden of a Pandemic? COVID-19 and the Transfer of Risk to Digital Platform Workers [Electronic resource] / P. Tubaro, A.A. Casilli // American Behavioral Scientist. – 2024. – № 68 (8). – Pp. 961-982. – Access mode: <https://doi.org/10.1177/00027642211066027> (Access data: 04.09.2024).
3. Aloisi, A. Facing the Challenges of Platform-Mediated Labour: The Employment Relationship in Times of Non-Standard Work and Digital Transformation [Electronic resource] / A. Aloisi // Bocconi Legal Studies Research Paper. – 2018. – № 3179595. – Access mode: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3179595> (Access data: 08.08.2024).
4. Sinjavskaja, O.V. Platformennaja zanjatost': opredelenie i regulirovanie / O.V. Sinjavskaja i dr.; Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki», Institut social'noj politiki. – M.: NIU VShJe, 2021. – 78 s.
5. Khasenov, M. Employment relationship and platform work: global trends and case of Kazakhstan [Jelektronnyj resurs] / M. Khasenov // Ezhegodnik trudovogo prava. – 2023. – № 13. – S. 195-201. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.113> (data obrashhenija: 01.07.2024).
6. Hasenov, M.H. Sovremennye podhody k regulirovaniju platformennoj zanjatosti (chast' 1) [Jelektronnyj resurs] / M.H. Hasenov // Trudovoe i social'noe pravo. – 2022. – № 3 (43). – S. 42-45. – Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49427522> (data obrashhenija: 01.07.2024).
7. Hasenov, M.H. Sovremennye podhody k regulirovaniju platformennoj zanjatosti. Chast' 2 [Jelektronnyj resurs] / M.H. Hasenov // Trudovoe i social'noe pravo. – 2022. – № 4 (44). – S. 46-50. – Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=lijetm&ysclid=lyd27rxgdi839625228> (data obrashhenija: 01.07.2024).
8. Nurgalieva, E.N. Problemy pravovogo regulirovanija platformennoj zanjatosti v Respublike Kazahstan [Jelektronnyj resurs] / E.N. Nurgalieva, A.S. Bajmahanova // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Serija: Pravo. – 2024. – № 1 (146). – S. 49-65. – DOI 10.32523/2616-6844-2024-146-1-49-65. – Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67211803> (data obrashhenija: 01.07.2024).
9. A. Zhusupova i dr. Social'no-trudovye konflikty v kompanijah platformennoj jekonomiki v Kazahstane. – 24 s. [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://oxussociety.org/wp-content/uploads/2023/02/Labor-Rights-Report-Oxus-Society-Final.pdf> (data obrashhenija: 03.07.2024).
10. Dörre, K. Germany after the Crisis: Employment Miracle or Discriminating Precarity? [Electronic resource] / K. Dörre // Friedrich-Schiller-Universität Jena, 2011. – Access mode: https://www.tcd.ie/policy-institute/assets/pdf/Dorre_Speech_March11.pdf (Access data: 08.08.2024).
11. Lewchuck, W. Is Precarious Employment Low Income Employment? [Electronic resource] / W. Lewchuck, et al. // The Changing Labour Market in Southern Ontario. Just Labour. – 2014. – № 22. – Access mode: <https://doi.org/10.25071/1705-1436.5> (Access data: 03.07.2024).
12. Rahimov, N.B. Nekotorye sistemnye nedostatki normotvorcheskoj dejatel'nosti v Respublike Kazahstan [Jelektronnyj resurs] / N.B. Rahimov, S.M. Imanbaev // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2019. – № 4 (14). – S. 67-72. – Rezhim dostupa: https://vestnikacademy.kz/?p=1121&ysclid=lyfuf1qgt691664036&lang=ru#flipbook-df_2538/69/ (data obrashhenija: 03.07.2024).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Динара Багдатовна Разиева – Alikhan Bokeikhan University азаматтық-құқықтық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), e-mail: razieva@mail.ru.

Разиева Динара Багдатовна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых

дисциплин Alikhan Bukeikhan University, доктор философии (PhD), e-mail: razieva@mail.ru.

Raziyeva Dinara Bagdatovna – Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of Alikhan Bukeikhan University, PhD, e-mail: razieva@mail.ru.

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ / ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО / CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

УДК 347.921
МРНТИ 10.23.31

А.М. Уалиева¹, А.Р. Тапенова²

¹Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан

²Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, г. Косшы, Республика Казахстан

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕНЩИН

Аннотация. Женщины зачастую становятся особо уязвимыми в социальном и экономическом плане, основными причинами являются бытовое насилие, сравнительно низкий уровень заработной платы в отличие от мужчин, недопредставленность женщин во многих секторах казахстанской экономики и т.п. В отличие от классического бизнеса, социальное предприятие дает возможность женщинам стать финансово независимыми, поскольку позволяет совмещать их уязвимость с бизнесом. В результате исследования авторы пришли к заключению, что для минимизации насилия в отношении женщин недостаточно лишь предоставление временных платформ помощи в виде кризисных центров, необходимы долгосрочные меры решения проблемы в виде трудоустройства женщин в занятие предпринимательством. Немаловажным предложением стало точечное научное выявление проблем путем создания Национального института по исследованию социальных проблем, определяющего причины их возникновения, их развитие и пути преодоления. Предложены правовые механизмы по стимулированию вовлечения женщин в социальное предпринимательство Казахстана, что позволит им стать финансово независимыми и устойчивыми к неблагоприятным воздействиям.

Ключевые слова: домашнее насилие; жертва насилия; финансовая независимость; кризисный центр; гендерное равенство; женское предпринимательство; занятость.

Ә.М. Уалиева¹, Ә.Р. Тапенова²

¹Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, Қосшы қ., Қазақстан Республикасы

ӘЛЕУМЕТТІК КӘСІПКЕРЛІКТІҢ ӘЙЕЛДЕРДІҢ ҚАУІПСІЗДІГІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ҚҰРАЛДАРЫНЫҢ БІРІ РЕТІНДЕГІ ФЕНОМЕН

Аннотация. Әйелдер көбінесе әлеуметтік және экономикалық тұрғыдан осал болады, негізгі себептері – жақын серіктестің зорлық-зомбылығы, ер адамдарға қарағанда жалақының салыстырмалы түрде төмен деңгейі, Қазақстан экономикасының көптеген секторларындағы әйел өкілдерінің аз болғаны және т.б. Классикалық бизнеске қарағанда, әлеуметтік кәсіпорын әйелдерге қаржылық тәуелсіз болуға мүмкіндік береді, себебі бұл олардың осалдығымен бірге кәсіпкерлікпен айналасуға мүмкіндік береді. Осы зерттеудің негізгі мақсаты – әлеуметтік кәсіпкерлік құралы арқылы Қазақстанда әлеуметтік жағынан осал әйелдердің экономикалық құқықтарын кеңейтудің негізгі мемлекеттік-құқықтық жолдарын айқындау. Мақалада Қазақстан мен жекелеген дамыған елдердің көзқарастары арасындағы алшақтықты шешу үшін әйелдердің әлеуметтік кәсіпкерлікке қатысуын бағалай отырып, сапалы контент-талдау тәсілдері пайдаланылды. Бұл құжаттың қорытындылары Қазақстан Республикасындағы әлеуметтік кәсіпкерлікті құқықтық реттеу дамыған елдермен салыстырғанда әйелдердің оған белсенді қатысуына ықпал етпейтінін көрсетеді. Нәтижесінде

әйелдердің Қазақстанның әлеуметтік кәсіпкерлігіне тартылуын ынталандыру бойынша құқықтық тетіктер ұсынылды, бұл олардың қаржылық тәуелсіз болуына мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: тұрмыстық зорлық-зомбылық; зорлық-зомбылық құрбаны; қаржылық тәуелсіздік; дағдарыс орталығы; гендерлік теңдік; әйелдер кәсіпкерлігі; жұмыспен қамту.

A.M. Ualiyeva¹, A.R. Tapenova²

¹The committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Astana c., the Republic of Kazakhstan

²The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy c., the Republic of Kazakhstan

THE PHENOMENON OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN ENSURING THE SAFETY OF WOMEN

Abstract. Women often become particularly vulnerable socially and economically, the main causes are domestic violence, relatively low wages comparing men, underrepresentation of women in many sectors of the Kazakh economy, etc. Unlike a classic business, a social enterprise gives women the opportunity to become financially independent, as it allows them to combine their vulnerability with entrepreneurial activity. The main purpose of this study is to identify the main state-legal means of expanding the economic rights of socially vulnerable women in Kazakhstan through the tool of social entrepreneurship. The article uses approaches of qualitative content analysis, with an assessment of women's participation in social entrepreneurship, to resolve the gap between the approaches of Kazakhstan and certain developed countries. The conclusions of this document show that the legal regulation of social entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan does not contribute to the active participation of women in it, compared with developed countries. As a result, legal mechanisms have been proposed to stimulate the involvement of women in social entrepreneurship in Kazakhstan, which will allow them to become financially independent.

Keywords: domestic violence; victim of violence; financial independence; crisis center; gender equality; women's entrepreneurship; employment.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_47

Введение. Исследования показывают, что каждая третья женщина в течение своей жизни подвергалась актам физического или сексуального насилия со стороны интимных партнеров [1]; [2]. Этот тип насилия называется насилием со стороны интимного партнера и был признан проблемой общественного здравоохранения и нарушения прав человека [3].

Статистика доказывает, что 99% людей, переживших насилие, подвергаются финансовому контролю и эксплуатации насильником, в результате жертва насилия полностью зависит от его помощи. Эта проблема часто усугубляется наличием детей, отсутствием работы, собственных сбережений и доступа к банковскому или кредитному счету. Таким образом, ключ к прекращению этих отношений должен заключаться в обретении финансовой

стабильности [4].

Материалы и методы. В статье был использован метод контент-анализа, с помощью которого проанализировано законодательство зарубежных стран. В частности, исследованию были подвергнуты законы и статистические данные, публикации в СМИ, труды ученых, опубликованные в международных рецензируемых научных журналах в сфере женского социального предпринимательства, а также правового регулирования мер борьбы с насилием в отношении женщин. Контент-анализ позволил сделать выводы о положительном влиянии правовых институтов на улучшение положения женщин в Малайзии и Канаде, а также извлечен негативный опыт Судана, демонстрирующий ошибки в праве, не способствующие расширению экономических прав женщин. Полученными

данными сформулированы результативные теоретические и практические предложения с целью повышения безопасности женщин в Республике Казахстан (далее – РК).

Результаты, обсуждение. Г.Б. Кристмен, О. Айберт и Ф. Луна утверждают, что женщин необходимо относить к уязвимым слоям населения при этом активно вовлекать их в социальное предпринимательство. Поскольку именно социальное предпринимательство направлено на разрешение социальных вопросов уязвимых слоев населения. Указанное помогает женщинам обрести финансовую независимость, в результате снижаются экономические риски [5]; [6].

По данным Организации Объединенных Наций, при нынешних темпах прогресса может потребоваться еще 286 лет, чтобы отменить дискриминационные законы и устранить существующие пробелы в правовой защите женщин и девочек¹.

Кроме того, «Цели в области устойчивого развития», также известные как «Глобальные цели», были приняты Организацией Объединенных Наций в 2015 году как всеобщий призыв к действиям по искоренению нищеты, защите планеты и обеспечению того, чтобы к 2030 году все люди жили в мире и процветании. Однако на сегодня, относительно цели устойчивого развития № 5 – «гендерное равенство», сообщается, что мир не находится на пути к достижению гендерного равенства².

Зарубежный анализ практики применения прав женщин свидетельствует, что не во всех странах у женщин есть равные права. Не высок уровень женщин и в предпринимательстве. При этом основная проблема женщин – это совмещение домашних обязанностей, ухода за детьми и основной работы.

Малайзия. В Малайзии домашнее насилие является серьезной проблемой, вызывающей общественное беспокойство. В 2017 году принят Закон «О насилии в семье», который защищает женщин и всех

членов семьи от насилия, совершаемого в быту. Кроме того, для расширения прав женщин в экономическом плане принят ряд законодательных мер [7].

Существует ряд исследований Х.К. Шахар, Ф. Жаффри, Н.А.М. Зулкефли и Н. Ахмад посвященных проблеме домашнего насилия в Малайзии, в результате чего выяснилось, что одной из причин, ассоциирующейся с насилием со стороны сексуального партнера выступает низкий социально-экономический статус жертвы [8].

В 1996 году в Малайзии был создан план действий по улучшению положения женщин и в 2001 году образовано Министерство по делам женщин и семьи, которое ведет учет гендерной проблематики для их освещения при разработке, осуществлении, мониторинге и оценке политики и программ во всех сферах [9].

Внедренные правовые механизмы в Малайзии способствовали поддержанию постоянного экономического роста, а также помогли добиться уважения к женщинам и правам женщин в контексте занятости.

Канада. Учеными Х. Фонтейн, К. Подрицке, Т. Парк и К. Хегадорен проведено исследование женщин иммигранток, подвергнутых домашнему насилию. В своем труде учеными предложена услуга по созданию приютов (кризисных центров). Между тем, несмотря на принимаемые меры безопасности, приюты не были постоянным решением. Пробыв в приютах несколько недель, многие женщины обратились за дальнейшей поддержкой, такой как экстренные социальные услуги и ресурсы финансовой помощи. Таким образом, для минимизации насилия в отношении женщин недостаточно лишь создание временных платформ помощи, необходимы долгосрочные меры, одной из которых выступает социальное предпринимательство как мера борьбы с финансовым и другими видами насилия [10]; [11].

В Ванкувере социальное предприятие

¹ Республика Казахстан / Европа и центральная Азия / Женщины ООН [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eca.unwomen.org/ru/where-we-are/kazakhstan#> (дата обращения: 25.08.2024).

² Женщины и мужчины Казахстана 2012-2016 гг. // Министерство национальной экономики Казахстана. Комитет по статистике. – Астана, 2017. – 126 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gender.stat.gov.kz/file/WomenAndMan.pdf> (дата обращения: 19.08.2024).

«Sister's Closet» основало бутик эко-моды и секонд-хэнда, предоставляя своим клиентам недорогую одежду и собирает средства для поддержки «The Battered Women's Support Society», подвергшихся насилию. Он также предоставляет местным женщинам-ремесленницам доступ к торговым площадям. Данная организация помогает повысить осведомленность о насилии в отношении женщин и девочек.

Положительный опыт Канады по правовому регулированию экономических прав и гендерного равенства, способствует развитию женщин-предпринимателей и росту социальных предпринимателей.

Судан. Положение с правами женщин в Судане по-прежнему отстает от других стран. Женщины в Судане борются за равные права, 70% протестующих в Судане составляют женщины. Они объединяются в движение под названием «женская революция» и выступают против законов и чиновников, которые ограничивают их права. Так, Закон о личном статусе 1991 года, разрешает детские браки и гласит, что женщины могут вступать в брак только с согласия отца или опекуна-мужчины. Имеется и ряд иных ограничений, таких как запрет носить брюки, избегать детских браков, пользоваться равенством и представительством в правительстве.

Женщинам часто трудно вести успешный бизнес в Судане из-за дискриминации, отсутствия доступа к финансированию, знаниям и ограниченному образованию. Так, например, суданка по имени Сара, имеющая квалифицированное образование и работу в академических кругах, решила заняться бизнесом по продаже косметики в домашних условиях, посредством интернет платформ. Данный вид домашнего предпринимательства доступен не всем, а лишь женщинам из богатых районов Судана, имеющим относительно стабильное и комфортное экономическое положение благодаря хорошо оплачиваемой работе

своих мужей и других родственников-мужчин [12].

Таким образом, гендерное неравенство является значительным нарушением со стороны государства Судан. Невыполнение обязанностей по соблюдению социальных прав, несомненно, влияет на экономические права женщин (доступ к финансированию и образованию) и развитию женского предпринимательства, о чем свидетельствует пример участия лишь богатых женщин в социальном предпринимательстве.

Казахстан. По данным МВД РК ежегодно регистрируется свыше 100 тысяч заявлений по фактам домашнего насилия. Согласно имеющейся официальной статистике за 2022 год зарегистрировано 61 277 случаев бытового насилия в отношении женщин³. За 1 полугодие 2024 года возбуждено 423 уголовных дела о причинении тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, а также нанесение легкого вреда здоровью, побоев и истязаний. С начала 2024 года органами внутренних дел зарегистрировано уже 63 убийства на бытовой почве⁴. Сохраняется острая нехватка служб помощи для переживших насилие, в т.ч. убежищ и кризисных центров, особенно за пределами крупных городов.

Уделяя внимание вопросу бытового насилия, необходимо отметить, что зачастую, женщины, подвергшиеся бытовому насилию, обращаются в кризисные центры, работа которых заключается в предоставлении психологической, юридической и социальной помощи. Согласно информации Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан в Казахстане функционирует 49 кризисных центров, 14 в районных центрах и 32 в городах [13].

По мнению С.С. Суркова, И.С. Сактаганова закон не может полностью регламентировать четкую работу кризисных центров, поскольку основная часть этой работы зависит от самой ситуации. Зачастую

³ Число случаев насилия (зарегистрированных преступлений) в отношении женщин за истекший период // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=85&slug=-70&cat_id=4&lang=ru (дата обращения: 18.10.2023).

⁴ Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // Сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 26.09.2024).

участковые инспектора занимаются жертвами насилия, при этом, не обладая специализацией в этой сфере. Только в случае вынесения защитного предписания агрессор вносится в профилактический учет с дальнейшим профилактическим контролем над ним. По-другому обстоят дела с установлением особых требований к правонарушителям – это запрет на дальнейшее совместное проживание с потерпевшим как исключительная мера, лишь при наличии другого жилья. Чаще всего жертва вынуждена спастись бегством и искать место ночлега без денежных средств, иногда даже без необходимой одежды [14].

Анализируя культурные и социальные различия Канады, Малайзии и Судана, для целей адаптации правового регулирования под социально-экономические условия Казахстана, прогнозируя их положение, можно заключить, что опыт Канады по предоставлению женщинам, которые побывали в кризисных центрах дальнейшей поддержки в виде финансовой помощи и социальных услуг видится весьма перспективным и приемлемым для нашей страны. Само по себе нахождение женщин в кризисных центрах представляется как некая форма благотворительности, временное решение проблемы. По мнению американского ученого Г. Диз благотворительность направляет свои ресурсы на видимые страдания, а не на глубинное решение проблем. Согласно его теории соединением двух культур – благотворительности и решения проблем, одновременно предпринимая некоторые обдуманные шаги, определяющие человеческое поведение в этой сфере, можно выработать стратегии для движения в правильном направлении [15].

Высказывание Билла Дрейтона о том, что *«социальные предприниматели не довольствуются тем, чтобы просто дать человеку рыбы, или обучить, как ее ловить. Они не успокоятся до тех пор, пока не революционизируют саму рыбную отрасль»*⁵, свидетельствует о

необходимости развития предпринимательских навыков у социально-уязвимых слоев населения, не ограничиваясь лишь предоставлением благ и услуг.

Картина нарушения прав женщин в Судане свидетельствует об их ограниченности в экономическом плане, в результате неспособность ведения бизнеса. Женский бизнес Казахстана сосредоточен в основном в сфере услуг. Отрасли, в которых в настоящее время преобладают женские предприятия, в основном связаны с решением социальных проблем, с которыми женщина часто сталкивается при ведении домашнего хозяйства; они не требуют технического образования, большого числа сотрудников и крупного капитала. Этнокультурная специфика казахстанского общества также накладывает свой отпечаток на развитие женского бизнеса; на женщин возлагается ведение домашнего хозяйства и забота о членах семьи [16].

В регионах Казахстана средняя заработная плата женщин на 30-35% ниже, чем у мужчин. В 2020 году заработная плата женщин составляла 75% от заработной платы мужчин. Кроме того, женщины недопредставлены во многих секторах казахстанской экономики. Основными причинами являются распространенные среди граждан Казахстана гендерные стереотипы, влияющие на профессиональное самоопределение [17].

По данным «ООН-женщины» Среди стран Центральной Азии Казахстан является лидером по прогрессу в области гендерного равенства. Наблюдается улучшение экономических возможностей в равенстве оплаты труда, а также увеличение доли женщин на руководящих должностях. Однако, хотя число женщин в Правительстве и Парламенте продолжает расти, прогресс все еще незначителен. Кроме того, разрыв в оплате труда является обычным явлением: в 2016 году женщины в Казахстане зарабатывали в среднем на 31,4% меньше, чем мужчины, в 2021 году данный разрыв составил 21,7%.

⁵ Дрейтон, Билл // Свободная энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дрейтон,_Билл (дата обращения: 08.06.2024).

З. Мэд Нор и З. Рамли отмечали, что участие женщин в социальном предпринимательстве оживляет экономическую деятельность, а также повышает финансовую стабильность семьи, что в конечном итоге способствует развитию экономики страны [18]. С. Алам, З. Сеник и Ф. Жани считают, что социальное предпринимательство позволяет женщинам вырваться из ловушки бедности [19].

Гендерный вопрос является первостепенной проблемой, поскольку по данным Организации Объединенных Наций, женщины, особенно матери-одиночки и пожилые женщины, подвергаются более высокому риску бедности, чем мужчины в домохозяйствах аналогичного типа. По мнению Л. Гудмен, К. Смиф и В. Баниярд причина этого кроется в ограниченном доступе женщин к ресурсам, исключением из процесса принятия экономических решений в домохозяйствах и социальными ожиданиями, что приводит к усилению бессилия среди женщин [20].

Для целенаправленного и точечного разрешения проблем социально-уязвимых слоев населения, в т.ч. женщин, требуется научный подход. Обращаясь к опыту Малайзии по созданию отдельного Министерства по делам женщин и семьи, которое ведет учет гендерной проблематики для ее применения при разработке государственных программ, видится ценным применение данной практики в Казахстане.

Заключение. Социальное предпринимательство может сыграть ключевую роль в разработке инновационных и эффективных решений для снижения бытового насилия и в поддержке жертв. Одним из важных механизмов в правовом регулировании, способствующим вовлечению женщин в социальное предпринимательство, является взаимосвязанное соблюдение их социальных и экономических прав. Для совершенствования основных государственно-правовых средств расширения экономических прав женщин, уязвимых в социальном плане в Казахстане через инструмент социального предпринимательства, необходимо:

1) учитывая исследования Канады в части того, что для минимизации насилия в отношении женщин недостаточно лишь создание временных платформ помощи, необходимы долгосрочные меры в виде развития социального предпринимательства, которые обеспечат женщин финансовыми средствами на длительный срок. В свою очередь экономическая составляющая влияет на безопасность женщин, поскольку расширяет их экономические права. Вместе с тем социальное предпринимательство позволяет совмещать домашние дела и работу при наличии малолетних детей, избегать насилия находясь в защищенном месте, планировать свое будущее имея постоянный заработок. Нами предлагается реализация в рамках государственных программ социальных проектов, направленных на привлечение женщин в социальное предпринимательство (коллаборация социальных предприятий с кризисными центрами, детскими садами, домами престарелых и домами малютки). Реализация данных проектов предлагается с учетом процентного соотношения количества действующих кризисных центров в стране с количеством предпринимателей;

2) в целях предотвращения наступления последствий негативного опыта Судана в случае несоблюдения равенства в правах женщин, требуется тщательный контроль данной сферы. Предлагается создание Национального института по исследованию социальных проблем (далее – НИИСП) служащего конструкцией социального партнерства, определяющей причины возникновения проблем и их развитие, а также пути их совместного преодоления. Подведомственность НИИСП необходимо определить за Министерством труда и социальной защиты населения РК, как уполномоченного органа в сфере социальной защиты населения.

Учитывая положительный опыт Малайзии по учету гендерной проблематики, видится необходимым наделить НИИСП функцией по учету социальной проблематики о возникших трудных жизненных ситуациях

социально уязвимых слоев населения, требующие правового, либо ведомственного урегулирования. Для этих целей закрепить за НИИСП полномочия по ведению «*Реестра социальной проблематики*».

Для реализации Реестра, как индикатора чувствительных сфер общества, необходимо Социальный кодекс РК дополнить новой статьей 261-1 «Реестр социальной проблематики». Ведение электронного реестра предусмотреть на информационной платформе Правительства, с предоставлением доступа заинтересованным лицам для внесения предложений по вопросам социальных

проблем.

Представляется необходимым решать проблемы участия женщин в социальном предпринимательстве, как в качестве работников, так и в качестве работодателей. Указанное поможет приблизить казахстанскую инклюзивную модель к модели «устойчивого развития». Возможно, это не решит всех проблем уязвимых слоев населения, которые и не должны сводиться только к вопросам поддержки женщин, как и в целом развития социального предпринимательства, но, несомненно, придаст импульс развитию социально-предпринимательской активности.

Список использованной литературы:

1. Vieira, P. The increase in domestic violence during the social isolation: what does it reveals? / P. Vieira, L. Garcia, E. Maciel // Rev. Bras. Epidemiol. – 2020. – № 23. – Pp. e200033. – DOI: 10.1590/1980-549720200033.
2. Martins, A.M.E.B.L. Violence against women in COVID-19 pandemic times in Brazil: Literature Narrative Review / A.M.E.B.L. Martins, et al. // Rev. Enferm. Atual. Derme. – 2020. – № 93. – Pp. e020009. – DOI: 10.31011/read-2020-v.93-n.0-art.828.
3. Porter, C. The impact of COVID-19 lockdowns on physical domestic violence: evidence from a list randomization experiment / C. Porter, et al. // SSM - Popul. Health. – 2021. – T. 14. – Pp. 100792. – DOI: 10.1016/j.ssmph.2021.100792.
4. Lasic, L. Digital Social Entrepreneurship and the Path to Ending Intimate Partner Violence in the Syrian Refugee Population / L. Lasic // Diss. – Boston College. College of Arts and Sciences, 2018. – 113 s.
5. Christmann, G.B. Vulnerability and resilience in a socio-spatial perspective / G.B. Christmann, O. Ibert // Raumforschung und Raumordnung| Spatial Research and Planning. – 2012. – № 4 (70). – Pp. 259-272.
6. Luna, F. Elucidating the concept of vulnerability: Layers not labels / F. Luna // IJFAB: International Journal of Feminist Approaches to Bioethics. – 2009. – № 1 (2). – Pp. 121-139. – DOI: 10.3138/ijfab.2.1.121.
7. Saigaran, N.G. Perceptions of Malaysian Indian women on domestic violence in Malaysia: a peek into the Indian households / N.G. Saigaran, A.B. Bada // Kajian Malaysia. – 2023. – № 41 (2). – Pp. 173-194.
8. Shahar, H.K. Prevalence of intimate partner violence in Malaysia and its associated factors: A systematic review. / H.K. Shahar, et al. // BMC Public Health. – 2020. – № 20 (1). – Pp. 1-9.
9. Ualiyeva, A.M. Women in social entrepreneurship in Kazakhstan: Proceedings of the 12th UUM International Legal Conference 2023 (UUMILC 2023) [Electronic resource] – Malaysia, 2024. – Pp. 234-249 // Atlantis Press Website, Series: Atlantis Highlights in Social Sciences, Education and Humanities. – DOI 10.2991/978-94-6463-352-8_18. – Access mode: <https://www.atlantispress.com/proceedings/uumilc-23/125997167> (Access data: 23.02.2024).
10. Fonteyne, H. Immigrant Women's Experiences of Domestic Violence in Canada: A Qualitative File Audit / H. Fonteyne, et al. // Journal of Family Violence. – 2024. – № 39 (4). – Pp. 613-622.
11. Hannah, E. Canada's «Feminist» Trade Policy? / E. Hannah, A. Roberts, S. Trommer // Canada and Great Power Competition: Canada Among Nations, 2021. – Cham: Springer

International Publishing, 2022. – Pp. 71-96.

12. Steel, G. Navigating (im) mobility: female entrepreneurship and social media in Khartoum / G. Steel // *Africa*. – 2017. – № 2 (87). – Pp. 233-252.

13. Н. Жарбулова. По всему Казахстану работает меньше 50 кризисных центров для жертв домашнего насилия // Международное деловое издание «Курсив» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kz.kursiv.media/2024-01-12/zhrb-zapros-krizis-centr/> (дата обращения: 25.08.2024).

14. Суркова, С.С. Социально-правовое обеспечение жертв бытового насилия в Казахстане / С.С. Суркова, И.С. Сактаганова // *Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Право*. – 2023. – № 2 (143). – С. 51-60.

15. Уалиева, А.М. К вопросу соотношения понятий «волонтерство», «благотворительность» и «социальное предпринимательство» и их месте в структуре социальной ответственности бизнеса / А.М. Уалиева // *Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы*. – 2022. – № 26. – С. 74-84.

16. Satpayeva, Z.T. Gender equality and women business of framework 5Ms in Kazakhstan: Analysis and basic directions / Z.T. Satpayeva, et al. // *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. – 2020. – № 3 (7). – Pp. 253-263.

17. Nyussupova, G. Gender features of the Kazakhstan labour market in the context of sustainable development / G. Nyussupova, et al. // *Hungarian Geographical Bulletin*. – 2023. – № 1 (72). – Pp. 59-74.

18. Nor, Z.M. A glimpse at women entrepreneurs in Penang / Z.M. Nor, Z.A. Ramli // *Akademika*. – 2016. – № 2 (86). – Pp. 79-86.

19. Alam, S. An exploratory study of women entrepreneurs in Malaysia: Motivation and problems / S. Alam, Z. Senik, F. Jani // *Journal of Management Research*. – 2012. – № 4 (4). – Pp. 282-297.

20. Goodman, L. Beyond the 50-minute hour: Increasing control, choice, and connections in the lives of low-income women / L. Goodman, K. Smyth, V. Banyard // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 2010. – № 80 (1). – Pp. 3-11.

References:

1. Vieira, P. The increase in domestic violence during the social isolation: what does it reveals? / P. Vieira, L. Garcia, E. Maciel // *Rev. Bras. Epidemiol.* – 2020. – № 23. – Pp. e200033. – DOI: 10.1590/1980-549720200033.

2. Martins, A.M.E.B.L. Violence against women in COVID-19 pandemic times in Brazil: Literature Narrative Review / A.M.E.B.L. Martins, et al. // *Rev. Enferm. Atual. Derme.* – 2020. – № 93. – Pp. e020009. – DOI: 10.31011/reaid-2020-v.93-n.0-art.828.

3. Porter, C. The impact of COVID-19 lockdowns on physical domestic violence: evidence from a list randomization experiment / C. Porter, et al. // *SSM - Popul. Health*. – 2021. – T. 14. – Pp. 100792. – DOI: 10.1016/j.ssmph.2021.100792.

4. Lasic, L. Digital Social Entrepreneurship and the Path to Ending Intimate Partner Violence in the Syrian Refugee Population / L. Lasic // *Diss. – Boston College. College of Arts and Sciences*, 2018. – 113 s.

5. Christmann, G.B. Vulnerability and resilience in a socio-spatial perspective / G.B. Christmann, O. Ibert // *Raumforschung und Raumordnung | Spatial Research and Planning*. – 2012. – № 4 (70). – Pp. 259-272.

6. Luna, F. Elucidating the concept of vulnerability: Layers not labels / F. Luna // *IJFAB: International Journal of Feminist Approaches to Bioethics*. – 2009. – № 1 (2). – Pp. 121-139. – DOI: 10.3138/ijfab.2.1.121.

7. Saigaran, N.G. Perceptions of Malaysian Indian women on domestic violence in Malaysia: a

peek into the Indian households / N.G. Saigaran, A.B. Bada // *Kajian Malaysia*. – 2023. – № 41 (2). – Pp. 173-194.

8. Shahar, H.K. Prevalence of intimate partner violence in Malaysia and its associated factors: A systematic review. / H.K. Shahar, et al. // *BMC Public Health*. – 2020. – № 20 (1). – Pp. 1-9.

9. Ualiyeva, A.M. Women in social entrepreneurship in Kazakhstan: Proceedings of the 12th UUM International Legal Conference 2023 (UUMILC 2023) [Electronic resource] – Malaysia, 2024. – Pp. 234-249 // Atlantis Press Website, Series: Atlantis Highlights in Social Sciences, Education and Humanities. – DOI 10.2991/978-94-6463-352-8_18. – Access mode: <https://www.atlantispress.com/proceedings/uumilc-23/125997167> (Access data: 23.02.2024).

10. Fonteyne, H. Immigrant Women's Experiences of Domestic Violence in Canada: A Qualitative File Audit / H. Fonteyne, et al. // *Journal of Family Violence*. – 2024. – № 39 (4). – Pp. 613-622.

11. Hannah, E. Canada's «Feminist» Trade Policy? / E. Hannah, A. Roberts, S. Trommer // *Canada and Great Power Competition: Canada Among Nations, 2021*. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – Pp. 71-96.

12. Steel, G. Navigating (im) mobility: female entrepreneurship and social media in Khartoum / G. Steel // *Africa*. – 2017. – № 2 (87). – Pp. 233-252.

13. N. Zharbulova. Po vsemu Kazahstanu rabotaet men'she 50 krizisnyh centrov dlja zhertv domashnego nasiliya // *Mezhdunarodnoe delovogo izdanie «Kursiv»* [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://kz.kursiv.media/2024-01-12/zhrb-zapros-krizis-centr/> (data obrashheniya: 25.08.2024).

14. Surkova, S.S. Social'no-pravovoe obespechenie zhertv bytovogo nasiliya v Kazahstane / S.S. Surkova, I.S. Saktaganova // *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya: Pravo*. – 2023. – № 2 (143). – S. 51-60.

15. Ualiev, A.M. K voprosu sootnosheniya ponjatij «volonterstvo», «blagotvoritel'nost'» i «social'noe predprinimatel'stvo» i ih meste v strukture social'noj otvetstvennosti biznesa / A.M. Ualiev // *Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы*. – 2022. – № 26. – S. 74-84.

16. Satpayeva, Z.T. Gender equality and women business of framework 5Ms in Kazakhstan: Analysis and basic directions / Z.T. Satpayeva, et al. // *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. – 2020. – № 3 (7). – Pp. 253-263.

17. Nyussupova, G. Gender features of the Kazakhstan labour market in the context of sustainable development / G. Nyussupova, et al. // *Hungarian Geographical Bulletin*. – 2023. – № 1 (72). – Pp. 59-74.

18. Nor, Z.M. A glimpse at women entrepreneurs in Penang / Z.M. Nor, Z.A. Ramli // *Akademika*. – 2016. – № 2 (86). – Pp. 79-86.

19. Alam, S. An exploratory study of women entrepreneurs in Malaysia: Motivation and problems / S. Alam, Z. Senik, F. Jani // *Journal of Management Research*. – 2012. – № 4 (4). – Pp. 282-297.

20. Goodman, L. Beyond the 50-minute hour: Increasing control, choice, and connections in the lives of low-income women / L. Goodman, K. Smyth, V. Banyard // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 2010. – № 80 (1). – Pp. 3-11.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Әсел Мұхаметбекқызы Уәлиева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің қылмыстық саладағы құқықтық ақпаратты қалыптастыру Басқармасының тегі бойынша, іздестіру және дактилоскопиялық есепке алу бөлімінің прокуроры, Ұлттық қауіпсіздік және әскери іс магистрі, e-mail: assel_ualieva@mail.ru.

Уалиева Асель Мухаметбековна – прокурор отдела пофамильного, розыскного и

дактилоскопического учета Управления формирования правовой информации в уголовной сфере Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, магистр национальной безопасности и военного дела, e-mail: assel_ualieva@mail.ru.

Ualiyeva Assel Mukhametbekovna – Prosecutor of the Department of Family, Search and Fingerprint Records of the Department of Formation of Legal information in the Criminal sphere of the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of National Security and Military Affairs, e-mail: assel_ualieva@mail.ru.

Әсем Рысқанқызы Тапенова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: asematop@mail.ru.

Тапенова Асем Рыскановна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: asematop@mail.ru.

Tapenova Asem Ryskanovna – Senior lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: asematop@mail.ru.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ / УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW

УДК 343.3/.7
МРНТИ 10.77.51

Т.Г. Маханов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕГ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правоприменения и назначения наказания за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем. Противодействие отмыванию преступных денег (имущества) является наиболее актуальным и важным направлением в предотвращении теневой экономики и предупреждении коррупции. Автором проанализировано отечественное законодательство и следственно-судебная практика по делам данной категории. Изучив правоприменительную практику и труды ученых-юристов, сделан вывод о возникновении иерархической коллизии. В то же время сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства указывает на имеющиеся возможности совершенствования подходов к определению наказания по статье 218 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Автор в своей работе пришел к выводу о необходимости сбора достаточных доказательств в ходе досудебного расследования по делам данной категории. Также, в целях назначения справедливого наказания, предлагает рассмотреть возможность внести дополнения в виде квалифицирующего признака и соответствующего вида наказания по рассматриваемому составу.

Ключевые слова: легализация; отмывание; имущество; преступный доход; норма; нормативное постановление; досудебное расследование; доказательства; наказание.

Т.Г. Маханов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖОЛМЕН АЛЫНҒАН АҚШАНЫ ЖӘНЕ ӨЗГЕ МҮЛІКТІ ЗАҢДАСТЫРУ (ЖЫЛЫСТАТУ): ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ЖӘНЕ ЖАЗА ТАҒАЙЫНДАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада қылмыстық жолмен алынған ақшаны немесе өзге мүліктерді заңдастыру (жылыстату) бойынша құқық қолдану және тиісті жаза тағайындау мәселелері қарастырылады. Қылмыстық ақшаларды (мүлікті) жылыстатуға қарсы іс-қимыл – көлеңкелі экономиканың алдын алу және сыбайлас жемқорлықты ескертуде өзекті және маңызды бағыт болып саналады. Автор осы санаттағы істер бойынша отандық заңнама мен сот-тергеу тәжірибесін талдаған. Құқық қолдану тәжірибесі мен заңгер ғалымдардың еңбектерін зерттей келе, иерархиялық сәйкессіздіктің орын алғаны туралы қорытындыға келді. Сонымен бірге шетелдік заңнаманы салыстырмалы құқықтық талдау Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 218-бабы бойынша тәсілдерді жетілдіру және жазаны айқындау үшін қолда бар мүмкіндіктерді көрсетеді. Автор өз еңбегінде осы санаттағы істер бойынша сотқа дейінгі тергеп-тексеру барысында жеткілікті дәлелдемелерді жинау қажет деген қорытындыға келген. Сондай-ақ әділ жаза тағайындау мақсатында қарастырылып отырған құрамға сәйкес біліктілік белгісі және тиісті жаза түрін енгізу мүмкіндігін қарастыруды ұсынады.

Түйінді сөздер: заңдастыру; жылыстату; мүлік; қылмыстық кіріс; норма; нормативтік қаулы; сотқа дейінгі тергеп-тексеру; дәлелдеме; жаза.

T.G. Makhanov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy c., the Republic of Kazakhstan*

LEGALIZATION (LAUNDERING) OF MONEY OR OTHER PROPERTY OBTAINED BY CRIMINAL MEANS: ISSUES OF LAW APPLICATION AND SENTENCING

Abstract. The article discusses issues of law application and sentencing for the legalization (laundering) of money or other property obtained by criminal means. Combating the laundering of criminal money (property) is the most relevant and important area in preventing the shadow economy and preventing corruption. The author analyzed domestic legislation and investigative and judicial practice in cases of this category. Having studied law enforcement practice and the works of legal scholars, it was concluded that a hierarchical conflict had arisen. At the same time, a comparative legal analysis of foreign legislation indicates some inaccuracies in determining punishment under Article 218 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. The author, in his work, came to the conclusion that it is necessary to collect sufficient evidence during pre-trial investigations in cases of this category. Also, in order to impose a fair punishment, he proposes to consider the possibility of making additions in the form of a qualified feature and the corresponding type of punishment for the composition under consideration.

Keywords: legalization; laundering; property; criminal income; norm; regulatory order; pre-trial investigation; evidence; punishment.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_57

Введение. В настоящее время одним из актуальных вопросов является противодействие отмыванию преступных доходов, в т.ч. вопрос возврата незаконно приобретенных активов, потому что восстановление нарушенных прав и законных интересов населения, обеспечение верховенства права, социальной справедливости является одним из главных приоритетов страны.

Глава государства отметил, что незаконно приобретенные активы являются источником инвестиций, их необходимо направить на реализацию важных проектов в стране¹.

Фактически, по мнению экспертов, отмывание преступных доходов – это процесс формирования активов посредством преступных действий с целью сокрытия либо закрытия любых связей между незаконными средствами и их происхождением. Отмывание денег признано глобальным преступлением. Поэтому для

его подавления необходимо разработать глобальные стратегии и программы [1].

Кроме того, хотя используется любое определение отмывания денег, это явление можно понять по его назначению. Мы также считаем отмыванием средств действия преступников, направленные на снижение либо устранение угрозы конфискации или изъятия преступных средств [2].

Казахстан присоединился в 1998 году к Венской конвенции², а также в 2008 году ратифицировал Палермскую конвенцию³ и Конвенцию ООН против коррупции⁴.

В соответствии с основными принципами национального законодательства Казахстан безоговорочно ратифицировал нормы международных документов по криминализации отмывания доходов от преступлений.

Однако есть основания полагать, что противодействие легализации (отмыванию) денег или иного имущества, полученного

¹ Токаев про возврат активов: нельзя «перегибать палку» – 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.orda.kz/tokaev-pro-vozvrat-aktivov-nelzja-peregibat-palku-382312/> (дата обращения: 07.07.2024).

² О присоединении Республики Казахстан к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: закон Республики Казахстан от 29 июня 1998 г. №246 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000246_ (дата обращения: 07.07.2024).

³ О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: закон Республики Казахстан от 4 июня 2008 г. № 40-IV [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000040_ (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 г. № 31-IV [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000031_ (дата обращения: 07.07.2024).

преступным путем недостаточно эффективно. В данной сфере также имеются пробелы в правоприменительной практике.

По мнению ученых, к ним относятся: квалификация легализации имущества, приобретенного преступным путем на стадии досудебного расследования, сложность процесса доказывания, мягкое наказание за легализацию [3, 24 стр.] и др.

Кроме того, эксперты Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ) заявили, что отдельные нормы казахстанского законодательства не соответствуют рекомендациям ФАТФ⁵.

Проблемы правоприменительной практики, выводы научных исследований и мнения юристов-ученых свидетельствует об актуальности рассматриваемого вопроса.

Материалы и методы. Статья состоит из анализа отечественных и зарубежных правовых актов, статей и публикаций. При этом использовались работы юристов-ученых и другие научные работы. При написании научной статьи применялись различные методы исследования и познания отношений, складывающихся в доктрине уголовного и уголовно-процессуального права. В частности, системно-логические, диалектические, проблемно-поисковые, сравнительно-правовые, статистические методы.

Результаты, дискуссии. В ходе проведенного исследования были проанализированы статистические данные об уголовном правонарушении, предусмотренном статьей 218 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК). За последние 2 года согласно отчету 1-М в производстве правоохранительных органов страны находилось 134 уголовных правонарушений (2022 г. – 78, 2023 г. – 73), из них зарегистрировано 99 преступлений в ЕРДР (2022 г. – 45, 2023 г. – 54), из них переданы в суд – 91 (2022 г. – 50, 2023 г. – 41). Уголовные дела прекращены

по реабилитирующим основаниям – 30 (2022 г. – 20, 2023 г. – 10), по нереабилитирующим основаниям – 2 (2022 г. – 1, 2023 г. – 1)⁶.

Анализ показал, что основаниями прекращения по реабилитирующим основаниям уголовных дел в ходе досудебного расследования является:

- вероятность прекращения уголовного дела на судебной стадии (п. 19 № 3 НП ВС от 20 января 2020 г.) или отсутствие судебной перспективы;

- не подтверждения первоначальных признаков преступления в процессе доказывания;

- отсутствие связи между предикатным преступлением и преступным имуществом [4];

- отсутствие достаточных доказательств факта легализации имущества либо оценка прокурором их недопустимости;

- не получение каких-либо доходов от легализованного имущества и др.

Кроме того, в судебном отчете Ф 10, 11, 12 за 2 года по указанной статье осуждено 5 человек (2022 г. – 4, 2023 г. – 1).

Углубленный анализ показал, что существенная разница между зарегистрированными в ЕРДР и рассмотренными судами преступлениями свидетельствует о том, что в статистической отчетности судов не отражаются все статданные по указанной категории дел (Рис. 1).

Так, за 2 года судом рассмотрено 39 уголовных дел по указанной статье (в отношении 46 лиц), из них по 24 состоялись обвинительные приговоры (29 лиц), 10 оправдательных приговоров (11 лиц), прекращено прокурором 1 дело (1 лицо), отказано прокурором от обвинения по 4 делам (5 лиц).

Однако соблюдение требований международных документов, включая стандарты ФАТФ, является обязательным для любой страны-члена ООН в соответствии с резолюцией ООН № 1617 от 29 июля 2005 года [5].

⁵ Отчет о взаимной оценке Республики Казахстан опубликован на сайте ЕАГ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eurasiangroup.org/ru/mutual-evaluation-report-of-the-republic-of-kazakhstan-has-been-published-on-the-eag-website> (дата обращения: 17.07.2024).

⁶ Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 10.07.2024).

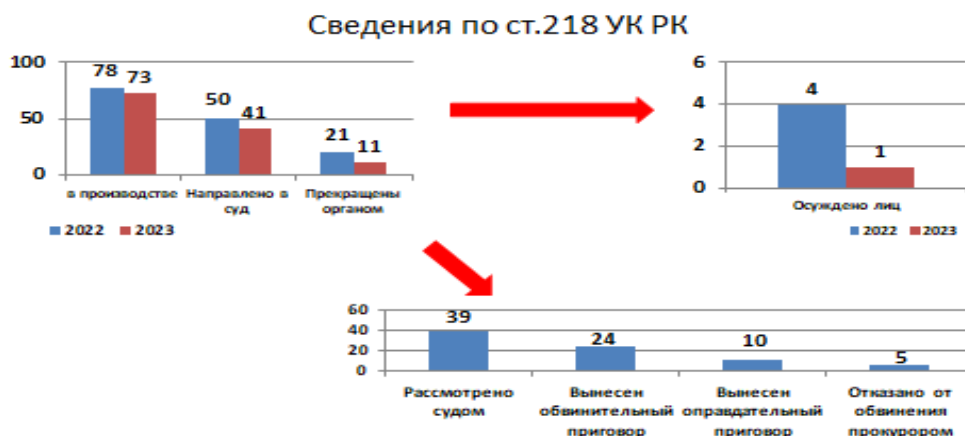

Рисунок 1. Статистические сведения по статье 218 УК РК за 2022-2023 гг.

В рекомендации 33 ФАТФ говорится, что страны-участницы должны вести полноценную статистику по противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма (статистические данные должны включать сведения о ходе расследования по уголовным делам, о судебном преследовании и приговорах)⁷.

Кроме того, в докладе о взаимной оценке РК за 2023 год было предложено обеспечить сбор всеобъемлющей, актуальной статистики⁸.

В этой связи, считаем необходимым отразить объективные статистические данные по рассмотренным уголовным делам по статье 218 УК РК путем интеграции форм отчетности 1-М и Ф 10, 11, 12. В результате появится возможность проводить анализ и научные исследования по таким факторам, как тенденция, эффективность и т.д.

Следующим проблемным вопросом является правоприменительная практика по статье 218 УК РК. В частности, в диспозиции статьи 218 УК РК дается разъяснение легализации (отмывания) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем⁹.

Однако в пункте 19 нормативного постановления Верховного Суда «О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности» от 24 января 2020 года № 3 (далее – НП № 3) также дается разъяснение, что под легализацией (отмыванием) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем, применительно к статье 218 УК следует понимать не любое распоряжение деньгами или иным имуществом, полученным путем совершения уголовного правонарушения, а лишь вовлечение их в законный оборот посредством совершения сделок в виде конверсии или перевода имущества, представляющего доходы от уголовных правонарушений, либо владение и использование такого имущества, сокрытие или утаивание его подлинного характера, источника, места нахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежности, если лицу известно, что такое имущество представляет доходы от уголовных правонарушений, а равно посредничество в легализации денег и (или) иного имущества,

⁷ Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: рекомендации ФАТФ – 2012. – 191 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/FATF%20docs/rekomendacii-fatf-2019.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

⁸ Отчет о взаимной оценке Республики Казахстан опубликован на сайте ЕАГ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eurasiangroup.org/ru/mutual-evaluation-report-of-the-republic-of-kazakhstan-has-been-published-on-the-eag-website> (дата обращения: 17.07.2024).

⁹ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 17.07.2024).

полученных преступным путем¹⁰.

При этом судам также необходимо руководствоваться разъяснениями, содержащимися в пункте 3 нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 июля 2003 года № 8 «О судебной практике по делам о хищениях» о том, что распоряжение виновным похищенным имуществом по своему усмотрению (продажа или безвозмездная передача другим лицам, порча, разукрупнение, уничтожение и т.п.) не образует самостоятельного состава уголовного правонарушения и дополнительной квалификации не требует¹¹.

Как отметил ученый-юрист Р.Р. Нугманов, в положениях международных актов и рекомендаций ФАТФ, ратифицированных РК, говорится, что в случае получения преступного дохода в ходе совершения преступления должна применяться статья 218 УК РК [3, 22 стр.].

Поэтому следует отметить, что эти два преступления образуют составы по отдельности, и, следовательно, положения НП № 3 противоречат норме УК РК.

Например, согласно части 1 статьи 13 УК РК совокупностью уголовных правонарушений признается совершение двух или более деяний, предусмотренных различными статьями или частями статьи УК, ни за одно из которых лицо не было осуждено или не было освобождено от уголовной ответственности по основаниям, установленным законом.

Однако при совокупности преступлений лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности, если признаки этих действий не охватываются нормой одной статьи или части статьи УК РК, предусматривающей более строгое наказание, несет уголовную ответственность за каждое совершенное деяние по соответствующей статье либо

части статьи УК РК¹².

За попытку легализовать деньги и присвоить имущество несут ответственность по признакам различных статей УК РК. Поэтому мы считаем, что эти преступления должны рассматриваться как совокупность.

Например, если человек продает наркотики и легализует полученные от них средства, он несет ответственность по статьям 218 и 297 УК РК.

Поэтому НП № 3 не позволяет рассматривать эти статьи как совокупность преступлений. Однако пункты 11, 12, 22 и 25 НП № 3 предусматривают обосновывающие положения, которые следует квалифицировать как совокупность преступлений.

Кроме того, следует отметить, что в нормах нормативного постановления Верховного Суда «О некоторых вопросах квалификации уголовных правонарушений в сфере экономической деятельности» от 18 июня 2004 года № 2 (утратившее силу) предусмотрено положение, что в случае одновременного приобретения и легализации денежных средств или иного имущества, полученных заведомо незаконным путем, виновное лицо должно нести уголовную ответственность по совокупности уголовных правонарушений – по статье 218 УК РК и соответствующей норме уголовного закона, предусматривающей ответственность за незаконное приобретение этих средств или имущества¹³.

Например, в Российской Федерации существует постановление пленума Верховного суда о судебной практике по указанным категориям уголовных дел. В нем рассматриваются многие вопросы, такие как предмет преступления, оценка преступных доходов, их размер, вопросы квалификации,

¹⁰ О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 24 янв. 2020 г. № 3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P200000003S> (дата обращения: 17.07.2024).

¹¹ О судебной практике по делам о хищениях: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 г. № 8 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P03000008S_ (дата обращения: 17.07.2024).

¹² Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 17.07.2024).

¹³ О некоторых вопросах квалификации уголовных правонарушений в сфере экономической деятельности: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 г. № 2 (утратившее силу) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P04000002S_ (дата обращения: 17.07.2024).

в т.ч. вопросы квалификации по совокупности и т.д.¹⁴. Это связано с тем, что методов совершения этого преступления достаточно, и развитие современных технологий также оказывает свое влияние. Поэтому, на наш взгляд, необходимо взять на вооружение опыт России и рассмотреть вопрос о принятии также нормативных постановлений, которые охватывали бы эти вопросы.

Анализ судебной практики показал основные причины для оправдания по указанной категории дел, такие как:

- отсутствие состава преступления (недоказанность);
- лишнее вменение (п. 19 НП № 3);
- имущество не имеет криминального происхождения.

В качестве доказательства приведем следующие примеры:

1. В 2023 году суд приговорил гражданина К. к 6 годам лишения свободы с конфискацией имущества по пункту 4 части 3 статьи 190 УК РК и оправдал по статье 218 УК РК, при этом факт покупки квартиры стоимостью 20 млн тенге посчитал как распоряжение по своему усмотрению. Согласно НП № 3 не образует отдельного состава преступления, не требует дополнительной квалификации.

2. В 2024 году суд оправдал гражданина М. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления по части 2 статьи 218 УК РК (п. 19 НП № 3). Доказано, что М. закупал и впоследствии продавал 3 автомобиля за рубежом. Однако суд заявил, что перевода имущества из незаконного оборота в легальный (создание сложной финансовой схемы) не было, а автомобилем распорядился по своему усмотрению.

3. В 2023 году суд приговорил граждан К. и Т. к 6 годам и 4 годам лишения свободы по статье 188 и статье 218 УК РК. Суд установил, что они заключили сделку по покупке квартиры с целью личного обогащения, не вступив в предварительный сговор.

4. В 2022 году по статьям 190 и 218 УК РК суд приговорил гражданина С. к 6 годам

и 3 годам и 6 месяцам лишения свободы. По мнению суда, С. обманным путем совершал мошенничество, совершал сделки по приобретению земельных участков в особо крупном размере и сознательно вносил их в законный оборот.

Эти примеры показывают, что суды принимают различные решения в случаях, когда обстоятельства дел одинаковы. То есть видно, что суды руководствуются нормами нормативного постановления, а не нормами УК РК.

Обстоятельства, возникающие на практике, свидетельствуют о неправильном применении правовых норм.

Например, согласно положениям закона «О правовых актах» в НП содержатся разъяснения по вопросам судебной практики. Также нормативное постановление находится вне иерархии нормативных правовых актов, установленной законодательством¹⁵.

Ученый-юрист Г.Ж. Сулейменова отмечает, что Верховный Суд при работе над созданием нормативных постановлений должен избегать создания новых правовых норм, используя распространительное либо ограничительное толкование, поскольку его деятельность по разъяснению судебной практики, не должна носить правотворческий характер, т.е. суд не должен подменять законодателя.

Создавая подобные новые нормы, Верховный Суд, предлагая свое понимание тех или иных правовых норм, тем самым создает неопределенности для правоприменителей, которые должны решать вопрос: руководствоваться ли им нормативными постановлениями или нормами закона [6, 86 стр.].

Профессор А.Н. Ахпанов также высказал мнение о том, что в некоторых НП ВС имеются противоречия как с УПК, так и с общей теорией доказательственного права. Указанные пробелы негативно влияют на правоприменительную практику, поскольку

¹⁴ О судебной практике по делам о легализации (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/ (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁵ О правовых актах: закон Республики Казахстан от 6 апр. 2016 г. № 480-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (дата обращения: 17.07.2024)

суды зачатую буквально понимают эти разъяснения закона либо проводят их расширительное толкование, руководствуясь ими при постановлении приговоров или вынесении постановлений [7, 96 стр.].

По мнению ученых, нормотворческая деятельность судов не должна означать замену законов и отступления от принципа верховенства закона, поскольку закон не может изменяться или дополняться Верховным Судом или другим органом, для этого существуют компетентные органы [8, 273 стр.].

В связи с этим суды при рассмотрении дел выходят за пределы предписаний закона, но только в том случае, если обнаруживают отсутствие соответствующей нормы в правовом акте. Такую позицию поддержала Р.Н. Юрченко указав, что нормативные постановления издаются для раскрытия сути правовых норм процессуального законодательства, регулирования вопросов в силу отсутствия в законе соответствующих

норм [9, 25 стр.].

В рассматриваемом случае правовые нормы есть. В статье 218 УК РК имплементированы положения, ратифицированной Казахстаном Конвенции. Поэтому мы считаем, что нормы статьи 218 УК РК должны применяться так, как они указаны в статье УК РК, а не в НПВС, фактически создавшем новую норму вместо разъяснения действующей.

Следующие проблемные вопросы связаны с наказанием за совершения преступления по статье 218 УК РК. По структуре указанной статьи максимальное наказание предусмотрено частью 3 (действия, совершенные в крупном размере), т.е лишение свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества. Сравнительный анализ с другими статьями УК РК показал, что действует квалифицирующие признаки некоторых преступлений, сходных по характеру, причиняемому ущербу и уровню общественной опасности (Таблица 1).

Статья УК	Квалифицирующий состав	Особо квалифицирующий состав
218	3. в крупном размере – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет	4. в особо крупном размере – нет
190	3. в крупном размере – лишение свободы на срок от 3 до 7 лет	4. в особо крупном размере – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет
217	2. в крупном размере – лишение свободы на срок от 3 до 7 лет	3. в особо крупном размере – лишение свободы на срок от 5 до 12 лет
235-1	2. в крупном размере – лишение свободы на срок до 7 лет 3	3. в особо крупном размере – лишение свободы на срок от 7 до 12 лет
366	3. в крупном размере – лишение свободы на срок от 7 до 12 лет	4. в особо крупном размере – лишение свободы на срок от 10 до 15 лет

Таблица 1. Сравнительная таблица статьи 218 УК РК с другими статьями

При этом в части 5 статьи 195 УК РК предусмотрен состав «Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей и четвертой настоящей статьи, если они причинили особо крупный ущерб»¹⁶.

Кроме того, указанная категория преступлений совершается с прямым умыслом. Зная природу средств, полученных преступным путем, преступник использует различные способы их легализации. Государственный бюджет не

получает налогов и сборов, которые должен получить. Сумма ущерба, причиненного обществу и гражданам – высока. Поэтому мы считаем, что общественная опасность для общества – выше.

Сравнительно-правовой анализ показал, что уголовное законодательство многих зарубежных стран предусматривает наказание за легализацию преступного дохода «в особо крупном размере» (Таблица 2).

¹⁶ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 17.07.2024).

№	Название страны	Квалифицирующий признак «в особо крупном размере» (вид наказания, размер)
1.	Казахстан	не предусмотрен
2.	Россия ¹⁷	ч. 4 ст. 174 – (1 миллион Р штраф и до 7 лет лишения свободы)
3.	Беларусь ¹⁸	ч. 2 ст. 235 (от 4 до 7 лет)
4.	Украина ¹⁹	ч. 3 ст. 209 (от 8 до 12 лет)
5.	Таджикистан ²⁰	ч. 3 ст. 262 (от 5 до 8 лет)
6.	Грузия ²¹	ч. 3 ст. 194 (от 9 до 12 лет)
7.	Франция ²²	ст.ст. 324-1 и 324-6 (более 10 лет)
8.	Литва ²³	только диспозиция ст. 216 (до 7 лет)
9.	Узбекистан ²⁴	только диспозиция ст. 243 (от 5 до 10 лет)
10.	Туркменистан ²⁵	не предусмотрен
11.	Кыргызстан ²⁶	не предусмотрен

Таблица 2. Сравнительная таблица с признаками «в особо крупном размере» и вида наказаний в УК РК зарубежных стран

Чем выше стоимость легализованного имущества, тем тяжелее должен быть размер наказания. Мы считаем, что наказание, применяемое в целях восстановления социальной справедливости и исправления осужденного лица, также должно соответствовать характеру и степени преступления.

Закключение. Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы и рекомендации:

1. С учетом анализа статистических данных, необходимо отразить объективные статистические данные по рассмотренным уголовным делам по статье 218 УК путем интеграции форм отчетности 1-М и Ф 10, 11, 12.

2. Рассмотреть возможность внесения

поправок в НП № 3 с целью обеспечения единообразия правоприменения по делам данной категории и устранения противоречий со статьей 4 Конституции путем:

- 1 вариант. Пересмотреть вопрос о распоряжении имуществом по своему усмотрению в НП № 3 (например, установление пределов распоряжение в МРП);

- 2 вариант. Принятие нормативного постановления Верховного Суда «О судебной практике рассмотрения дел о легализации (отмывании) денег или имущества, полученных преступным путем» (опыт России).

3. Дополнить частью 4 статью 218 УК РК в следующей редакции:

«4. Деяния, предусмотренные частью-

¹⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4dfcfc8807c829f92212ce92efe818c4a707a3ca/ (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 12.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&doc_id2=30414984#activate_doc=2&pos=49;-60&pos2=1997;-94 (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁹ Уголовный кодекс Украины: от 5 апр. 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. по сост. на 08.05.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&doc_id2=30418109#activate_doc=2&pos=16;-82&pos2=1913;-72 (дата обращения: 19.07.2024).

²⁰ Уголовный кодекс Республики Таджикистан: от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по сост. на 20.06.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 19.07.2024).

²¹ Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения: 19.07.2024).

²² Уголовный кодекс Франции (в ред. от 01.01.2014 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14297> (дата обращения: 19.07.2024).

²³ О принятии Уголовного кодекса Литвы: закон № VIII-1968 от 26 сент. 2000 г. (по сост. на 02.07.2010 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2888> (дата обращения: 19.07.2024).

²⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: законом Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2012-XII (с изм. и доп. по сост. на 07.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&doc_id2=30421110#activate_doc=2&pos=358;-80&pos2=3024;-44 (дата обращения: 19.07.2024).

²⁵ Уголовный кодекс Туркменистана: от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изм. и доп. по сост. на 25.11.2023 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 19.07.2024).

²⁶ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики: от 28 окт. 2021 г. № 127 (с изм. и доп. по сост. на 07.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&doc_id2=36675065#activate_doc=2&pos=263;-98&pos2=2313;174 (дата обращения: 19.07.2024).

ми первой, второй и третьей настоящей статьи, если совершены в особо крупном размере, – наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества, а в случаях, предусмотренных пунктом 1) части третьей настоящей статьи, с пожизненным лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.».

Список использованной литературы:

1. Yaacob, N.M. The Effectiveness of Money-Laundering Regulations: Evidence from Money-Services-Business Industry in Malaysia [Electronic resource] / N.M. Yaacob, A.H. Harun // International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE). – 2019. – № 3 (8). – Pp. 8643-8648. – Access mode: <https://doi.org/10.35940/ijrte.c6454.098319> (Access data: 20.08.2024).
2. Dobrowolski, Z. Implementing a Sustainable Model for Anti-Money Laundering in the United Nations Development Goals [Electronic resource] / Z. Dobrowolski, Ł. Sułkowski // Sustainability. – 2020. – № 12. – Pp. 244. – Access mode: <https://doi.org/10.3390/su12010244> (Access data: 20.08.2024).
3. Нугманов, Р.Р. Проблемы противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов в Республике Казахстан / Р.Р. Нугманов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2018. – № 3 (9). – С. 20-27.
4. Bell, R.E. Proving the Criminal Origin of Property in Money-Laundering Prosecutions [Electronic resource] / R.E. Bell // Journal of Money Laundering Control. – 2000. – № 4. – Pp. 12-25. – Access mode: <https://doi.org/10.1108/eb027258> (Access data: 20.08.2024).
5. Bianchi, A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: The Quest for Legitimacy and Cohesion [Electronic resource] / A. Bianchi // European Journal of International Law. – 2006. – № 5 (17). – Pp. 881–919. – Access mode: <https://doi.org/10.1093/ejil/chl032> (Access data: 20.08.2024).
6. Сулейменова, Г.Ж. Роль и значение нормативных постановлений Верховного суда РК // Судебная власть в Республике Казахстан: история и перспективы: сб. науч. ст. – Караганда: КарГУ, 2003. – С. 68-86.
7. Ахпанов, А.Н. Проблемы толкования норм доказательственного права в казахстанском уголовном процессе / А.Н. Ахпанов, С.А. Адилов, А.Л. Хан // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2020. – № 2 (60). – С. 93-99.
8. Карбеков, К.С. Роль нормативных постановлений Верховного суда в уголовном судопроизводстве / К.С. Карбеков // KazNU Bulletin. Law series. – 2016. – № 1 (77). – С. 272-275.
9. Юрченко, Р.Н. О юридической природе нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан и их практическом применении / Р.Н. Юрченко // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2009. – № 4 (16). – С. 24-27.

References:

1. Yaacob, N.M. The Effectiveness of Money-Laundering Regulations: Evidence from Money-Services-Business Industry in Malaysia [Electronic resource] / N.M. Yaacob, A.H. Harun // International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE). – 2019. – № 3 (8). – Pp. 8643-8648. – Access mode: <https://doi.org/10.35940/ijrte.c6454.098319> (Access data: 20.08.2024).
2. Dobrowolski, Z. Implementing a Sustainable Model for Anti-Money Laundering in the United Nations Development Goals [Electronic resource] / Z. Dobrowolski, Ł. Sułkowski // Sustainability. – 2020. – № 12. – Pp. 244. – Access mode: <https://doi.org/10.3390/su12010244> (Access data: 20.08.2024).
3. Nugmanov, R.R. Problemy protivodejstviya legalizacii (otmyvaniyu) prestupnyh dohodov v Respublike Kazahstan / R.R. Nugmanov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2018. – № 3 (9). – С. 20-27.
4. Bell, R.E. Proving the Criminal Origin of Property in Money-Laundering Prosecutions [Electronic resource] / R.E. Bell // Journal of Money Laundering Control. – 2000. – № 4. – Pp. 12-25. – Access mode: <https://doi.org/10.1108/eb027258> (Access data: 20.08.2024).

5. Bianchi, A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: The Quest for Legitimacy and Cohesion [Electronic resource] / A. Bianchi // *European Journal of International Law*. – 2006. – № 5 (17). – Pp. 881–919. – Access mode: <https://doi.org/10.1093/ejil/chl032> (Access data: 20.08.2024).
6. Sulejmenova, G.Zh. Rol' i znachenie normativnyh postanovlenij Verhovnogo suda RK // *Sudebnaja vlast' v Respublike Kazakhstan: istorija i perspektivy: sb. nauch. st.* – Karaganda: KarGU, 2003. – S. 68-86.
7. Ahpanov, A.N. Problemy tolkovanija norm dokazatel'stvennogo prava v kazahstanskom ugovnom processe / A.N. Ahpanov, S.A. Adilov, A.L. Han // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK*. – 2020. – № 2 (60). – S. 93-99.
8. Karbekov, K.S. Rol' normativnyh postanovlenij Verhovnogo suda v ugovnom sudoproizvodstve / K.S. Karbekov // *KazNU Bulletin. Law series*. – 2016. – № 1 (77). – S. 272-275.
9. Jurchenko, R.N. O juridicheskoy prirode normativnyh postanovlenij Verhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan i ih prakticheskom primenenii / R.N. Jurchenko // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan*. – 2009. – № 4 (16). – S. 24-27.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Талғат Ғабитұлы Маханов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

Маханов Талгат Габитович – старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

Makhanov Talgat Gabitovich – Senior Researcher at the Center for the Study of Criminal Procedure Problems of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: makhanov1986@mail.ru.

УДК 343.82
МРНТИ 10.83.21

М.С. Туйганов¹, Н.А. Биекенов²

¹Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева,
г. Костанай, Республика Казахстан

²Администрация Президента Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ЭКСТРЕМИСТСКИЕ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИДЕЙНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Аннотация. Учреждения уголовно-исполнительной системы являются сложными объектами в общегосударственной системе противодействия экстремизму. Здесь происходит слияние криминальной субкультуры, точнее ее частного случая – тюремной субкультуры – с субкультурой радикального сообщества.

С одной стороны, учреждения уголовно-исполнительной системы обеспечивают безопасность общества, изолируя экстремистов, но с другой – здесь могут создаваться условия для осуществления всех видов экстремистской деятельности: распространение радикальной идеологии, создание группировок, вербовка и др.

Поэтому особое место в ней занимают формы и методы теологической ресоциализации осужденных за экстремистские и террористические преступления.

Важным и эффективным компонентом в этой работе является дискредитация деструктивных идей и пропаганда традиционных духовных ценностей. При этом, необходимо понимать, что одна теологическая реабилитация, как форма идейного противодействия, не даст желаемого эффекта, если не будет рассматриваться как элемент комплексной ресоциализации.

Неотъемлемой частью идеологического противодействия должны стать вопросы культурно-исторического, политического, патриотического развития, призванные формировать национальную идентичность и толерантность.

Ключевые слова: криминальная социализация и радикализация; ресоциализация осужденных за экстремистские и террористические преступления; теологическая реабилитационная работа; идеология религиозного экстремизма.

М.С. Туйганов¹, Н.А. Биекенов²

¹Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы,
Қостанай қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасы Президентінің Әкімшілігі,
Астана қ., Қазақстан Республикасы

ЭКСТРЕМИСТІК ЖӘНЕ ТЕРРОРИСТІК ҚЫЛМЫСТАРЫ ҮШІН СОТТАЛҒАНДАРДЫ ҚАЙТА ӘЛЕУМЕТТЕНДІРУ: ЭКСТРЕМИЗМГЕ ИДЕЯЛЫҚ ҚАРСЫ ТҰРУДЫҢ ӘДІСТЕМЕЛІК ТӘСІЛДЕРІ

Аннотация. Қылмыстық-атқару жүйесінің мекемелері экстремизмге қарсы іс-қимылдың жалпы мемлекеттік жүйесіндегі неғұрлым күрделі объектілер болып табылады. Мұнда қылмыстық субмәдениет, дәлірек айтсақ, оның ерекше жағдайы – түрме субмәдениеті – радикалды қоғамдастықтың субмәдениетімен бірігеді.

Бір жағынан, Қылмыстық-атқару жүйесінің мекемелері экстремистерді оқшаулау арқылы қоғамның қауіпсіздігін қамтамасыз етеді, ал екінші жағынан, мұнда экстремистік қызметтің барлық түрлерін жүзеге асыру үшін жағдайлар жасалуы мүмкін: радикалды идеологияны тарату, топтарды құру, жалдау және т.б.

Сондықтан онда экстремистік және террористік қылмыстар үшін сотталғандарды теологиялық қайта әлеуметтендірудің нысандары мен әдістері ерекше орын алады.

Бұл жұмыстың маңызды және тиімді құрамдас бөлігі деструктивті идеялардың беделін түсіру және дәстүрлі рухани құндылықтарды насихаттау болып табылады. Сонымен бірге, бір теологиялық оңалту, идеологиялық қарсылықтың бір түрі ретінде, кешенді қайта әлеуметтенудің элементі ретінде қарастырылмаса, қажетті нәтиже бермейтінін түсіну қажет.

Ұлттық бірегейлік пен толеранттылықты қалыптастыруға танылған мәдени-тарихи, саяси, патриоттық даму мәселелері идеологиялық қарсылықтың ажырамас бөлігі болуға тиіс.

Түйінді сөздер: қылмыстық әлеуметтену және радикалдандыру; экстремистік және террористік қылмыстар үшін сотталғандарды қайта әлеуметтендіру; теологиялық оңалту жұмыстары; діни экстремизм идеологиясы.

M.S. Tuiganov¹, N.A. Biyekenov²

¹Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabybayev, Kostanay c., the Republic of Kazakhstan

²Administration of the President of the Republic of Kazakhstan, Astana c., the Republic of Kazakhstan

RE-SOCIALIZATION OF THOSE CONVICTED OF EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES: METHODOLOGICAL APPROACHES TO IDEOLOGICAL COUNTERACTION TO EXTREMISM

Abstract. Institutions of the penal correction system are the most complex objects in the national system of countering extremism. There is a fusion of the criminal subculture, or rather its particular case – the prison subculture – with the subculture of the radical community.

On the one hand, penal institutions ensure the safety of society by isolating extremists, but on the other hand, conditions can be created here for all types of extremist activities: the spread of radical ideology, the creation of groups, recruitment, etc.

Therefore, the activities of penal institutions in the context of countering religious extremism remain very relevant. A special place in it is occupied by the forms and methods of theological re-socialization of those convicted of extremist and terrorist crimes.

An important and effective component in this work is the discrediting of destructive ideas and the promotion of traditional spiritual values. At the same time, it is necessary to understand that theological rehabilitation alone, as a form of ideological opposition, will not give the desired effect if it is not considered as an element of complex re-socialization.

Issues of cultural, historical, political, and patriotic development, recognized to form national identity and tolerance, should become an integral part of the ideological counteraction.

Keywords: criminal socialization and radicalization; resocialization of those convicted of extremist and terrorist crimes; theological rehabilitation work; ideology of religious extremism.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_67

Введение. Проблема радикализации граждан, ведущая к насильственным акциям экстремистского характера и терроризму, продолжает оставаться реальной угрозой национальной безопасности Республики Казахстан (далее – РК). Реальная ситуация такова, что ежегодно увеличивается число лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности.

Не только Казахстан, но и все мировое сообщество заинтересовано в том, чтобы осужденные за указанные преступления, попадая в пенитенциарные учреждения:

1) не имели возможности продолжать противоправную деятельность;

2) были вовлечены в процесс дерадикализации;

3) и по выходу на свободу не представляли опасности совершения нового преступления экстремистской направленности.

По мнению Генерального секретаря ООН: «... Одно ясно, что только эффективная система исправительных учреждений является основным условием для борьбы с новыми глобальными угрозами...».

На сегодняшний день основной фокус работы с экстремистскими проявлениями

ориентирован на пенитенциарные учреждения.

Однако ресоциализация осужденных за экстремистские и террористические преступления, является сложным процессом.

Концептуально следует понимать, что ее эффективность напрямую связана с преодолением асоциальной мировоззренческой установки, сформировавшейся в результате дезадаптации или девиации и представляющих особую опасность для общества.

Пенитенциарная ресоциализация сталкивается с противоположным процессом – криминальной социализацией, либо радикализацией. При этом необходимо отметить, что криминальная социализация и радикализация это не тождественные процессы, но в данной ситуации берется их общая основа – уголовная наказуемость деяния. В таком противоречии обе силы оказывают влияние на осужденного в той или иной степени, образуя особое поле взаимосвязей. Степень влияния каждой стороны зависит от третьего компонента – условий, которые создаются в конкретно взятом учреждении УИС.

Следует отметить, что эффективность идеологического воздействия в условиях ограниченной свободы, в особенности на молодых осужденных существенно выше. По мнению экспертов, один осужденный, в зависимости от активности, может за сравнительно короткий срок обратить в свои сторонники от четырех до шести и более человек [1].

Из истории известно, что русские социалисты-революционеры, находясь в местах лишения свободы оказывали некоторое идейное влияние на криминальный мир того времени [2]. Равным образом в современном криминальном мире религиозные экстремисты оказываются рядом с осужденными за обычные уголовные преступления, становясь авторитетными фигурами, принимая на себя имидж пострадавших за религиозные идеи. Помимо этого, общим для криминального и экстремистского мировоззрения является непримиримость к официальным государственным структурам.

Так, в Великобритании за счет такого

влияния религиозных экстремистов на других заключенных, за последние два десятилетия резко возросло количество лиц, принявших ислам и большая часть из них стали приверженцами радикальной экстремистской идеологии [3, 171 стр.]. Согласно представленным в Палате общин отчетным сведениям, численность мусульман в тюрьмах увеличилась на 200% [4].

С учетом вызовов и угроз сложилась мировая практика изоляции осужденных радикалов от других групп заключенных. Так, в Узбекистане существуют отдельные тюрьмы для такой категории преступников, и численность осужденных, вовлеченных в радикальные течения, там сократилась. Спецтюрьмы для осужденных террористов существуют во многих странах мира, но режим и условия содержания в них различаются: от весьма жестких в израильской Хадарим до «санаторных» в саудовской тюрьме в Эр-Рияде для членов «Аль-Каиды» или норвежской Шиен [5, С. 129-130].

По опыту европейских стран Казахстан изолирует рассматриваемую категорию заключенных в отдельных блоках или учреждениях УИС. Отмеченное отчасти связано с тем, что создание специализированных учреждений вызовет необходимость значительных дополнительных финансовых затрат, а также опасениями концентрации радикалов в одном месте и расселению на близлежащей к учреждению УИС территории сторонников указанного контингента осужденных.

Поиск эффективных мер подсказывает два направления дерадикализации. Первое – это комплексные программы, предполагающие изменение идеологии и поведения отдельных экстремистов. Такие программы сложны, но эффективны с точки зрения долгосрочного успеха. Второе – программы индивидуальной работы с людьми, выражающейся, на первом этапе, в целенаправленной фильтрации, а на втором в применении системы стимулирования и прагматизма.

Так, в некоторых европейских странах, вначале осужденные содержатся в одиночных камерах. В этот период изучается их поведение и осуществляется

его классификация (исправимый, неисправимый, сомнительный). Затем к каждому заключенному применяются ступенчатые стимулирующие меры, предусматривающие увеличение числа льгот по мере положительных изменений, вплоть до полусвободного режима с возможностью работать за пределами тюрьмы и посещением родственников, также условного досрочного освобождения за хорошее поведение. Эффективность таких программ просчитать достаточно сложно, к тому же они могут иметь краткосрочную перспективу, т.к. изменение поведения определяется возможностью получения определенных выгод¹.

Отмеченные подходы апробированы в Казахстане в рамках реализуемой Управлением ООН по наркотикам и преступности Глобальной программы «Поддержка усилий в организации работы с осужденными за преступления экстремистской и террористической направленности, и профилактике радикализации заключенных в пенитенциарных учреждениях» (далее – УНП ООН), где Костанайской академией МВД проведено социологическое обследование причин радикализации, порождающей насилие в учреждениях УИС. Кроме того, в восьми местах лишения свободы на территории Карагандинской и Павлодарской областей осуществлен ситуационный анализ программ реабилитации и социальной реинтеграции осужденных (включая осужденных из числа воинствующих экстремистов) после их освобождения. На основе результатов и рекомендаций по этому анализу Комитетом УИС продвигается многосторонний подход к социальной реинтеграции ОЭТП после освобождения, в т.ч. вернувшихся иностранных боевиков-террористов².

В этом процессе активное участие принимает Общественный фонд «Информационно-пропагандистский и

реабилитационный центр «AQNIET» осуществляющий реабилитацию лиц ОЭТП³, а также открытый в 2020 году Центр подготовки специалистов УИС по противодействию экстремистской идеологии Костанайской академии МВД.

Несмотря на принимаемые меры, профилактика распространения экстремистской идеологии в учреждениях УИС сохраняет свою актуальность и требует постоянного контроля со стороны персонала за действиями рассматриваемой категории осужденных в той или иной сфере деятельности, и в случае необходимости эффективных мер реагирования.

Цель исследования. На основе проведенного анализа предпринята попытка систематизировать результаты различных апробированных инструментариев ресоциализации ОЭТП для определения ее качества по формированию внутренней мотивации к изменению своего поведения, ключевыми маркерами, которого выступают отказ от насилия и толерантность.

Материалы и методы. Для углубленного анализа и достоверности результатов были использованы труды ученых, предложения пенитенциарных экспертов и теологов.

С учетом целей исследования акцент делался на программы Комитета УИС МВД РК и центра «AQNIET» по дерадикализации ОЭТП, а также на материалы, разработанные вышеуказанным Центром Костанайской академии МВД в рамках пилотного проекта УНП ООН.

В исследовании использованы методы научного познания, позволяющие изучать явления окружающей действительности во взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях.

Результаты/обсуждение. В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом РК, ресоциализация – это оказание содействия

¹ Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах // Управление ООН по наркотикам и преступности. – Нью-Йорк, 2017. – 155 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook-on-VEPs-RU.pdf (дата обращения: 05.05.2024).

² Годовой отчет за 2020 год / Регионального управления ООН по наркотикам и преступности в Центральной Азии. – 37 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/rpanc/Publications/annual_reports/ANNUAL_REPORT_2020Russian.pdf (дата обращения: 05.05.2024).

³ Проекты, реализуемые в 2023 году // Общественный фонд «Информационно-пропагандистский и реабилитационный центр «AQNIET» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://aqniet.com/projects> (дата обращения: 05.05.2024).

осужденному в восстановлении его социального статуса полноправного члена общества, возвращение его к самостоятельной жизни в обществе на основе норм права и общепринятых норм поведения. Мы считаем, что такое понимание ресоциализации ограничивает его, фактически ставит УИС (в конкретных случаях) в состояние ожидания. Ведь семантически в указанной формулировке понятия ресоциализация, «оказывать содействие», можно понимать так: осужденный сам восстанавливает свое доброе имя, а УИС подключается к этому процессу как помощник. Однако, что должна делать система, если осужденный не пытается исправиться и у него даже не наблюдается предпосылок для этого. К примеру, если осужденный за экстремистское преступление не отказывается от радикальных взглядов.

По сути, здесь ставится вопрос обоснования начала и осуществления интервенций по ресоциализации осужденного со стороны УИС. Более того, такое определение в практическом, организационно-правовом аспекте может быть истолковано так, что ресоциализация – это процесс, который применяется лишь в отношении осужденных, которые полностью осознали свою вину и приняли решение исправиться и восстановить свой статус полноправного члена общества. Возможно, в законодательной формулировке определения ресоциализации понятие «содействие» следует заменить понятием «воздействие», ведь эти два понятия не синонимичны и не являются взаимозаменяемыми, но «воздействие» предполагает оказание действенного влияния на осужденного со стороны субъекта ресоциализации, а не оказание помощи.

С.Н. Козловский понимает ресоциализацию как непрерывный целенаправленный процесс воздействия на осужденного посредством применения комплекса различных мер с целью изменения его правового сознания, возвращения в общество как полноценного гражданина, способного самостоятельно разрешать жизненные трудности законным путем, а также недопущения повторного совершения преступления [6, 124 стр.]. Таким образом, ресоциализация не ставит цель полного изменения личности, а изме-

нение тех его черт, которые стали причиной противоправных действий, угрожавших общественной безопасности. Этот процесс возможен лишь с опорой на личный субъектный опыт осужденного.

По мнению Ю.В. Баранова в современной пенитенциарной науке отмечается подмена понятия ресоциализации понятием реабилитации. Отметим, что реабилитация – это восстановление в правах, восстановление доброго имени и репутации, а социальная адаптация – процесс активного приспособления личности или социальной группы к меняющейся социальной среде. Очевидно, данные процессы не должны смешиваться. Все это позволяет говорить об отсутствии в настоящее время единообразного понимания сущности ресоциализации осужденных [7, 37 стр.].

Обратимся еще к некоторым понятиям, которые схожи по значению.

Социальная адаптация представляет собой адаптацию к бытовым условиям, труду, режиму, условиям свободы. То есть процесс приспособления индивида к условиям социальной среды. Многие ученые считают, что лицо, освобожденное из мест лишения свободы, начинает приспосабливаться к миру, который его окружает.

Социальная реабилитация – это процесс по восстановлению личности в качестве полноценного и полноправного члена общества, принимающего установленные в нем законы, нормы и правила общежития. В рамках социальной реабилитации отбывание осужденным наказания может рассматриваться как трудная жизненная ситуация, требующая восстановления утраченных социальных функций в период изоляции от общества.

В итоге, социальная адаптация, социальная реабилитация являются стадиями процесса ресоциализации осужденного к лишению свободы [8]. Отсюда следует, что последнее понятие является обобщающим.

Ресоциализации подлежат и ОЭТП, но в данном случае для этой категории осужденных требуются специфические формы и методы.

При этом в законодательстве

Казахстана отсутствует понятие теологической ресоциализации, однако разработано определение теологической реабилитационной работы.

В соответствии с Приказом Министра внутренних дел РК «Об утверждении Правил по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы» от 26 марта 2020 года № 247 теологическая реабилитационная работа – это комплекс мер идеологического, предупредительно-профилактического и воспитательного воздействия, направленных на дерадикализацию, отведение от деструктивного религиозного течения, а также формирование иммунитета осужденных к идеологии религиозного экстремизма и терроризма⁴.

Исходя из выше сказанного, теологическую реабилитацию осужденного можно рассматривать как процесс восстановления «доброго имени мусульманина», т.е. возвращение его в лоно традиционного ислама, а теологическую ресоциализацию – как процесс обретения социального статуса полноправного члена общества на основе общепринятых норм религиозного поведения.

При этом идейное противодействие, в контексте ресоциализации, можно понимать, как процесс восстановления религиозной социализации осужденного.

Отмеченное подтверждается анализом исследований зарубежных ученых по идейному противодействию религиозному экстремизму, которые охватывают широкий спектр тем и подходов [9]; [10]; [11]; [12].

В частности, в Германии и Великобритании исламский экстремизм обозначается как «асимметричная угроза», с выработкой соответствующей стратегии, акцентирующей внимание на психологическую и информационную борьбу за влияние на мусульман, проживающих в этих странах. Главными методами декларируются не силовые действия, а подрыв идеологической базы религиозного экстремизма [5, 143 стр.].

В изучаемом процессе большое значение играют факторы криминальной социализации и радикализации, которые в целом представляют идеологию пенитенциарного сообщества.

Криминальная идеология и радикальная исламистская идеология понятия не тождественные, поскольку имеют различные источники возникновения.

Криминальная идеология ограничена во времени и пространстве, а исламистская идеология ассоциируется с «вечными идеальными догматами», которые должны быть, якобы, установлены во всем мире. Представители традиционного криминала принадлежат территориальным группировкам, исламисты – мировому джихадистскому джамагату. При этом наиболее существенным признаком, характерным для обеих групп является склонность к антисоциальным действиям, среди которых особое место занимает насилие.

Указанные отличительные признаки, в условиях изоляции могут быть причиной противоречий, а общие признаки – причиной временной мобилизации групп для достижения конкретной цели.

Несмотря на указанные особенности, совместное отбывание наказания в учреждениях УИС, подчинение единым требованиям и администрации, приводит к формированию надгруппового сообщества, со своими идеями, ценностями и установками.

По мнению И.А. Уварова высшей ценностью для осужденного, как и для любого человека, является свобода. Однако, в условиях изоляции свобода становится базовой ценностью, поскольку с ее помощью удовлетворяются другие ценности и интересы. Идеология пенитенциарного сообщества формируется на основе противоречия между свободой духа и свободой тела. Сила духа, свобода мысли – признак «истинного арестанта». Он ничего не боится и знает, за что страдает. Сообщество формируется на противостоянии «мы» – «они», где «они» – это администрация, осуществляющая все

⁴ Об утверждении Правил по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 26 марта 2020 г. № 247 (с изм. от 26.01.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38489496 (дата обращения: 07.06.2024).

ограничения [13, 41 стр.].

Таким образом, в учреждениях УИС имманентно существуют факторы, которые делают осужденных уязвимыми к восприятию криминальной и радикальной идеологии, и как следствие устойчивости идеологии пенитенциарного сообщества. Эта ситуация детерминирована, прежде всего постоянными факторами. В случае отбывания наказания ОЭТП допустимо возникновение определенных специфических черт.

Ресоциализация подразумевает учет наличного субъективного социального опыта осужденного, реализуемого в индивидуальном подходе. Результатом ресоциализации является не только самостоятельная жизнь в соответствии с нормами права, но и нормами морали. В отношении ОЭТП сложность заключается в том, что их преступная деятельность связана с деструктивными идеями, взглядами и ценностями, не укладывающимися в установленные правовые и нравственные нормы. Их девиации основаны на редуцированных идеях «исламского призыва» против существующего миропорядка, его радикального изменения с применением насильственных методов.

Следовательно, ресоциализация данных лиц представляет собой сложность, в которой особое место занимает работа с идеями, лежащих в основе экстремистской идеологии.

Идея – это форма отражения в мысли явлений объективной реальности. Постигая действительность, идея включает в себя сознание цели дальнейшего познания и практического преобразования мира. Идеи обобщают опыты предшествующего развития знания и служат в качестве принципов объяснения явлений [14, 476 стр.].

Поскольку идея отвечает на вопрос «что делать?», значимость ее для развития человека и общества бесспорна. Взгляд и установки – главный продукт всякой идеи, определяющие целевое направление, а также средства социального движения.

Одна из функций государства – воспроизводство базовых идей по всем направлениям развития, отражаемых в

политических программах, стратегиях, доктринах и т.д., где источником служит объективная реальность, рассматриваемая сквозь призму национальных интересов. Квинтэссенцией всей совокупности данных идей является национальная идея. Следовательно, государство создает систему идей, определяющих установки общества по отношению к бытию. Однако, такая схема, слишком упрощенная для современного мира, т.к. постмодерн создал условия для стихийного формирования множества идей, как на страновом, так и глобальном уровне, а глобализация позволяет мгновенному перетеканию идей и их восприятию обществами, группами и индивидами, которые в прошлом казались совершенно несовместимыми в культурном плане.

Политическая интеграция, с одной стороны и политическое размежевание на мировой арене, с другой, привели к формированию региональных идей, объединяющих географически близких соседей, а также блоковых идей, куда входят страны, разделяющие подходы друг друга к решению тех или иных проблем.

С точки зрения охвата идеологии можно разделить на следующие формы: глобальные, региональные, национальные и блоковые.

Безусловно, представленный список не может исчерпать всего многообразия реально существующих идей, под которыми объединяются сообщества, однако в рамках нашего исследования мы ограничимся данной классификацией.

Можно отметить, что общим существенным признаком для представленных идей является их политический характер, поскольку они оказывают влияние на отношения между значительными социальными массами. Их возникновение зачастую политически мотивировано, и преимущественно представляет собой результат деятельности политических субъектов.

Каждая из представленных форм с позиций содержания и влияния на общественное развитие делится на конструктивные и деструктивные. К примеру, к конструктивным формам глобальных идей относится идея

межконфессионального согласия. Идеи религиозного разобщения, противодействия есть пример деструктивных глобальных идей. Конструктивные идеи отражаются в социальной жизни через возникновение сообществ, направленных на прогрессивные цели. Деструктивные, напротив, создаются для разрушения традиционных и прогрессивных отношений. Наиболее опасными из них являются радикальные террористические идеи.

Принятие человеком деструктивных радикальных идей приводит к отмиранию конструктивных традиционных связей человека с семьей, референтными сообществами, в т.ч. нацией и всем, что с ней связано – традиции, история, коллективная память и др. Таким образом, человек теряет все формы идентичности, которые определяют его в качестве члена данного общества.

Отечественный опыт по ресоциализации ОЭТП доказывает важность убеждения рассматриваемой категории осужденных, что исправление и признание традиционного ислама, есть способ реабилитации всей религии, которая дискредитирована деятельностью экстремистских и террористических организаций.

В этом процессе исключительная роль отводится теологу, который является не просто истолкователем коранических истин, но прежде всего личностью обеспечивающего связь осужденного с миром традиционного ислама – его догматикой, историей, традицией, уммой, и нетерпимо относящегося к любым проявлениям насилия со стороны мусульманских сообществ, как фактора разжигания исламофобии.

Основные цели идейного противодействия подразделяются на:

долгосрочные – дерадикализация, отведение от радикальной идеологии, приобщение к ценностям традиционного ислама;

среднесрочные – изучение истории и основ традиционного Ислама, основных законов развития общества, сущности человека, специфики деструктивных религиозных организаций и др.;

краткосрочные, или конкретные – способствовать формированию осужденных конкретного знания, умения, навыка, либо идеи, взгляда, установки.

При выборе цели следует учитывать соответствие уровня подготовленности осужденного (возрастных, психологических [15] и т.п.), уровню подготовки самого теолога, материально-технической оснащенности учреждения УИС и других факторов.

Вступая с осужденным в непосредственный контакт в процессе теологической реабилитации, решаются задачи, касающиеся ресоциализации.

К ним можно отнести следующие: определение особенностей религиозного мировоззрения осужденного, уровня его религиозных знаний, устремленности к изучению религии, фанатизма, формирование внутренней мотивации отказа от насилия, толерантности, адекватного отношения к факту осуждения и правоохранительной системе, осознание вины и позитивного отношения к национальным институтам традиционного ислама.

Как было отмечено выше, реабилитация включена в процесс ресоциализации. В связи с этим, теолог, который непосредственно участвует и проводит теологическую реабилитацию должен понимать свою роль в идейном противодействии в контексте процесса ресоциализации.

В рассматриваемом аспекте также важно изучить вопрос пересмотра действующего статуса теолога как офицера УИС. Опыт вышеуказанных пилотных проектов доказывает, что участие гражданского сектора в теологической реабилитации имеет особое значение, т.к. пенитенциарная система, являясь государственным институтом, в сознании радикалов обретает крайне негативный образ. Это связано с тем, что УИС как силовая структура является объектом борьбы исламистских групп и рассматривается радикалами в качестве непосредственного исполнителя «антиисламской воли» «кафирского государства», якобы узаконившего притеснение «истинных мусульман». По этой причине необходим эффективный медиатор между исламистами и государством.

Следует также учитывать, что идейные основы радикализма теснейшим образом связаны с политической повесткой, разъяснение которой невозможно без понимания социальных законов и исторических предпосылок, без понимания настоящего как результата предшествовавшего развития государства и мира в целом. Это сложные вопросы, посвящение в которые может стать основой для расширения тоннельного мышления, развития критического мышления ОЭТП, и как следствие, понимания ими своего места в мире, формирования конструктивной национальной и гражданской идентичностей.

Заключение/выводы. Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов:

1) Под ресоциализацией следует понимать комплекс мер социального, правового, экономического, идеологического и воспитательного характера, направленных на восстановление у осужденного утраченных или ослабленных в результате изоляции социальных связей и социального статуса полноправного члена общества, с целью возвращения его к самостоятельной жизни в обществе на основе норм права и общепринятых норм поведения.

Данным определением предлагается дополнить понятийный аппарат Уголовно-исполнительного кодекса РК от 5 июля 2014 года РК (далее – УИК РК) (ст. 3);

2) Вместе с этим рекомендуется внести коррективы в статью 125 УИК РК. В частности, предлагается изменить название статьи на «Работа по ресоциализации и психологической помощи», в содержании сделать акцент на активной роли учреждений УИС в вопросах ресоциализации, включить дополнительные меры ресоциализации;

3) Ресоциализация ОЭТП – сложный процесс, включающий в себя теологическую реабилитацию. При этом необходимо понимать, что одна лишь теологическая реабилитация, как идейное противодействие, не даст желаемого эффекта. Неотъемлемой частью идеологического противодействия должны стать вопросы культурно-исторического, политического,

патриотического развития, призванных формировать национальную идентичность и толерантность;

4) «Правила по организации теологической реабилитационной работы с осужденными лицами в учреждениях уголовно-исполнительной системы» от 26 марта 2020 года № 247 нуждаются в детальной регламентации процесса разработки программы реабилитации, алгоритма действий сотрудника по сбору данных, выбору наиболее оптимальных и эффективных методов и средств воздействия на реабилитируемое лицо;

5) Анализ национального и зарубежного опыта дерадикализации заключенных показывает необходимость работы на двух уровнях: личностном и групповом, с использованием трех компонентов: религиозно-просветительского, психологического и последующей помощи в социальной адаптации заключенного после отбытия срока. Требуется также постоянная многоуровневая профилактическая работа с социальным окружением заключенного, которое станет для него основой «новой жизни».

При этом для ОЭТП важна коррекция идеологических взглядов и установок личности с целью профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество;

6) При подборе методов для индивидуальной работы необходимо учитывать особенности каждого осужденного его качества и динамические характеристики, в т.ч. его личных и связанных с внешними факторами обстоятельств, способствующих формированию у него экстремистских взглядов.

Для этой цели весьма ценен опыт зарубежных государств, где процессу подготовки индивидуальной программы предшествует этап социального исследования личности с использованием, как правило, стандартизированного инструмента оценки рисков и потребностей. В отношении осужденных за экстремистские и террористические преступления применяются специализированные

инструменты оценки рисков;

7) Важно также применение осужденных улучшаются/ухудшаются в «прогрессивной системы отбывания наказания» зависимости от поведения, отношения к в практику содержания осужденных за отбываемому наказанию и дерадикализации.

Статья подготовлена в рамках реализации научного грантового проекта «Совершенствование организационно-правового механизма реализации института ресоциализации осужденных в Республике Казахстан», финансируемого Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан по научным и (или) научно-техническим проектам на 2023-2025 годы (AP19679540).

Список использованной литературы:

1. Пьянников, В.И. Меры противодействия религиозному терроризму и экстремизму в учреждениях УИС РК / В.И. Пьянников // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (36). – С. 51-53.
2. Селезнев, И.А. Причины распространения радикального исламизма в делинквентной среде Западной Европы и России XXI в. / И.А. Селезнев // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. – 2017. – № 1 (5). – С. 44-55.
3. Яворский, М.А. Причины радикализации осужденных в местах лишения свободы в России и за рубежом / М.А. Яворский // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения. – Пермь, 2016. – С. 166-173.
4. S. Kern. Britain: Muslim Prison Population Up 200%. – 2013 [Electronic resource] – Access mode: <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (Access date: 05.05.2024).
5. Айтжанова, Д.А. Опыт европейских стран в противодействии религиозному экстремизму: дис. ... д-ра по профилю. – Нур-Султан, 2021. – 180 с.
6. Козловский, С.Н. Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях / С.Н. Козловский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. – 2019. – № 1. – С. 122-128.
7. Баранов, Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю.В. Баранов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 275 с.
8. Хван, И.И. Понятие и сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и ее соотношение со смежными институтами [Электронный ресурс] / И.И. Хван // Бюллетень науки и практики. – 2021. – № 6 (7). – С. 382-387. – Режим доступа: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/67/43> (дата обращения: 05.05.2024).
9. El-Said, H. Countering Violent Extremism: Scientific Methods & Strategies / H. El-Said, L. Kolesnikova. – 2021 [Electronic resource] – Access mode: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA552480.pdf> (Access data: 06.05.2024).
10. Koomen, W. The Psychology of Radicalization and Terrorism [Electronic resource] / W. Koomen. – Imprint Routledge, 2015. – 284 p. – Access mode: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9781315771984/psychology-radicalization-terrorism-joop-van-der-pligt-willem-koomen> (Access data: 06.05.2024).
11. Religion, Identity and Politics: Germany and Turkey in Interaction; edited by H. Güllalp, G. Seufert. – London: Imprint Routledge, 2013. – 216 p. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9780203100660/religion-identity-politics-haldun-g%C3%BClalp-g%C3%BCnter-seufert> (Access data: 06.05.2024).
12. Michael S. Smith II. Countering Online Radicalization: A Strategy for Action [Electronic resource] / Michael S. Smith II. – 55 p. – Access mode: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2010/03/ICSR-Report-The-Challenge-of-Online-Radicalisation-A-Strategy-for-Action.pdf> (Access data: 06.05.2024).
13. Уваров, И.А. Идеология пенитенциарного сообщества в системе формирования общественного сознания осужденных [Электронный ресурс] / И.А. Уваров // Научно-практический

журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. – 2012. – № 2 (18). – С. 40-43. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-penitentsiarnogo-soobshchestva-v-sisteme-formirovaniya-obschestvennogo-soznaniya-osuzhdennykh/viewer> (дата обращения: 05.05.2024).

14. Прохоров, А.М. Советский энциклопедический словарь; ред. кол.: А.А. Гусев и др. – Изд. 4-е. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 1632 с.

15. Нурадинов, А.С. О некоторых проблемах исследования религиозного радикализма и терроризма (на примере опыта Казахстана) [Электронный ресурс] / А.С. Нурадинов, А.Н. Джумагельдинов // Национальный психологический журнал. – 2022. – № 1 (45). – С. 43-52. – Режим доступа: https://npsyj.ru/upload/iblock/066/19hydmggm9uoyaul7w05as1hs1zmdqk/06_Nuradinov_1_2022_43_52.pdf (дата обращения: 05.05.2024).

References:

1. P'jannikov, V.I. Mery protivodejstviya religioznomu terrorizmu i jekstremizmu v uchrezhdenijah UIS RK / V.I. P'jannikov // Vestnik Barnaul'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 1 (36). – С. 51-53.

2. Seleznev, I.A. Prichiny rasprostraneniya radikal'nogo islamizma v delinkventnoj srede Zapadnoj Evropy i Rossii XXI v. / I.A. Seleznev // Bjulleten' Centra jetnoreligioznyh issledovaniy. – 2017. – № 1 (5). – С. 44-55.

3. Javorskij, M.A. Prichiny radikalizacii osuzhdennykh v mestah lisheniya svobody v Rossii i za rubezhom / M.A. Javorskij // Nacional'naja bezopasnost': strategicheskie priority i sistema obespecheniya. – Perm', 2016. – С. 166-173.

4. S. Kern. Britain: Muslim Prison Population Up 200%. – 2013 [Electronic resource] – Access mode: <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (Access date: 05.05.2024).

5. Ajtzhanova, D.A. Opyt evropejskih stran v protivodejstvii religioznomu jekstremizmu: dis. ... d-ra po profilju. – Nur-Sultan, 2021. – 180 s.

6. Kozlovskij, S.N. Resocializacija osuzhdennykh v ispravitel'nyh uchrezhdenijah / S.N. Kozlovskij // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija Pravo. – 2019. – № 1. – С. 122-128.

7. Baranov, Ju.V. Stadii resocializacii osuzhdennykh v svete novyh sociologo-antropologicheskikh vozzrenij i social'noj filosofii / Ju.V. Baranov. – SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Juridicheskij centr Press», 2006. – 275 s.

8. Hvan, I.I. Ponjatie i sushhnost' resocializacii osuzhdennykh k lisheniju svobody i ee sootnoshenie so smezhnymi institutami [Jelektronnyj resurs] / I.I. Hvan // Bjulleten' nauki i praktiki. – 2021. – № 6 (7). – С. 382-387. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/67/43> (data obrashheniya: 05.05.2024).

9. El-Said, H. Countering Violent Extremism: Scientific Methods & Strategies / H. El-Said, L. Kolesnikova. – 2021 [Electronic resource] – Access mode: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA552480.pdf> (Access data: 06.05.2024).

10. Koomen, W. The Psychology of Radicalization and Terrorism [Electronic resource] / W. Koomen. – Imprint Routledge, 2015. – 284 p. – Access mode: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9781315771984/psychology-radicalization-terrorism-joop-van-der-pligt-willem-koomen> (Access data: 06.05.2024).

11. Religion, Identity and Politics: Germany and Turkey in Interaction; edited by H. Güllalp, G. Seufert. – London: Imprint Routledge, 2013. – 216 p. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9780203100660/religion-identity-politics-haldung%C3%BClalp-g%C3%BCnter-seufert> (Access data: 06.05.2024).

12. Michael S. Smith II. Countering Online Radicalization: A Strategy for Action [Electronic resource] / Michael S. Smith II. – 55 p. – Access mode: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2010/03/ICSR-Report-The-Challenge-of-Online-Radicalisation-A-Strategy-for-Action.pdf> (Access data: 06.05.2024).

13. Uvarov, I.A. Ideologija penitenciarnogo soobshhestva v sisteme formirovaniya obshhestvennogo soznaniya osuzhdennyh [Elektronnyj resurs] / I.A. Uvarov // Nauchno-prakticheskij zhurnal Vologodskogo instituta prava i jekonomiki FSIN. Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie. – 2012. – № 2 (18). – S. 40-43. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-penitentsiarnogo-soobschestva-v-sisteme-formirovaniya-obshchestvennogo-soznaniya-osuzhdennyh/viewer> (data obrashhenija: 05.05.2024).

14. Prohorov, A.M. Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'; red. kol.: A.A. Gusev i dr. – Izd. 4-e. – M.: Sov. jenciklopedija, 1987. – 1632 s.

15. Nuradinov, A.S. O nekotoryh problemah issledovanija religioznogo radikalizma i terrorizma (na primere opyta Kazahstana) [Elektronnyj resurs] / A.S. Nuradinov, A.N. Dzhumagel'dinov // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. – 2022. – № 1 (45). – S. 43-52. – Rezhim dostupa: https://npsyj.ru/upload/iblock/066/19hydhmggm9uoyaul7w05as1hs1zmdqk/06_Nuradinov_1_2022_43_52.pdf (data obrashhenija: 05.05.2024).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мырзабек Сардарбекұлы Тұйғанов – Ш. Қабылбаев атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі Істер Министрлігі Қостанай академиясының экстремистік идеологияға қарсы іс-қимыл жөніндегі қылмыстық-атқару жүйесі мамандарын даярлау орталығының бастығы, e-mail: myrzabek.1980@mail.ru.

Тұйғанов Мырзабек Сардарбекович – начальник Центра подготовки специалистов Уголовно-исполнительной системы по противодействию экстремистской идеологии Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, e-mail: myrzabek.1980@mail.ru.

Tuiganov Myrzabek Sardarbekovich – Head of the Center for Training Specialists of the Penal Enforcement System for Countering Extremist Ideology of the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, e-mail: myrzabek.1980@mail.ru.

Нұрлан Амангелдіұлы Биекенов – Қазақстан Республикасы Қауіпсіздік Кеңесінің Ахуалдық орталығы меңгерушісінің орынбасары, заң ғылымдарының докторы, доцент, e-mail: nbiekenov@mail.ru.

Биекенов Нурлан Амангелдинович – заместитель заведующего Ситуационным центром Совета Безопасности Республики Казахстан, доктор юридических наук, доцент, e-mail: nbiekenov@mail.ru.

Biyekenov Nurlan Amangeldinovich – Deputy Head of the Situation Center of the Security Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Associate Professor, e-mail: nbiekenov@mail.ru.

УДК 343.82
МРНТИ 10.83.21

Б.Т. Уразалин

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ МИНИМАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В современных условиях всеобщей цифровизации дальнейшее развитие научно-технического обеспечения содержания осужденных видится путем использования новейших информационных технологий, весь комплекс которых позволит в результате реализовать концепцию «умных» объектов уголовно-исполнительной системы. В статье сформулированы практические рекомендации, которые вписываются в общую концепцию создания «умного» учреждения минимальной безопасности. Также представлены результаты проведенного автором опроса среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, службы пробации, Департамента полиции, прокуратуры, антикоррупционной службы и службы экономических расследований на тему технического обеспечения содержания осужденных учреждений уголовно-исполнительной системы, которые подтвердили в целом общую готовность к техническим законодательным и техническим изменениям в работе исправительных учреждений. Безусловно, все это потребует больших финансовых затрат и тщательной законодательной проработки, однако поэтому и требуется дальнейшее изучение и научное обоснование целесообразности принятия тех или иных решений с учетом всех потенциальных выгод и возможных рисков.

Ключевые слова: биометрическая идентификация; видеонаблюдение; высылка; искусственный интеллект; Республика Казахстан; научно-техническое обеспечение; уголовно-исполнительная система; умная колония; учреждение минимальной безопасности; чипирование; электронный мониторинг.

Б.Т. Оразалин

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

МИНИМАЛДЫ ҚАУІПСІЗДІК МЕКЕМЕЛЕРІНДЕ ТЕХНИКАЛЫҚ-КРИМИНАЛИСТИКАЛЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДІ ДАМУҒА БАҒЫТТАЛҒАН ПРАКТИКАЛЫҚ ҰСЫНЫСТАР

Аннотация. Жалпыға бірдей цифрландырудың қазіргі жағдайында сотталғандарды ұстауды техникалық-криминалистикалық қамтамасыз етуді одан әрі дамыту жаңа ақпараттық технологияларды пайдалану арқылы көрінеді, олардың барлық кешені нәтижесінде қылмыстық-атқару жүйесінің «ақылды» объектілерінің тұжырымдамасын іске асыруға мүмкіндік береді. Мақалада «ақылды» минималды қауіпсіздік мекемесін құрудың жалпы тұжырымдамасына сәйкес келетін практикалық ұсыныстар тұжырымдалған. Сондай-ақ автор қылмыстық-атқару жүйесі, пробация қызметі, полиция департаменті, прокуратура, сыбайлас жемқорлыққа қарсы қызмет және экономикалық тергеу қызметі қызметкерлерінің арасында қылмыстық-атқару жүйесі мекемелерінің сотталғандарын ұстауды техникалық қамтамасыз ету тақырыбында жүргізген сауалнаманың нәтижелері ұсынылды, олар түзеу мекемелерінің жұмысындағы техникалық заңнамалық және техникалық өзгерістерге жалпы дайындығын растады. Әрине, мұның бәрі үлкен қаржылық шығындар мен Мұқият заңнамалық пысықтауды қажет етеді, бірақ сондықтан барлық ықтимал артықшылықтар мен ықтимал тәуекелдерді ескере отырып, белгілі бір шешімдер қабылдаудың орындылығын одан әрі зерттеу және ғылыми негіздеу қажет.

Түйінді сөздер: биометриялық сәйкестендіру; бейнебақылау; шығару; жасанды интеллект; Қазақстан Республикасы; ғылыми-техникалық қамтамасыз ету; қылмыстық-атқару жүйесі; ақылды колония; минималды қауіпсіздік мекемесі; чиптеу; электрондық мониторинг.

B.T. Urazalin

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy c., the Republic of Kazakhstan*

PRACTICAL RECOMMENDATIONS AIMED AT THE DEVELOPMENT OF TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT OF DETENTION IN MINIMUM SECURITY INSTITUTIONS

Abstract. In the current conditions of universal digitalization, further development of technical and forensic support of the detention of convicts is seen through the use of the latest information technologies, the whole complex of which will make it possible to implement the concept of “smart” facilities of the penal system as a result. The article formulates practical recommendations that fit into the general concept of creating a “smart” minimum security institution. Also presented are the results of a survey conducted by the author among the employees of the penal system, probation service, police department, prosecutor's office, anti-corruption service and economic investigation service on the topic of technical support for the detention of convicts in penal institutions, which confirmed, in general, the general readiness for technical legislative and technical changes in the work of correctional institutions. Undoubtedly, all this will require large financial outlays and thorough legislative elaboration, but this is why further study and scientific substantiation of the feasibility of taking certain decisions, taking into account all potential benefits and possible risks, is required.

Keywords: biometric identification; video surveillance; expulsion; artificial intelligence; the Republic of Kazakhstan; scientific and technical support; penal system; smart colony; minimum security institution; chipping; electronic monitoring.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_79

Введение. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что научно-техническое обеспечение остается важной составляющей уголовно-исполнительной системы, требующей постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся технологическим и социальным реалиям [1, 383 стр.]. Об этом сказал и Президент нашей страны в своем Послании 1 сентября 2023 года: «Перед нами стоит стратегически важная задача – превратить Казахстан в IT-страну»¹.

В современных условиях всеобщей цифровизации дальнейшее развитие научно-технического обеспечения содержания осужденных видится путем использования новейших информационных технологий, весь комплекс которых позволит в результате реализовать концепцию «умных» объектов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС): «умные колонии», «умные тюрьмы» и т.д. В основе концепции лежит интеграция современных технологий, обеспечивающих комфорт, безопасность и рациональное использование ресурсов [2, 68 стр.].

Особенно актуальна реализация данной концепции в учреждениях минимальной безопасности (колониях-поселения) (далее – УМБ), поскольку осужденным предоставлено право передвижения без надзора за пределами этих учреждений в целях решения личных и бытовых вопросов. И здесь возникают определенные риски, в частности уклонений от отбытия наказания или совершения правонарушений (преступлений). В связи с этим, помимо тщательного расчета количества сотрудников УИС, путем внесения новых изменений и дополнений в законодательные акты, необходимо внедрение комплекса современных технологий для обеспечения контроля и надзора за осужденными, что позволит создать своего рода «умные» учреждения УИС [1, 381 стр.].

Материалы и методы. Проведенное исследование опирается на труды как отечественных, так и зарубежных ученых, специализирующихся в сфере пенитенциарной системы. Выбор материалов был осуществлен с учетом специфики

¹ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» (г. Астана, 1 сентября 2023 г.) // Казахстанская правда. – 2023. – № 166 (30043).

Казахстана и их релевантности теме исследования.

Методологической основой исследования стали методы формирования научного познания, системный, причинно-следственный и сравнительно-правовой методы.

Результаты. При создании «умных» учреждений УИС можно выделить два направления: 1) технологии, встроенные в инфраструктуру исправительного учреждения, для повышения безопасности [3]; 2) технологии, ориентированные на осужденных, расширяя их возможности в сфере доступа к правовой помощи, поддержания семейных связей и реабилитации [4]. Так что касается первого направления, то анализ зарубежного опыта позволяет выделить такое наиболее перспективное направление развития дистанционного электронного мониторинга при исполнении уголовных наказаний, как биометрический мониторинг (это может быть крошечный чип, который вживляют непосредственно в тело подконтрольного лица) [5, 34 стр.].

В Казахстане возможность применения такого мониторинга в отношении осужденных находится на этапе обсуждения. Казахстанские исследователи выделяют несколько целей чипирования осужденных: 1) контроль и обеспечение безопасности внутри УМБ; 2) предотвращение уклонения осужденных от отбывания наказания. В то же время они отмечают, что чипирование осужденных вызывает определенные этические и юридические вопросы, связанные с приватностью и правами человека. Поэтому перед применением этой меры необходимо учитывать соответствующие законодательные нормы и проводить обоснованные оценки рисков и пользы [6, 79 стр.].

Данная технология актуализирует возвращение к таким альтернативным мерам наказания как ссылка и высылка².

В частности, возможно применение высылки в отношении лиц, осужденных за экономические и коррупционные преступления, с большим жизненным опытом и высшим образованием, навыки и умения которых целесообразнее применить в местах их высылки. Перечень населенных пунктов для высылки должен включать в себя населенные пункты, наиболее отстающие в развитии. Кроме того, высылка будет более экономически целесообразней, поскольку государство вместо того, чтобы содержать заключенных, будет иметь работающих граждан, выплачивающих налоги.

Полагаем, данная мера наказания вполне применима, по крайней мере, по всем преступлениям небольшой и средней тяжести. По тяжким преступлениям, данная мера наказания вполне применима как альтернатива лишению свободы, в случае если срок меры наказания в виде лишения свободы не превышает 7-8 лет. Введение такого вида наказания соответствует ратифицированным Казахстаном Правилам Нельсона Манделы, где рекомендуется лиц, совершивших не насильственные (не умышленные, впервые) преступления, не содержать в местах лишения свободы, а применять к ним альтернативные меры уголовного наказания³.

Такая альтернатива лишению свободы может распространяться и на осужденных, отбывающих наказание в УМБ. После чипирования их можно высылать на определенное время в неблагоприятные регионы для того, чтобы они там работали и принимали участие в развитие тех регионов. Тем самым отходить от карательных, репрессивных методов работы.

Однако с точки зрения предотвращения насилия, одного чипирования недостаточно. Повышение безопасности рабочей среды в «умных» учреждениях УИС требует использования автоматизированных, искусственных и/или роботизированных форм мониторинга и наблюдения,

² Партия «Ақ жол» предложила заменить лишение свободы для нарушивших закон бизнесменов ссылкой в отдаленные районы // Informburo [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/partiya-ak-zhol-predlozila-zamenit-lishenie-svobody-dlya-narushivshih-zakon-biznesmenov-sсылкой-v-otdalyonnyye-raiony> (дата обращения: 25.07.2024).

³ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 25.07.2024).

снижающих потребность в физическом взаимодействии между персоналом и осужденными. К примеру, в Южной Корее [7] и Гонконге [8] опробованы «роботы-надзиратели», оснащенные трехмерными камерами, датчиками и алгоритмами распознавания лиц для выявления нарушений или неподобающего поведения. Кроме того, роботы используются для обнаружения наркотических веществ в фекалиях заключенных [9].

В японской Симанэ Асахи – тюрьме с низким уровнем безопасности А, используются технологии поиска наркотиков и другой контрабанды. Сканер «Safe View», система визуализации всего тела в миллиметровом диапазоне, также используемая в аэропортах, позволяет персоналу проверять контрабанду, не прикасаясь к заключенным. Это способствует улучшению отношений между заключенными и персоналом, поскольку исключаются унижительные обыски полостей тела и раздевание осужденных [10, С. 5-6].

Здесь используются и чипы, но, вшитые в униформу. Также в этой тюрьме автоматизированное транспортное средство (AGV) доставляет заключенным питание в камеру, двигаясь по специальной ленте на полу. Такая система снижает потребность персонала в доставке еды по всему объекту и проблемы безопасности, связанные с входом и выходом всего персонала на территорию. Также выстраивание заключенных в очередь и сбор в столовой рассматривается как наиболее вероятный случай возникновения неприятностей [10, 6 стр.].

Тюремная служба Сингапура (SPS) разрабатывает модель «тюрьмы без охраны», используя в т.ч. AVATAR – система анализирует видеозаписи, чтобы выявлять агрессивное поведение заключенных и своевременно оповещать сотрудников, и VADAR – система отслеживает подозрительные действия, помогая предотвратить нарушения правил, а также камеры распознавания лиц в целях автоматизации досмотров и сканируемые наручные бирки с чипами связи [11].

В китайской тюрьме Яньчэн внедряется «умная» система наблюдения, которая использует сетевые скрытые камеры и датчики для отслеживания каждого заключенного в режиме реального времени. Собранные данные обрабатывает компьютер с искусственным интеллектом (далее – ИИ), способный распознавать, отслеживать и контролировать действия каждого заключенного круглосуточно. Это обеспечивает непрерывный надзор, что позволяет выявлять подозрительное поведение и деятельность спецконтингента, а также может привести к сокращению случаев неправомерного поведения и со стороны сотрудников, таких как взяточничество. В некоторых американских тюрьмах внедряются системы интеллектуального обнаружения дронов, чтобы бороться с контрабандой [2, 70 стр.].

Создание «умной колонии» тесно связано с тенденциями в области оценки рисков и обработки данных, которые структурируют многие современные социальные институты [3]. В уголовном правосудии оценка рисков играет ключевую роль при принятии важных решений [12]. Так, в Португалии разработана программа на основе ИИ для принятия решений в уголовном правосудии от момента задержания преступника до реабилитации заключенного. ИИ определяет в каких именно учреждениях или камерах следует помещать преступников. Кроме этого, он запрограммирован таким образом, что может снизить вероятность конфликтов и повысить безопасность заключенных. Программа также способна сделать прогноз о том, насколько тот или иной заключенный склонен к рецидиву, насилию и самоубийству. В настоящее время программа проходит первые «полевые» испытания⁴.

Создание «умного» учреждения УИС может принести пользу и самим заключенным в виде внедрения безопасных персональных цифровых устройств связи. Современные технологии, включающие аудиовизуальные каналы связи, видеоконференции, цифровые планшеты, iKiosks и внутрикамерные

⁴ В Португалии научили ИИ управлять тюремной системой // ЕвроПульс. – 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://euro-pulse.ru/news/portugalii-nauchili-ii-upravlyat-tyuremnoj-sistemoy/> (дата обращения: 25.07.2024).

компьютеры, открывают новые горизонты для поддержания семейных связей, доступа к правосудию, а также для участия в образовательных программах и развития цифровых навыков у заключенных.

Несмотря на то, что предоставление осужденным персональных цифровых устройств связи, компьютеров и ограниченного доступа в Интернет является дискуссионным вопросом [13], реабилитационные преимущества ограниченных возможностей подключения к Интернету для заключенных постепенно признаются во многих странах. Так, в тюремной службе Сингапура используются общие цифровые планшетные устройства, известные как «Инструмент оцифровки средств реабилитации и исправительных учреждений заключенных», предназначенные для предоставления приложений для самообучения, учебы и общения, замены печатных материалов и сокращения контрабанды.

Хотя внедрение современных технологий в пенитенциарную систему может оптимизировать ее работу, полная замена сотрудников невозможна и нежелательна. Важно помнить о правах и достоинстве заключенных, а также о необходимости человеческого взаимодействия для успешной реабилитации. Вместо полного замещения сотрудников, стоит рассматривать внедрение «умных» технологий, которые могли бы частично автоматизировать некоторые задачи, освобождая время сотрудников для более важных функций, таких как обеспечение безопасности, поддержка и социализация заключенных.

Следовательно, создание «умной» колонии требует подготовки персонала и, прежде всего, преодоления психологического барьера, мешающего эффективному использованию научно-технических средств [14, 112 стр.]. Обучение сотрудников работе с новой техникой и ее применению в типовых тактических ситуациях должно стать приоритетом. Необходимо обеспечить практический тренинг, моделирующий служебную деятельность, для глубокого

освоения сотрудниками знаний, умений и навыков использования научно-технических средств. Полезным будет также распространение опыта успешного применения новейших технологий в сфере уголовно-исполнительной деятельности.

Таким образом, необходимо стремиться к созданию «умных» учреждений УИС, где все осужденные и персонал будут под контролем. Для начала предлагается законодательное закрепление чипирования всех осужденных, которые будут переводиться в УМБ, и использование возможностей ИИ, т.е. внесение соответствующих изменений и дополнений в статью 96 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК РК)⁵ и статью 46 Уголовного кодекса (далее – УК РК)⁶.

Также предлагается ввести такой вид наказания альтернативного лишению свободы как высылка. В связи с этим предлагается дополнить статью 40 УК РК пунктом 3-1) высылка, а также ввести в УК РК новую статью 51-1 и изложить в следующей редакции:

Статья 51-1. Высылка

1. Высылка состоит в принудительном направлении осужденного для проживания в города районного значения, поселки, села, с установлением запрета на выезд на другую территорию Республики Казахстан сроком до семи лет. Высылка отбывается в населенных пунктах, определенных судом и включает исполнение осужденным обязанностей: проживать и работать в определенном судом населенном пункте, не покидать данный населенный пункт без уведомления уполномоченного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного; не посещать определенные места; другие обязанности, которые способствуют исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых уголовных правонарушений.

Примечание: список городов районного значения, поселков, сел утверждается Постановлением Правительства РК.

Данный вид наказания поможет вместо

⁵ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V ЗПК (ред. от 08.07.2024 г.) // Казахстанская правда. – 2014. – № 134 (27755).

⁶ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК (ред. от 17.07.2024 г.) // Казахстанская правда. – 2014. – № 132 (27753).

траты бюджетных средств на содержание осужденных получить полноценные трудящиеся кадры, находящиеся на полном самообеспечении и выплачивающие налоги государству. Однако реализовать данный вид наказания в полном объеме возможно лишь с применением технологии чипирования или возможностей ИИ.

Обсуждение. Вопросы возможности создания «умных» учреждений УИС в большей степени освещены в зарубежных источниках. В сочетании с улучшенными камерами видеонаблюдения, технологией распознавания лиц, видеоаналитикой и браслетами слежения тюремные власти стремятся создать интеллектуальные системы гипербезопасности и наблюдения [8] и оптимальную упорядоченную функциональность [15]. Так, проектирование тюрем в Китае описывается как движение к «роботократии», где ИИ играет ключевую роль в управлении [16].

В целях определения целесообразности реализации на практике всех выше предложенных изменений, автором исследования проведен опрос на тему «Техническое обеспечение содержания осужденных учреждений уголовно-исполнительной системы» среди сотрудников Комитета УИС (17 чел.), Департамента УИС (52 чел.), учреждений УИС (225 чел.), службы пробации (90 чел.), Департамента полиции (4 чел.), прокуратуры (17 чел.), антикоррупционной службы (2 чел.) и службы экономических расследований (3 чел.). Всего в опросе приняло участие 410 человек⁷.

По результатам опроса большинство респондентов считают, что лица, совершившие коррупционные, экономические и ненасильственные преступления должны отбывать наказания в учреждениях УИС закрытого типа (59,5%, 51% и 53,7% соответственно). Возможность внедрения такого вида наказания как высылка допускают меньше четверти опрошенных (24,1 %). При этом половина респондентов считают, что к лицам, совершившим ненасильственное преступление, если и возможно применение

высылки, то лишь в случае полного признания вины (53,7%).

На вопрос о месте отбывания высылки опрошенные разделились практически поровну: в пределах своей области (29,2%), за ее пределами (30%) и неважно где, лишь бы была польза населенному пункту (36,6%). При этом контроль над осужденными, отбывающими наказание в виде высылки, предлагается возложить на местных участковых инспекторов (45,9%) либо службу пробации (42,2%).

Опрошенные допускают возможность контроля за данной категорией осужденных с использованием таких технических средств, как микрочип (биочип) (38,7%), электронный браслет (46,9%), видеоконтроль (26,8%) и биометрическая идентификация (18,6%). Практически поровну поделились респонденты при ответе на вопрос возможно ли осуществление такого контроля с использованием ИИ.

В то же время больше половины опрошенных (65,4%) считают, что ИИ можно использовать для профилактики совершения правонарушений в УМБ с оговоркой о необходимости обеспечения информационной безопасности. Практически все респонденты допускают чипирование осужденных при переводе в УМБ (91%), однако при условии, что это не повлияет на здоровье осужденных и персонала, а также соблюдении защиты данных.

На вопрос о возможности создании «умного» УМБ с применением систем биометрической идентификации и новых IT-технологий 52,9% респондентов ответили, что это будет намного эффективнее. Еще 29,9% также допускают такую возможность, но обязательно с соблюдением всех требований информационной безопасности. Конечно, есть и те, кто считает это невозможным (17%) или нецелесообразным, считая, что лучше вообще отказаться от УМБ как таковых (3,5%).

Больше половины опрошенных считает, что использование IT-технологий в деятельности сотрудников УИС поможет

⁷ Техническое обеспечение содержания осужденных учреждений уголовно-исполнительной системы / Авторская анкета [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://forms.gle/2zzDUmpGZ746TY1E7> (дата обращения: 25.07.2024).

осуществлению более эффективного контроля, надзора и охраны осужденных (57,5%). При этом ряд респондентов отметили важность переподготовки персонала для эффективного их использования (27,9%). А 18,2% считает это очень дорогим удовольствием.

Предложение о включении в программу подготовки сотрудников УИС изучение возможностей ИИ, IT-технологий поддержали 61% опрошенных. При этом 24,1% считают, что такая подготовка нужна не всем сотрудникам УИС, а 16,4% не видят в этом особого смысла и отметили бесполезность такого нововведения.

Вопрос о чипировании осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних при освобождении из мест лишения свободы нашел поддержку у 62,3% опрошенных, при этом один респондент отметил, что при рецидиве чипированных необходимо подвергать и химической кастрации, а также важно изучать детали уголовных дел для принятия верного решения. Остальные либо вообще не согласны (10,7%), либо высказывают мнение, что наиболее эффективнее применять в отношении указанной категории осужденных химическую (12%) либо хирургическую кастрацию (30,9%).

Ответы на вопрос о мерах, которые необходимо принять для технического обеспечения содержания осужденных УМБ показывают, что более половины опрошенных видят необходимость финансирования (59,6%), остальные отметили подготовку персонала (23,9%), усиление ответственности руководителей всех звеньев (18,5%) и совершенствование действующего законодательства (28,4%), к примеру, ужесточение наказаний за совершение правонарушений в УМБ.

Респонденты сформулировали собственные практические рекомендации для развития технического обеспечения содержания осужденных УМБ. Так более половины (62,2%) считают важным организацию тренингов и обучающих семинаров на тему «Возможности ИИ

и IT-технологий в учреждениях УИС», практически наполовину разделились те, кто считает необходимым разработать методические рекомендации для персонала (28,6%) и изучать международный опыт (28,1%). Остальные предложения в той или иной мере касаются финансирования. Стоит отметить, что одно из предложений касалось полного упразднения УМБ.

Последний вопрос посвящен рискам использования ИИ для контроля и надзора за осужденными в УМБ. Лишь 9,7% не видят никаких рисков, тогда большая часть опрошенных считают, что ИИ также может совершать ошибки (71,1%), а 34,7% опасаются утечки персональных данных осужденных. Также отдельные респонденты говорят о том, что ИИ не может учесть все нюансы (человеческий фактор) и само общество не готово к такому, осужденные могут выражать несогласие с такой системой контроля и все равно найдут пути ее обхода, а также есть риск сбоя самой системы, который обернется против своих создателей.

Таким образом, «умное» УМБ – это комплексное сочетание цифровых технологий, обладают огромным потенциалом для повышения безопасности и улучшения условий содержания заключенных. Однако, при этом, важно помнить, что подобные системы несут в себе определенные риски. Несмотря на то, что полное копирование зарубежных моделей тюремного надзора, напоминающих паноптикум, недопустимо, необходимо тщательно изучить все возможные варианты применения цифровых технологий. Важно, чтобы эти технологии использовались ответственно и этично, поскольку их неправильное применение может привести к усилению существующих проблем.

Заключение. Подводя итоги, можно сделать вывод, что полноценное научно-техническое обеспечение содержания осужденных в УМБ возможно в рамках реализации концепции создания «умных» учреждений УИС. Конечно, такое решение потребует больших финансовых затрат и тщательной законодательной проработки,

однако поэтому и требуется дальнейшее изучение и научное обоснование целесообразности его принятия.

В результате проведенного нами исследования, сформулированы направления, которые вписываются в общую концепцию создания «умного» УМБ, в частности это:

- чипирование осужденных, которые переводятся в УМБ, что потребует внесения изменений в статью 96 УИК РК и статью 46 УК РК;

- введение нового альтернативного лишению свободы вида наказания – высылка. Как следствие, дополнение статьи 40 УК РК и закрепление в уголовном законе новой соответствующей статьи. Контроль и надзор за такими осужденными как раз и может осуществляться с помощью технологии чипирования или возможностей ИИ;

- полноценная теоретическая и практическая подготовка всех сотрудников УИС к применению новейших научно-технических средств в их работе.

Автором также проведен опрос среди сотрудников УИС, службы пробации, Департамента полиции, прокуратуры, антикоррупционной службы и службы экономических расследований на тему технического обеспечения содержания осужденных учреждений УИС. В результате можно сделать вывод, что в целом есть готовность к законодательным и техническим изменениям в работе учреждений УИС. Однако следует отметить, что в ходе опроса некоторые респонденты признались, что им непонятен термин «высылка», а, следовательно, суть и

потенциальная выгода от применения такого альтернативного лишения свободы вида наказания. Это говорит о том, что необходима дальнейшая научная проработка данного вопроса, после чего проверка на практике. Также практически все опрошенные подтвердили необходимость обязательной подготовки всех сотрудников к применению внедряемых новых технологий.

В заключение еще раз скажем о том, что «умное» УМБ будет очевидно дороже, чем действующие сегодня. Но, когда реабилитированные преступники получают работу, они становятся налогоплательщиками, а общество избавляется от издержек, связанных с преступностью: физического вреда, медицинских расходов, финансовых потерь, эмоционального вреда и травм, потери производительности и т.д. Следовательно, такие затраты – это своего рода инвестиции в будущее страны. Однако не стоит ожидать, что это станет панацеей. Все-таки, прежде всего, необходимо бороться с социальными условиями, порождающими преступность, последствиями чрезмерных сроков заключения, дискриминацией заключенных после освобождения и рядом других проблем. Но, безусловно, над этой идеей стоит задуматься, чтобы повысить уровень общественной безопасности и выявить некоторые политические и культурные барьеры, препятствующие тому, чтобы разнообразные подходы к исправительным учреждениям в духе «умной борьбы с преступностью» лучше отвечали интересам общественной безопасности и казахстанского общества.

Список использованной литературы:

1. Уразалин, Б.Т. Техничко-криминалистическое обеспечение содержания осужденных в учреждениях минимальной безопасности / Б.Т. Уразалин, К.Е. Медеев // Развитие современной юридической науки: теория и практика: материалы VII международной научн.-практ. конф. – Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2024. – С. 379-384.

2. Крюкова, Д.Ю. Зарубежный опыт применения цифровых технологий для реализации концепции «умная колония» в УИС / Д.Ю. Крюкова, Ю.В. Мокрецов, Ю.М. Авдеев // Современные средства автоматизации деятельности сотрудников территориальных органов и образовательных организаций ФСИН России: проблемы и перспективы: сб. материалов научн.-практ. семинара. –

Вологда, 2020. – С. 66-72.

3. Kaun, A. Doing time, the smart way? Temporalities of the smart prison / A. Kaun, F. Stiernstedt // *New Media & Society*. – 2020. – № 22 (9). – Pp. 1580-1599.

4. McKay, C. The carceral automaton: Digital prisons and technologies of detention / C. McKay // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. – 2022. – № 11 (1). – Pp. 100-119.

5. Демидова, О.В. Зарубежный опыт применения электронного мониторинга при исполнении уголовных наказаний // *Актуальные вопросы криминологии, противодействия коррупции и исполнения наказаний: междунар. науч.-практ. заоч. конф., посвящ. 30-летию уголов.-исполн. фак. (г. Минск, 11 апр. 2023 г.): тез. докл. / отв. ред. В.В. Стальбовский*. – Минск, 2023. – С. 31-35.

6. Муканов, М.Р. Чипирование осужденных, находящихся в учреждениях минимальной безопасности (колониях-поселениях), как профилактика уклонения от отбытия наказания / М.Р. Муканов, Е.Н. Бегалиев, А.М. Сералиева // *Журнал «Хабарши-Вестник» Карагандинской академии МВД РК им. Б.Бейсенова*. – 2023. – № 3 (81). – С. 77-81.

7. L. Kim. Meet South Korea's new robotic prison guards. – 2012 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.digitaltrends.com/cool-tech/meet-south-koreas-new-robotic-prison-guards/> (Access data: 25.07.2024).

8. C. Leung. Robot warders check on inmates as Hong Kong tests 'smart prison' devices to step up security, surveillance [Electronic resource] – Access mode: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3033791/robot-warders-check-inmates-hong-kong-tests-smart> (Access data: 25.07.2024).

9. N. Bala. «Smart» technology is coming for prisons, too [Electronic resource] – Access mode: <https://slate.com/technology/2019/04/smart-ai-prisons-surveillance-monitoring-inmates.html> (Access data: 25.07.2024).

10. Leighton, P. «A model prison for the next 50 years»: The hightech, public-private Shimane Asahi Rehabilitation Center / P. Leighton // *Justice Policy Journal*. – 2014. – № 1 (11). – Pp. 1-16.

11. A. Yusof. Changi Prison raises tech bar with automated checks, surveillance system that detects fights [Electronic resource] – Access mode: <https://www.channelnewsasia.com/watch/changi-prison-raises-tech-bar-automated-checks-surveillance-system-detects-fights-video-1544246> (Access data: 25.07.2024).

12. McKay, C. Predicting risk in criminal procedure: Actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making / C. McKay // *Current Issues in Criminal Justice*. – 2020. – № 32 (1). – Pp. 22-39.

13. Kerr, A. Prisoner use of information and communications technology / A. Kerr, M. Willis. – Canberra: Australian Institute of Criminology, 2018. – 19 p.

14. Епифанов, С.С. Пути решения проблемы адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы к применению научно-технических средств в правоохранительной деятельности / С.С. Епифанов // *Прикладная юридическая психология*. – 2015. – № 3. – С. 112-118.

15. Jefferson, B. Digitize and punish: Racial criminalization in the digital age / B. Jefferson. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2020. – 264 p.

16. S. Chen. No escape? Chinese VIP jail puts AI monitors in every cell 'to make prison breaks impossible' [Electronic resource] – Access mode: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3003903/no-escape-chinese-vip-jail-puts-ai-monitors-every-cell-make> (Access data: 25.07.2024).

References:

1. Urazalin, B.T. Tehniko-kriminalisticheskoe obespechenie sodержaniya osuzhdennyh v uchrezhdeniyah minimal'noj bezopasnosti / B.T. Urazalin, K.E. Medeev // *Razvitie sovremennoj juridicheskoy nauki: teorija i praktika: materialy VII mezhdunarodnoj nauchn.-prakt. konf.* – Kossy: Akademija pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazahstan, 2024. – S. 379-384.

2. Krjukova, D.Ju. Zarubezhnyj opyt primeneniya cifrovyyh tehnologiy dlja realizacii koncepcii «umnaya kolonija» v UIS / D.Ju. Krjukova, Ju.V. Mokrecov, Ju.M. Avdeev // *Sovremennyye sredstva avtomatizacii dejatel'nosti sotrudnikov territorial'nyh organov i obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii: problemy i perspektivy: sb. materialov nauchn.-prakt. seminarov.* – Vologda, 2020. – S. 66-72.
3. Kaun, A. Doing time, the smart way? Temporalities of the smart prison / A. Kaun, F. Stiernstedt // *New Media & Society.* – 2020. – № 22 (9). – Pp. 1580-1599.
4. McKay, C. The carceral automaton: Digital prisons and technologies of detention / S. McKay // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy.* – 2022. – № 11 (1). – Pp. 100-119.
5. Demidova, O.V. Zarubezhnyj opyt primeneniya jelektronnogo monitoringa pri ispolnenii ugovolnyh nakazaniy // *Aktual'nye voprosy kriminologii, protivodejstviya korrupcii i ispolneniya nakazaniy: mezhdunar. nauch.-prakt. zaoch. konf., posvjashh. 30-letiju ugovov.-ispoln. fak. (g. Minsk, 11 apr. 2023 g.): tez. dokl. / otv. red. V.V. Stal'bovskij.* – Minsk, 2023. – S. 31-35.
6. Mukanov, M.R. Chipirovanie osuzhdennyh, nahodjashhihsja v uchrezhdenijah minimal'noj bezopasnosti (kolonijah-poselenijah), kak profilaktika uklonenija ot otbytija nakazaniya / M.R. Mukanov, E.N. Begaliev, A.M. Seralieva // *Zhurnal «Habarshi-Vestnik» Karagandinskoj akademii MVD RK im. B.Bejsenova.* – 2023. – № 3 (81). – S. 77-81.
7. L. Kim. Meet South Korea's new robotic prison guards. – 2012 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.digitaltrends.com/cool-tech/meet-south-koreas-new-robotic-prison-guards/> (Access data: 25.07.2024).
8. C. Leung. Robot warders check on inmates as Hong Kong tests 'smart prison' devices to step up security, surveillance [Electronic resource] – Access mode: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3033791/robot-warders-check-inmates-hong-kong-tests-smart> (Access data: 25.07.2024).
9. N. Bala. «Smart» technology is coming for prisons, too [Electronic resource] – Access mode: <https://slate.com/technology/2019/04/smart-ai-prisons-surveillance-monitoring-inmates.html> (Access data: 25.07.2024).
10. Leighton, P. «A model prison for the next 50 years»: The hightech, public-private Shimane Asahi Rehabilitation Center / P. Leighton // *Justice Policy Journal.* – 2014. – № 1 (11). – Pp. 1-16.
11. A. Yusof. Changi Prison raises tech bar with automated checks, surveillance system that detects fights [Electronic resource] – Access mode: <https://www.channelnewsasia.com/watch/changi-prison-raises-tech-bar-automated-checks-surveillance-system-detects-fights-video-1544246> (Access data: 25.07.2024).
12. McKay, C. Predicting risk in criminal procedure: Actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making / C. McKay // *Current Issues in Criminal Justice.* – 2020. – № 32 (1). – Pp. 22-39.
13. Kerr, A. Prisoner use of information and communications technology / A. Kerr, M. Willis. – Canberra: Australian Institute of Criminology, 2018. – 19 p.
14. Epifanov, S.S. Puti reshenija problemy adaptacii sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy k primeneniju nauchno-tehnicheskikh sredstv v pravoohranitel'noj dejatel'nosti / S.S. Epifanov // *Prikladnaja juridicheskaja psihologija.* – 2015. – № 3. – S. 112-118.
15. Jefferson, B. Digitize and punish: Racial criminalization in the digital age / B. Jefferson. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2020. – 264 p.
16. S. Chen. No escape? Chinese VIP jail puts AI monitors in every cell 'to make prison breaks impossible' [Electronic resource] – Access mode: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3003903/no-escape-chinese-vip-jail-puts-ai-monitors-every-cell-make> (Access data: 25.07.2024).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Бауыржан Төреханұлы Оразалин – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының

жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: baur.urazalin77@gmail.com.

Уразалин Бауыржан Туреханович – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, e-mail: baur.urazalin77@gmail.com.

Urazalin Bauyrzhan Turekhanovich – Doctoral Student at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: baur.urazalin77@gmail.com.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ / УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ / CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE

УДК 343.1
МРНТИ 10.79.47

Г.Г. Нубаева, К.М. Сердалинов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ДИСТАНЦИОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ДОПРОСА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Сегодняшний день, интегрированный информационными технологиями и цифровизацией общества, остро нуждается в нормативном регулировании отечественного судопроизводства. Одним из новых направлений уголовного процесса, связанного с использованием технологий, являются дистанционные следственные действия. Это новшество уголовного процесса в Казахстане используется только при «дистанционном допросе» (ст. 213 УПК РК).

В статье авторы попытались соединить, как теоретические аспекты проведения следственных действий дистанционно, так и их проблемы в практической реализации, а также перспективы будущего. Представлены мнения ученых-процессуалистов по эффективности использования систем видеоконференц-связи в уголовном процессе. Особо отмечена необходимость нормативного закрепления формата результатов таких следственных действий, в целях единообразия уголовного судопроизводства. Предложены изменения в статье 7 и новая редакция статьи 213 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

Авторами проанализированы положения применения видеоконференц-связи в судопроизводстве разных стран.

На основании проведенного исследования, сделано заключение, что применение видеоконференц-связи в процессуальных действиях будет только способствовать повышению эффективности досудебного расследования по уголовным делам.

Ключевые слова: дистанционный допрос; дистанционное следственное действие; очная ставка; опознание; научно-технические средства; видеоконференция; видеоконференц-связь; досудебное расследование; судебное разбирательство.

Г.Г. Нубаева, Қ.М. Сердалинов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚАШЫҚТЫҚТАН ЖАУАП АЛУ: ДАМУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Ақпараттық технологиялар мен қоғамды цифрландырумен интеграцияланған бүгінгі күн отандық сот ісін жүргізуді нормативтік реттеуді аса қажет етеді. Технологияларды қолданумен байланысты қылмыстық процестің жаңа бағыттарының бірі қашықтан тергеу әрекеттері болып табылады. Қазақстандағы қылмыстық сот ісін жүргізудің бұл жаңалығы «қашықтықтан жауап алу» (бап) кезінде ғана қолданылады (213-бап Қылмыстық-процестік кодексі).

Мақалада авторлар тергеу әрекеттерін қашықтан жүргізудің теориялық аспектілерін де, олардың практикалық жүзеге асырудағы мәселелерін де, болашақ перспективаларын біріктіруге тырысты. Қылмыстық процесте бейнеконференцбайланыс жүйелерін қолданудың тиімділігі туралы процессолог ғалымдардың пікірлері берілген. Қылмыстық сот ісін жүргізудің біркелкілігі мақсатында мұндай тергеу әрекеттерінің нәтижелерінің форматын нормативтік бекіту қажеттігі ерекше атап өтілді. Қылмыстық-процестік кодексінің 7 және 213-бабының жаңа редакциясына өзгертулер енгізу ұсынылды.

Авторлар әртүрлі елдердегі сот ісін жүргізуде бейнеконференцбайланысты қолдану ережелерін талдады.

Зерттеу негізінде іс жүргізу әрекеттерінде бейнеконференцбайланысты қолдану қылмыстық істер

бойынша сотқа дейінгі тергеп-тексерудің тиімділігін арттыруға ғана ықпал етеді деген қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: қашықтықтан жауап алу; қашықтықтан тергеу әрекеті; беттестіру; тану; ғылыми-техникалық құралдар; бейнеконференция; бейнеконференц-байланыс; сотқа дейінгі тергеп-тексеру; сот талқылауы.

G.G. Nubaeva, K.M. Serdalinov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy c., the Republic of Kazakhstan*

REMOTE INTERROGATION: DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. Today, integrated by information technology and the digitalization of society, is in dire need of regulatory regulation of domestic legal proceedings. One of the new directions of criminal proceedings related to the use of technology is remote investigative actions. This innovation of criminal proceedings in Kazakhstan is used only during «-distance interrogation» (art. 213 CPC).

In the article, the authors tried to combine both the theoretical aspects of conducting investigative actions remotely, and their problems in practical implementation, as well as the prospects for the future. The opinions of process scientists on the effectiveness of using video conferencing systems in criminal proceedings are presented. The need to normatively consolidate the format of the results of such investigative actions was especially noted, in order to ensure uniformity of criminal proceedings. Amendments to Art. 7 and new edition of Art. 213 CPC.

The authors analyzed the provisions of the use of video conferencing in legal proceedings in different countries.

Based on the study, it was concluded that the use of video conferencing in procedural actions will only help increase the efficiency of pre-trial investigations in criminal cases.

Keywords: remote interrogation; remote investigative action; confrontation; identification; scientific and technical means; videoconference; videoconference; pre-trial investigation; trial.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_90

Введение. Совершенствование правоохранительной системы всегда начинается с организации качественного досудебного расследования преступлений, что предполагает грамотное и профессиональное проведение следственных действий. Самым распространенным и эффективным способом получения информации в ходе досудебного расследования всех видов преступлений, является проведение такого следственного действия как допрос. Допрос является одним из самых многочисленных следственных действий в уголовном деле, а также и самым сложным.

Одновременно допрос, при своей простоте реализации и достоверности, обладает доказательственной информацией, а также являются основой к совершению следующих следственных действий.

Научно-технический прогресс проник не только во все сферы человеческой

жизнедеятельности, а также и в область уголовного судопроизводства. В настоящее время успешно используется ведение досудебного расследования в электронном формате.

Переход уголовного судопроизводства в цифровую плоскость, подтверждается и введением в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2014 года (далее – УПК РК) такого следственного действия, как «Особенности допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос)» – статья 213¹.

Использование дистанционного допроса также указано на стадиях судебного следствия в отношении свидетеля и потерпевшего (ч. 4 ст. 366 УПК РК и части 8 статьи 370 УПК РК), и по апелляционным жалобам, ходатайствам прокурора – в части 2 статьи 428 УПК РК, дистанционное участие предусмотрено для

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 05.07.2024).

осужденного².

Материалы и методы. При подготовке данной публикации использованы общенаучные и частно-научные методы, а также методы сравнительно-правового исследования. Правовой основой исследования стали: действующий УПК РК и иные, как отечественные, так и зарубежные законодательные акты.

Результаты и обсуждение. Концепция дистанционного допроса, если не акцентировать внимание на его технической стороне, заключается в классике «допроса», за исключением того, что допрашивающий (следователь или судья) и допрашиваемый (свидетель, потерпевший или обвиняемый) находятся, не только в разных помещениях, а также и на достаточном отдалении друг от друга. И общение между ними осуществляется посредством научно-технических средств, а именно видеосвязи.

Данный подход не только позволяет сократить до минимума трудности, возникающие в связи с отсутствием свидетеля или потерпевшего по месту проведения досудебного и судебного расследования, а также существенно экономит время и материальные ресурсы ведения следствия и рассмотрения уголовных дел [1]. При этом имеется возможность быстро получить ответы на возникающие вопросы, что в свою очередь позволяет устранить волокиту расследования.

Относительная инновация, в отношении подхода к производству следственных действий дистанционно, привлекает внимание, как ученых-юристов, так и у практиков-процессуалистов, требуя обстоятельного исследования ряда процессуальных аспектов, связанных с охраной прав и законных интересов личности в дистанционном судопроизводстве, а также технической стороной их фиксации. Необходимо учитывать, что и научно-технический процесс не стоит на месте, и уже сегодня ученые и законодатели

прогнозируют перспективы скорейшего нормативного закрепления использования таких новейших технических разработок, как видеоконференция, видео протоколы и др. [2].

Возможность использования видеосвязи и в таких следственных действиях, как допрос эксперта и специалиста, очная ставка и предъявление для опознания это уже действительность [3]. А. Афанасьева предлагает расширить диапазон применения видеоконференц-связи на такие следственные действия, как освидетельствование, следственный эксперимент, проверка показаний на месте и получение образцов для сравнительного исследования [4].

Сегодняшняя прогрессия направлена на использование инновационной техники при производстве «дистанционной выемки электронных документов, сведений, информации и т.п., содержащихся в технических устройствах, а также их использование в судебных и досудебных разбирательствах в масштабах межгосударственных взаимоотношений, в рамках правовой помощи, как по уголовным, так и гражданским делам» [5].

Страны Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), как Россия и Беларусь, закрепили в уголовном процессе дистанционные следственные действия, как «проведение очной ставки и предъявления для опознания с использованием видеоконференц-связи (веб-конференции). Отличие только в том, что УПК Белоруссии точно определил в них участников процесса (потерпевший и свидетель), а УПК России обозначил, как «лица, участвующие в соответствующем следственном действии», тем самым расширив круг участников^{3, 4}.

В дополнении УПК Россия в 2022 году ввела норму «Участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи» (ст. 241), добавил подозреваемого

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 05.07.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г. № 295-3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 05.07.2024).

в список лиц, участвующих в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, а также «иных лиц, вызванных в судебное заседание»⁵. В отечественном УПК данная норма отсутствует.

Практика показывает, что следователи, прокуроры, судьи и адвокаты, очень охотно и активно используют различные технические средства в раскрытии и расследовании преступлений, а также в ходе судебного разбирательства [6]. И проблема их широкого использования больше не техническая и не юридическая, а в устаревших понятиях и представлениях ведения уголовного судопроизводства.

Верно отмечено, что в современных условиях успех работы правоохранительных органов полностью зависит от способности правильно и самое главное грамотно использовать имеющуюся правовую базу, а также достижения информационных и телекоммуникационных технологий [2].

Анализ зарубежных источников по исследуемой теме, показал, что использование онлайн сбора доказательств (дистанционно – от автора), как в ходе расследования, так и при рассмотрении в суде – это требование и действительность времени. И главным аспектом использования технических средств являются, не его виды, а его надежность и достоверность⁶ [7].

Для начала небольшой глоссарий по понятиям видеосвязи и видеоконференц-связи, и их отличия.

Видеосвязь – это собирательное название всех видов телекоммуникации (аналоговых и цифровых), которые обеспечивают передачу изображения со звуком и могут быть использованы совместно с системой передачи и других данных⁷.

Взаимодействие в режиме видеоконференции называют сеансом видеоконференц-связи (далее – ВКС).

ВКС – это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио и видеoinформацией в реальном времени⁸.

Главным преимуществом данного формата заключается в том, что работа и общение становятся доступными из любой точки мира, в режиме реального времени. При этом все участники имеют равные права и могут одновременно видеть и слышать друг друга, что позволяет всем вести общий диалог и взаимодействовать между собой, создавая атмосферу виртуальной встречи.

Организаторы сами выбирают, какие участники будут видны для всех остальных, а какие будут скрыты, что позволит обеспечить приватность определенных участников⁹.

Уголовно-процессуальное законодательство использует только обобщенное понятие «научно-технических средств». УПК РК под научно-техническими средствами понимает «приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательства» (п. 10 ст. 7 УПК РК)¹⁰.

Регламентация применения научно-технических технологий позволит не только сократить сроки исполнения запросов, а также существенно уменьшит финансовые затраты и решит ряд организационных вопросов.

Какие органы и должностные лица, имеют право использовать научно-технические средства, его показатели допустимости и формат документальной фиксации – указаны

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ 5 Steps for Conducting Computer Forensics Investigations [Electronic resource] – Access mode: <https://online.norwich.edu/online/about/resource-library/5-steps-conducting-computer-forensics-investigations> (Access data: 23.07.2024).

⁷ Видеосвязь: материал из Википедии [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%B E%D1%81%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D1%8C#cite_note-we_1994-1 (дата обращения: 02.07.2024).

⁸ Там же.

⁹ Видеоконференция: что это такое и как ей пользоваться / Express [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://express.ms/blog/tehnologii/videokonferentsiya-cto-eto-takoe-i-kak-ey-polzovatsya/> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 05.07.2024).

в статье 126 УПК РК¹¹.

Допустимость доказательств, полученных с помощью научно-технических средств, а именно следственные действия, где основную роль играет человеческий фактор (страх, угрозы, сомнение, предположения и т.д.), в дополнении еще и осуществленные в дистанционном порядке, т.е без прямого контакта, всегда будут подвергаться сомнениям на их пригодность с точки зрения законности, а также методов и приемов получения. Для уголовного процесса в приоритете соблюдение процессуального порядка получения всех доказательств, которые детально изложены в нормах УПК РК.

Если следственное действие производится по правилам УПК РК, при этом, законодатель не регламентирует процедурные вопросы использования технических средств при проведении данных действий [2].

Технические средства обеспечивают не только надежность и качество связи, а также правовой статус лиц, присутствующих при проведении допроса (специалистов-операторов, обеспечивающих качество связи, должностных лиц, удостоверяющих личность допрашиваемого и др.).

Инструментарием применения научно-технических средств являются:

- Правила применения научно-технических средств фиксации хода и результатов следственных действий, утвержденные приказом Генерального прокурора РК от 22 сентября 2014 года № 91, которые содержат понятия и регламент их использования, согласно нормам УПК РК (ст. ст. 7 и 126)¹².

Данные Правила в современных реалиях требуют обновления, где необходимо определить использование современных технологий, как видеоконференц-связь и

Интернета (закрытых линий и т.д.);

- Правила размещения информации на интернет-портале оценки эффективности деятельности государственных органов (далее – Правила размещения информации на интернет-портале), утвержденных приказом Министра информации и общественного развития РК от 5 мая 2021 года № 153¹³;

- Правила технического применения средств видеоконференц-связи, утвержденного приказом Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде РК (аппарата Верховного Суда РК) от 7 июня 2018 года № 6001-18-7-6/185, где даются понятия:

«интернет-конференция» – это «мероприятие, проводимое государственным органом с целью предоставления возможности пользователям Портала задать интересующие вопросы и получить ответы в режиме онлайн» (п. 2 ч. 2 Правил размещения информации на интернет-портале);

«видеоконференц-связь» – это «услуга связи с использованием информационно-коммуникационных технологий для интерактивного взаимодействия нескольких удаленных абонентов в режиме реального времени с возможностью обмена аудио- и видеoinформацией»¹⁴.

В Уголовно-процессуальном законодательстве определение данных технологий и их применение в уголовном судопроизводстве – отсутствует.

Мнения ученых-юристов в понятии и использовании видеоконференц-связи также неоднозначны, так:

Д. Гринь определяет ее как компьютерно-цифровая технология, обеспечивающая дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени участников уголовного судопроизводства, в

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 05.07.2024).

¹² Об утверждении Правил применения научно-технических средств фиксации хода и результатов следственных действий: приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 22 сент. 2014 г. № 91 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009761> (дата обращения: 01.07.2024).

¹³ Об утверждении Правил размещения информации на интернет-портале оценки эффективности деятельности государственных органов: приказ Министра информации и общественного развития Республики Казахстан от 5 мая 2021 г. № 153 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V2100022713> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁴ Об утверждении Правил технического применения средств видеоконференцсвязи: приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан (аппарат Верховного Суда Республики Казахстан) от 7 июня 2018 г. № 6001-18-7-6/185 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017124> (дата обращения: 01.07.2024).

целях обмена аудио- и видеоинформацией посредством обособленное телекоммуникационной сети, либо с использованием закрытых каналов сети Интернет [8, 84 стр.].

А. Волченко и Е. Лакеева рассматривают использование специальных исправных программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи между двумя или более абонентами [9, 127 стр.].

Х. Рамалданов предлагает, производство допроса по защищенному каналу видеосвязи и подписание протокола допроса с помощью, усиленной квалификационной электронной цифровой подписи, что ускорило бы процесс получения доказательств без потери их качества [6, 127 стр.].

Также темой для споров являются «кто должен проводить следственное действие» и «место его проведения». При сравнении норм, регулирующей «дистанционный допрос» в Казахстане и СНГ, имеются существенные отличия, так:

Казахстан, Белоруссия и Кыргызстан – закрепили в нормах УПК составление протокола за лицом, выполняющим отдельное поручение по месту исполнения следственного действия^{15, 16, 17};

УПК России – протокол составляется следователем, в производстве которого находится уголовное дело, дистанционно¹⁸.

Место проведения самого дистанционного следственного действия также расходятся:

Казахстан и Кыргызстан точно указывают место его проведения – «орган досудебного производства», тогда как Белоруссии и России такого точного места закрепления нет.

Оригинальное видение по месту его проведения предлагают Б. Нургазинов и К. Исмагулов, полагая, что фиксацию данного следственного действия, в виде

заполнения протоколов, целесообразным будет возложить на не заинтересованный орган, как «Центр обслуживания населения» – филиал НАО «Государственная корпорация «Правительство для граждан».

А также, в виде проекта на перспективу, предлагалось применение приложений для видео звонков в смартфонах, путем допроса через видео звонок и приобщения цифрового видео протокола [10].

При этом УПК Эстонской Республики закрепило дистанционный допрос по телефону «Дистанционный допрос означает: 2) по телефону, в результате чего показания допрашиваемого лица непосредственно слышны, и допрашиваемому лицу можно задавать вопросы» (п. 2 ч. 2 ст. 69), а также и, находящегося в иностранном государстве (п. 5 ч. 2 ст. 69)¹⁹ [11].

По ведению и составлению протокола дистанционного допроса, наше мнение расходится с указанными авторами, полагаем, что выполнять данные действия могут только сотрудники, ведущие досудебное расследование (следователь или дознаватель), как профессионалы и, имеющие опыт и навыки ведения следственных действий. По месту проведения данных допросов нами предлагаются к рассмотрению варианты, для особой категории граждан:

- имеющие инвалидность и находящиеся на излечении в лечебных учреждениях – по месту лечения (кабинеты психологов и т.п.);

- для несовершеннолетних лиц – в учебных заведениях в специализированных «комнатах доверия» (кабинет психолога и т.п.).

При всех своих преимуществах использование технических возможностей имеет и этический аспект, особенно при производстве следственных действий по преступлениям, связанных с половой

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 05.07.2024).

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г. № 295-3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 05.07.2024).

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики: от 28 окт. 2021 г. № 129 (с изм. и доп. по сост. на 03.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁹ Code of Criminal Procedure (consolidated text of February 1, 2017): Estonia e. Passed 12.02.2003 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/16682> (Access data: 05.07.2024).

неприкосновенностью. Так Б. Бидова, Ю. Быстрова и другие выражают беспокойство по их проведению, поясняя, что допрос по указанным преступлениям требует психологического контакта и доверительных отношений между следователем (желательно женщины – от автора) и потерпевшим, что невозможно при видеоконференц-связи. И, в свою очередь, предлагают запретить использовать видеоконференц-связь при расследовании половых преступлений [11, 343 стр.].

Оппонируя данному высказыванию, хочется еще раз обозначить, что проведение дистанционного допроса, это выбор следователя, и проведение его по преступлениям, где затрагивается частная жизнь допрашиваемого или конфиденциальные вопросы, требующие персональной встречи и расположения к себе допрашиваемого, и проведение его дистанционно будет не эффективной.

Без исследования сферы международной практики, представленная работа выглядела бы, не полной. Итак, международная практика имеет инструментарий по применению видеоконференц-связи, которые закреплены в Конвенциях Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и против коррупции, где обозначены правила использования государствами-участниками видеоконференц-связи для защиты свидетелей, взаимной правовой помощи и допроса экспертов^{20, 21, 22}.

Данные нормы уже переносятся в национальное законодательство, что и сделала Азербайджанская Республика в своем УПК: часть 13 статьи 51-2 «При возникновении необходимости в заслушивании участника уголовного процесса посредством системы видеоконференц-связи по причине его нахождения за пределами Азербайджанской

Республики, постановление, вынесенное соответственно следователем, прокурором, осуществляющим процессуальное руководство предварительным расследованием, или судом, направляется для исполнения в соответствующую государственную структуру иностранного государства в порядке оказания правовой помощи»²³.

Заклучение. Таким образом, допустимость доказательств в уголовном процессе, с точки зрения обоснованности и законности источника, а также методов и приемов их получения в результате дистанционного проведения следственных действий, определяется правовым закреплением с соблюдением следующих требований:

- достоверность и относимость;
- соответствие целям и задачам судопроизводства;
- нормативное регулирование понятий «видеоконференц-связи» и «видеосвязи», их применения в судопроизводстве, а также определение процессуального положения лиц, принимающих участие в проведении дистанционных следственных действий (должностное лицо, выполняющее отдельное поручение, специалист, осуществляющие техническое обеспечение);
- определение места их проведения, с учетом отдельных категорий граждан (имеющие инвалидность, находящиеся на излечении в лечебных учреждениях и несовершеннолетние лица);
- соответствие нравственным нормам.

Для урегулирования некоторых аспектов включения системы видеоконференц-связи в ключевые стадии досудебного производства необходимо внести следующие изменения и дополнения:

- в статье 7 УПК РК закрепить определение «видеоконференц-связи, как способа осуществления процессуальных и следственных действий, предусмотренных

²⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 нояб. 2000 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 30.07.2024).

²¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 окт. 2003 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 30.07.2024).

²² Manual on Videoconferencing Legal and Practical Use in Criminal Cases / United Nations. – New York, 2017 [Electronic resource] – Access mode: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/GPTOC/GPTOC2/MANUAL_VIDEOCONFERENCING.pdf (Access data: 24.07.2024).

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ (с изм. и доп. по сост. на 22.12.2023 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=3;-122 (дата обращения: 01.07.2024).

настоящим Кодексом, с использованием специальных программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи между двумя и более абонентами»;

- диспозицию статьи 213 УПК РК изложить в новой редакции «Особенности допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием научно-технических средств в режиме видеоконференц-связи (дистанционное следственное действие)»²⁴;

- в нормах с применением дистанционных следственных действий установить срок организации дистанционного следственного действия – 10 суток, а также участие, при необходимости, специалиста, эксперта, переводчика, педагога, защитника, законного представителя и других [11];

- расширить, как число участников на свидетеля под защитой, специалиста и эксперта, а также и видов следственных действий, с дистанционным применением – опознание и очная ставка.

Дополнение УПК РК статьей или статьями, предусматривающих использование информационных технологий, это шаг на пути к упрощению производства следственных действий, а также сокращение процессуальных сроков, которое позволит уменьшить финансовые и временные затраты всех участников уголовного процесса.

Необходимо учесть и то, что применение научно-технических средств на всех стадиях уголовного судопроизводства обеспечит выполнение следующих целей: повысить результативность и качество производства по уголовным делам при неукоснительном соблюдении фундаментальных прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства [2]; экономить сроки предварительного расследования

и судебного разбирательства; обеспечить защиту свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса; минимизировать финансовые затраты на производство следственных и судебных действий, и в будущем, даст возможность использовать в международных отношениях, как по уголовным, гражданским делам и оказание правовой помощи.

Полагаем целесообразным и своевременным, издания межведомственного приказа между правоохранительными органами, имеющих функции ведения досудебного расследования, где в понятной и доступной форме будут даны описания производства следственного действия с использованием видеоконференц-связи, не противоречащая УПК РК, и регулирующие следующие аспекты:

- определения круга должностных лиц, выполняющих поручение об организации следственных действий с использованием видеоконференц-связи и сроков его выполнения;

- порядок технической возможности видеоконференц-связи (т.е. техническое сопровождение);

- порядок закрепления и передачи протокола следственного действия его инициатору;

- обеспечение мер безопасности для предотвращения, как данных лица, а также возможности огласки или утечки государственной, или иной охраняемой законом тайны.

Итак, уголовно-процессуальный институт дистанционных следственных действий все еще находится в стадии формирования и развития, а его применения при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел нуждается в правовом и техническом урегулировании.

Список использованной литературы:

1. Теплякова, О.А. Актуальные проблемы проведения допроса и очной ставки путем использования систем видеоконференц-связи на досудебном производстве [Электронный ресурс] / О.А. Теплякова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические

²⁴ О некоторых вопросах организации досудебного расследования по статье 216 Уголовного кодекса Республики Казахстан: рекомендации Международного круглого стола (24 июля 2024 г. AML ACADEMY, г. Астана) [Электронный ресурс] / Коллектив авторов. – Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2024. – 3 с. – Режим доступа: <https://academy-rep.kz/item.php?id=1010> (дата обращения: 05.09.2024).

науки. – 2023. – № 1 (36). – С. 30-34. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-provedeniya-doprosa-i-ochnoy-stavki-putem-ispolzovaniya-sistem-videokonferents-svyazi-na-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения: 15.08.2024).

2. Архипова, Е.А. Применение видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование) [Электронный ресурс] / Е.А. Архипова // автореф. канд. юрид. наук. – М., 2013. – 198 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/primenenie-videokonferents-svyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-i-zarubezhnykh-stran> (дата обращения: 05.07.2024).

3. Орешко, В.Е. Возможности использования цифровых технологий при производстве следственных действий [Электронный ресурс] / В.Е. Орешко // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 4 (182). – С. 160-164. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-tsifrovyyh-tehnologiy-pri-proizvodstve-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 15.08.2024).

4. Афанасьева, А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы [Электронный ресурс] / А.А. Афанасьева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (45). – С. 370-374. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnyy-dopros-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 18.07.2024).

5. Лесников, Г.Ю. К вопросу о необходимости внесения изменений в Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации [Электронный ресурс] / Г.Ю. Лесников, А.А. Самойлова // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 9 (201). – С. 87-88. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobhodimosti-vneseniya-izmeneniy-v-ugolovno-protsessualnoe-zakonodatelstvo-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.08.2024).

6. Рамалданов, Х.Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видеоконференц-связи [Электронный ресурс] / Х.Х. Рамалданов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 11 (144). – С. 124-131. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dokazatelstva-poluchennye-putem-ispolzovaniya-sistem-video-konferents-svyazi> (дата обращения: 15.08.2024).

7. Gabriella Di Paolo. Judicial investigations and gathering of evidence in a digital online context [Electronic resource] / Gabriella Di Paolo // Dans Revue internationale de droit penal. – 2009. – № 1-2 (80). – Pp. 201-246. – Access mode: <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-droit-penal-2009-1-page-201.htm> (Access data: 23.07.2024).

8. Гринь, Д.С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве / Д.С. Гринь // Юридическая наука: науч.-практ. журн. – М., 2020. – № 3. – С. 82-85.

9. Волченко, А.В. Возможности использования видеоконференц-связи при производстве следственных действий / А.В. Волченко, Е.В. Лакеева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 4 (103). – С. 123-133.

10. Нургазинов, Б. Некоторые вопросы совершенствования института дистанционного допроса в казахстанском уголовном процессе [Электронный ресурс] / Б. Нургазинов, К.Е. Исмагулов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2018. – № 1 (50). – С. 82-90. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sovershenstvovaniya-instituta-distantsionnogo-doprosa-v-kazahstanskom-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 29.07.2024).

11. Бидова, Б.Б. Проблемы проведения допроса путем использования систем видеоконференц-связи [Электронный ресурс] / Б.Б. Бидова и др. // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 341-343. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-provedeniya-doprosa-putem-ispolzovaniya-sistem-videokonferents-svyazi> (дата обращения: 29.07.2024).

References:

1. Tepljakova, O.A. Aktual'nye problemy provedeniya doprosa i ochnoj stavki putem ispol'zovaniya

sistem videokonferenc-svjazi na dosudebnom proizvodstve [Jelektronnyj resurs] / O.A. Tepljakova // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Ju. Vitte. Serija 2: Juridicheskie nauki. – 2023. – № 1 (36). – S. 30-34. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-provedeniya-doprosa-i-ochnoy-stavki-putem-ispolzovaniya-sistem-videokonferents-svyazi-na-dosudebnom-proizvodstve> (data obrashhenija: 15.08.2024).

2. Arhipova, E.A. Primenenie videokonferenc-svjazi v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii i zarubezhnyh stran (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) [Jelektronnyj resurs] / E.A. Arhipova // avtoref. kand. jurid. nauk. – M., 2013. – 198 s. – Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/content/primenenie-videokonferents-svyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-i-zarubezhnykh-stran> (data obrashhenija: 05.07.2024).

3. Oreshko, V.E. Vozmozhnosti ispol'zovaniya cifrovyyh tehnologiy pri proizvodstve sledstvennyh deystvij [Jelektronnyj resurs] / V.E. Oreshko // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. – 2023. – № 4 (182). – S. 160-164. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-tsifrovyyh-tehnologiy-pri-proizvodstve-sledstvennyh-deystviy> (data obrashhenija: 15.08.2024).

4. Afanas'eva, A.A. Distancionnyj dopros: sostojanie i perspektivy [Jelektronnyj resurs] / A.A. Afanas'eva // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 3 (45). – S. 370-374. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnyy-dopros-sostoyanie-i-perspektivy> (data obrashhenija: 18.07.2024).

5. Lesnikov, G.Ju. K voprosu o neobходимosti vneseniya izmenenij v Ugolovno-processual'noe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs] / G.Ju. Lesnikov, A.A. Samojlova // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. – 2021. – № 9 (201). – S. 87-88. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobходимosti-vneseniya-izmeneniy-v-ugolovno-protsessualnoe-zakonodatel'stvo-rossijskoj-federatsii> (data obrashhenija: 15.08.2024).

6. Ramaldanov, H.H. Cifrovye dokazatel'stva, poluchennye putem ispol'zovaniya sistem videokonferenc-svjazi [Jelektronnyj resurs] / H.H. Ramaldanov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – № 11 (144). – S. 124-131. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dokazatel'stva-poluchennye-putem-ispolzovaniya-sistem-video-konferents-svyazi> (data obrashhenija: 15.08.2024).

7. Gabriella Di Paolo. Judicial investigations and gathering of evidence in a digital online context [Electronic resource] / Gabriella Di Paolo // Dans Revue internationale de droit penal. – 2009. – № 1-2 (80). – Pp. 201-246. – Access mode: <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-droit-penal-2009-1-page-201.htm> (Access data: 23.07.2024).

8. Grin', D.S. Teoreticheskoe i normativnoe opredelenie videokonferenc-svjazi v ugolovnom sudoproizvodstve / D.S. Grin' // Juridicheskaja nauka: nauch.-prakt. zhurn. – M., 2020. – № 3. – S. 82-85.

9. Volchenko, A.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya videokonferenc-svjazi pri proizvodstve sledstvennyh deystvij / A.V. Volchenko, E.V. Lakeeva // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 4 (103). – S. 123-133.

10. Nurgazinov, B. Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya instituta distancionnogo doprosa v kazhstanskoy ugolovnoy processe [Jelektronnyj resurs] / B. Nurgazinov, K.E. Ismagulov // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2018. – № 1 (50). – S. 82-90. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sovershenstvovaniya-instituta-distantsionnogo-doprosa-v-kazahstanskoy-ugolovnoy-protsesse> (data obrashhenija: 29.07.2024).

11. Bidova, B.B. Problemy provedeniya doprosa putem ispol'zovaniya sistem videokonferenc-svjazi [Jelektronnyj resurs] / B.B. Bidova i dr. // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. – 2023. – № 7 (223). – S. 341-343. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-provedeniya-doprosa-putem-ispolzovaniya-sistem-videokonferents-svyazi> (data obrashhenija: 29.07.2024).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Гүлмира Ғалымқызы Нубаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының кандидаты, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Нубаева Гульмира Галымовна – старший научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Nubaeva Gulmira Galymovna – Senior Researcher at the Center for the Study of Criminal Procedure Problems of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9783-7445>, e-mail: gulmira_7507@mail.ru.

Қорғанбек Мағжанұлы Сердалинов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясының ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының қылмыстық процесс проблемаларын зерттеу орталығының бас ғылыми қызметкері, kurganbek7@icloud.com.

Курганбек Магжанович Сердалинов – главный научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, kurganbek7@icloud.com.

Serdalinov Kurganbek Magzhanovich – Chief Researcher of the Center for the Study of Criminal Procedure Problems of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, kurganbek7@icloud.com.

UDC 343.1; 004.8.032.26
IRSTI 10.79.01; 28.23.37

D.R. Nurkeeva, M.B. Sadykov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy c., the Republic of Kazakhstan*

THE USAGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO ENSURE THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: OPPORTUNITIES AND RISKS

Abstract. The principle of legality takes one of the most important places among other principles of criminal proceedings. One of the driving forces of the fourth industrial revolution, which, among other things, will determine the direction of development of the criminal legal system, will be artificial intelligence. The article describes theoretical foundations of the principle of legality in criminal proceedings and the results of a study on the use of artificial intelligence in the field of ensuring the principle of legality in criminal proceedings. Understanding the broad scope of artificial intelligence in policing is essential for appreciating the legal restrictions imposed on AI-based law enforcement. Due to the lack of sufficient sources in modern scientific literature devoted to the complex use of AI to ensure the principle of legality as a whole, we conducted a SWOT analysis, which showed that these technologies have a number of advantages and opportunities in terms of efficiency and accuracy.

Keywords: principle of legality; criminal proceedings; artificial intelligence; law enforcement; risk; opportunity; ethics; law; bias; technology; information.

Д.Р. Нұркеева, М.Б. Садықов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТЕГІ ЗАҢДЫЛЫҚ ПРИНЦИПІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ҮШІН ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУ: МҮМКІНДІКТЕР МЕН ТӘУЕКЕЛДЕР

Аннотация. Заңдылық принципі қылмыстық іс жүргізудің басқа принциптерінің ішінде маңызды орындардың бірін алады. Төртінші өнеркәсіптік революцияның қозғаушы күштерінің бірі, басқалармен қатар, қылмыстық-құқықтық жүйенің даму бағытын анықтайтын жасанды интеллект болады. Мақалада қылмыстық процестегі заңдылық принципінің теориялық негіздері және қылмыстық процестегі заңдылық принципін қамтамасыз ету саласында жасанды интеллектті қолдану бойынша зерттеу нәтижелері сипатталған. Құқық қорғау қызметіндегі жасанды интеллекттің кең ауқымын түсіну жасанды интеллектке негізделген құқық қорғау органдарына қойылатын заңды шектеулерді бағалау үшін өте маңызды. Жалпы заңдылық принципін қамтамасыз ету үшін жасанды интеллектті кешенді қолдануға арналған заманауи ғылыми әдебиеттерде жеткілікті дереккөздердің болмауына байланысты біз SWOT талдауын жүргіздік, бұл бұл технологиялардың тиімділік пен дәлдік тұрғысынан бірқатар артықшылықтары мен мүмкіндіктері бар екенін көрсетті.

Түйінді сөздер: заңдылық принципі; қылмыстық сот ісін жүргізу; жасанды интеллект; құқық қолдану; тәуекел; мүмкіндік; этика; заң; біржақтылық; технология; ақпарат.

Д.Р. Нуркеева, М.Б. Садыков

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Аннотация. Принцип законности занимает одно из важнейших мест среди других принципов уголовного судопроизводства. Одной из движущих сил четвертой промышленной революции, которая, помимо прочего,

будет определять направление развития уголовно-правовой системы, станет искусственный интеллект. В статье описываются теоретические основы применения принципа законности в уголовном процессе и результаты исследования, посвященного использованию искусственного интеллекта в области обеспечения принципа законности в уголовном процессе. Понимание широкого применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности важно для понимания правовых ограничений, налагаемых на правоохранительную деятельность на основе искусственного интеллекта. Из-за отсутствия достаточного количества источников в современной научной литературе, посвященных комплексному использованию искусственного интеллекта для обеспечения принципа законности в целом, мы провели SWOT-анализ, который показал, что эти технологии обладают рядом преимуществ и возможностей с точки зрения эффективности и точности.

Ключевые слова: принцип законности; уголовное судопроизводство; искусственный интеллект; правоприменение; риск; возможность; этика; закон; предвзятость; технология; информация.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_101

Introduction. The cornerstone of the criminal justice system is the concept of legality. For example, in the system of principles of criminal proceedings provided for by the Criminal Procedural Code of the Republic of Kazakhstan (hereinafter – CPC), the principle of legality is mentioned in the first place (Art. 10 of the CPC) and it is not by accident¹. Thus, the legislator emphasizes its importance, place, and role, as well as the importance of following it and complying with it at all stages of criminal proceedings. This concept suggests that guidelines need to be precise, widely known, and equitably imposed. Nevertheless, the rise of artificial intelligence (AI) generates an engaging contradiction. Though AI is capable of making the system more efficient by making operations more efficient, furthering investigations, and removing prejudice, its mysterious nature and reliance on the material have cast doubts about a system that is congruent with the principle of legality.

Generative AI is incredibly relevant due to its capacity to generate new content, such as music, text, and images. This application generates a new skill for machines. The possibilities for generative AI applications span a diverse range – from creating new virtual worlds to automating data integration. As this article seeks to illustrate, the potential uses for generative AI in the design and creativity process manifests itself throughout many fields. Furthermore, when combined with other developments in AI and computer science generative AI provides a powerful productivity

tool for creators.

But, the ever-increasing use of AI in the criminal justice system represents an enigmatic paradox. Although AI promises to expedite processes, enhance investigations, and minimize prejudice, the opaqueness of its inner workings, combined with its reliance on data, stoke concerns over equity and adherence to the rule of law.

One could argue, however, that the upside to deploying AI in criminal justice is immense. AI algorithms can sift through vast datasets, scanning CCTV footage, phone records, and internet chatter for trends indicative of criminal activity. This approach can lead to more robust cases built around salient evidence, potentially producing faster resolutions and a reduction in offenses.

Because of the lack of adequate resources in contemporary scientific literature surrounding the unified integration of artificial intelligence to ensure compliance with the legality principle, we elected to conduct a SWOT analysis.

The research aims to study, describe, explain, and predict the state and quality of legality in criminal proceedings, and develop scientific and practical recommendations to strengthen the regime of legality in criminal proceedings.

Gavrilova in her studies proposed to make AI a background part of our daily lives where it becomes an intelligent manager [1].

This creates a system where AI becomes a background part of our everyday lives. It acts intelligently to automatically manage things

¹ Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (unofficial translation): the Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 № 231 crime [Electronic resource] – Access mode: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K1400000231> (Access date: 09.08.2024).

around us.

Materials and methods. Legality and activities to ensure legality in society and the criminal process are studied through dialectical, logical, and statistical methods of systemic analysis. From the position of materialist dialectics, legality, and law enforcement activities are considered in development, in a specific historical situation, and in relationship with other social and legal phenomena (ideology, legal policy, legal and law enforcement system). The functional approach allowed to cover by scientific analysis the main directions of activity of bodies of the Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Office, and participation of lawyers in criminal proceedings to ensure legality and its role in the system of bodies of unified state power of the Republic of Kazakhstan.

The research materials were the works of scientists aimed at studying the use of artificial intelligence in the context of ensuring the principle of legality. As a result of the literature study, it was noted that the greatest application of artificial intelligence systems at this stage of the development of science and technology was found in police activities. Let us note the lack of research on the use of artificial intelligence to ensure the principle of legality. In general, there is a lack of work that addresses the topic of the synergy of artificial intelligence and the principle of legality, as well as the legal and ethical aspects of their application in this area.

Results, discussion. Legality and its place in the system of principles of criminal procedure.

We found that there is no common approach to the consideration of legality. M. Wood considers the principle of legality in the general system of criminal law, also in the relationship with the rest of the constitutional principles: the principle of equality, the rule of law, and justice [2]. J. Horder notes that the principles of criminal law are purely theoretical, they must be enshrined in laws that will be understandable and accessible to citizens [3]. M. Peno also supports the view that the principles of criminal law, especially the principle of legality, are a fundamental component of the criminal law system, and are realized in the introduction of criminal procedure [4]. G. Werle and F. Jessberger point out that the principles of international criminal law have

become one of the most influential areas of international criminal justice [5]. A. Stoian and T. Draghici consider the principle of legality as one of the most important principles of the rule of law, which contributes significantly to the protection of the rule of law and social balance [6]. The recognition of the principle of legality in an act of constitutional value marked the moment of the foundation of the state, based on the principles of law and presented to create a modern public administration. The principle is present at the level of each judicial power, which ensures its popularity due to its specificity.

"The idea of legality regulates rulings as well as rules, and it is an ideal that rules as well as rulings can fail to live up to. Provisions may be genuine rules (susceptible of application to more than one case) and yet lack the rule-of-law qualities of openness, clarity, certainty, prospectivity, and even (all but the most trivial and morally redeeming) generality." [7].

The relationship between legal practice and law enforcement is based on moral principles and has high value for criminal proceedings.

The content of public law enforcement service includes the penetration into the private life of people, the use of operational measures of coercion, detention pending trial, as well as other significant restrictions on the rights and freedoms of citizens in the sphere of criminal proceedings.

Thus, the norms of ethics and criminal procedure law provisions are closely interrelated and mutually dependent. The spheres of their action largely coincide, so in most cases the public consciousness gives the same legal and moral assessment of criminal procedural activity. It is aimed at achieving a positive goal, i.e. to protect the rights and legitimate interests of victims of crime, as well as to protect the individual from unlawful and unjustified accusation, conviction, restriction of his rights and freedoms, maintenance of justice in society as a whole.

The commonality of the target settings of criminal procedural law and moral norms leads to the fact that many requirements of morality are included in the content of procedural norms governing preliminary investigation and judicial proceedings, thus creating and strengthening

the moral foundations of criminal procedure. The moral foundations of criminal procedure presuppose such a construction of criminal procedural legislation and the practice of its application, which are based on respect for the honor and dignity of the individual, other principles, norms and requirements of morality and, ultimately, are aimed at strict compliance with the requirements of the principle of legality.

Criminal procedural norms that contradict the norms of morality are perceived by the public consciousness as unjust, illegal. The moral significance of specific criminal procedural norms can be more fully understood on the basis of familiarization with the most general, principled provisions of criminal procedural law. This is important because the moral aspect of this or that procedural institute or a separate norm is not always obvious, if we consider them in isolation, outside the entire procedural system.

AI to ensure the principle of legality in criminal proceedings.

Around the world, the criminal law environment is being revolutionized by AI. This involves the ability to work faster and more efficiently, predicting events and ensuring citizens' safety. However, AI also presents a series of social, legal, and ethical challenges that need to be addressed.

Several studies have been conducted to explore the application of AI in criminal law sphere. Coglianese, C., & Dor, L. M. gave an insight into how digitizing, algorithmic resources, and machine learning are used in the federal, state, and local governments in United States. It is a comprehensive report of how artificial intelligence implemented by non-military arms of the government is being applied in federal and state departments and courtrooms [8].

AI has been involved in legal cases related to intellectual property. As AI creates more art and content, there are disagreements about who owns it and whether it's plagiarized. Courts are deciding who is responsible for what AI makes, from pictures and music to writing.

For example, A legal dispute arose between

the University of California, Los Angeles (UCLA) and an artificial intelligence startup regarding ownership of a medical imaging algorithm developed by a UCLA researcher. The court was tasked with adjudicating whether the algorithm fell under the university's intellectual property rights or was the exclusive property of the researcher².

China, unlike many other nations, has been at the forefront of integrating artificial intelligence into its judicial system since the 1990s. Chinese judges utilize AI to assist in case analysis and even sentencing. Their "smart court" system analyzes historical cases and suggests potential sentences based on these precedents. Colombia offers another example, where a judge has employed ChatGPT to assist in drafting judgments.

Historically, the Indian legal system has been slow to adopt technology. However, advancements in artificial intelligence and a changing mindset are likely to accelerate this process. India ranks 17th in the Oxford Insights and International Development Research Centre's index of government AI readiness. The Supreme Court has been actively digitizing the Indian legal system, with the help of a Bengaluru-based company, TERES, which provides AI-enabled transcribing services.

In 2022, the Supreme Court launched SUPACE, an AI-powered platform designed to digitize the legal system. Recently, Justice Anoop Chitkara of the Punjab and Haryana High Court used SUPACE to gain a better understanding of bail law in cases involving assault and cruelty³.

Leheza, Len, Shkuta, Titarenko and Cherniak shed the light on the global land-scape of AI in criminal justice [9]. Leveraging AI, we can build digital models for automating decisions in repetitive tasks in criminal proceedings. This streamlines the process, boosting efficiency and reducing costs.

Lapshin, Korneev and Kilimbaev dedicated their research on the use of AI in criminal justice. They concluded the following: 1) AI involvement in criminal sentencing raises concerns; 2) Even utilization of AI as a recommendation system

² Artificial intelligence revolutionizes court cases – How AI technology is transforming the legal system [Electronic resource] – Access mode: <https://aiforsocialgood.ca/blog/artificial-intelligence-revolutionizes-court-cases-how-ai-technology-is-transforming-the-legal-system> (Access date: 09.08.2024).

³ Role and Impact of Artificial Intelligence in the Judiciary [Electronic resource] – Access mode: <https://bnblegal.com/article/role-and-impact-of-artificial-intelligence-in-the-judiciary/> (Access date: 15.08.2024).

may interfere true spirit of the criminal law; 3) Overreliance of the judge on AI decisions may lessen their accountability to make lawful and fair decisions [10].

Surden points to the problem with biasness in AI-driven automatic decisions, especially when it comes to issues related to human rights [11].

Very interesting is the point of Jeong that stressed on the positive and negative aspects of AI. The negative ones can be seen in the threats to human rights. Too many examples show that AI and facial recognition can be fooling around. It is not reassuring when we are in the situation when our police are using technology that is looking for every pedestrian on the street. On the flip side, new technologies require a great deal of effort and cost to be rolled out on a larger scale. And if you are a city or state that is ready to expand your facial recognition program to help the police, you will need to have a few hundred thousand dollars behind just in case you system will fail.

A potential remedy to the current state of research in artificial intelligence is a higher level of awareness of the problem among those who work in the field. Artificial intelligence research institutions must establish clear guidelines and educate the public about the potential risks of AI. As AI technology rapidly advances, it's crucial that everyone understands how these systems could harm us [12].

Due to the lack of sufficient sources in modern scientific literature devoted to the complex use of AI to ensure the principle of legality as a whole, we conducted a SWOT analysis, which showed (Table 1) that these technologies have a number of advantages and opportunities in terms of efficiency and accuracy. However, it must be taken into account that the application of AI to ensure the principle of legality comes with significant ethical, legal and privacy issues that need to be addressed to ensure its responsible and safe implementation. The balance of these factors will be critical to determining the success and acceptance of such technologies in court.

Conclusion. Balancing the benefits of AI with the concerns of privacy, bias, accountability and transparency requires a comprehensive regulatory framework.

Understanding the broad scope of artificial

intelligence (AI) in policing is essential for appreciating the legal restrictions imposed on AI-based law enforcement. AI has undergone a significant transformation over the years, going from data exploration and analysis to more advanced tasks such as predictive policing, facial recognition and even making autonomous decisions.

As AI rapidly asserts its dominance in the realm of law enforcement, it is imperative to comprehend the complexities associated with the regulation of these technologies.

Forecast policing: Analytic tools using AI and its ability to devour/read through tons of data is crucial at modern policing. The predictions are changing how crime fighting is done, at the same time as also the significant concerns beyond the major ethical boundary we could only see afar off until now.

Face recognition: The technological capability to recognize and identify human faces quickly gives government agencies an important tool to identify suspects and find missing people. This can be of great help, especially in a world with ubiquitous cameras. But what's the price that society must pay for this technology?

Independent Decision Making: Artificial intelligence programming holds the potential to make decisions independently, guiding vital factors of law enforcement like the evaluation of risk and recommendations for sentencing. The obstacle is to assume control over such decisions, which are implemented through artificial intelligence.

Although it's crucial for controlling AI usage in ensuring principle of legality, regulation has its limits. Learning these restrictions is crucial because of it's for the making of proper and also fair regulatory structure:

- **Gray areas of Ethics:** The limitations set by law are often clear-cut, whereas when it comes to ethics in AI and law enforcement, things get significantly fuzzier. This dichotomy can mean that there are gaping holes when it comes to resolving the questions that have no clear-cut answers;

- **Difficulties in enforcement:** Keeping up with the law in artificial intelligence-based law enforcement units can be tricky because technology is always advancing and there

Strengths:	Weaknesses:
<i>Improved Investigations:</i> By examining vast quantities of information, AI can uncover patterns and clues, thus resulting in cases that are reinforced and also a more effective, more efficient method to conduct the investigations. <i>Minimized Partiality:</i> Implementing AI might identify prejudices within datasets utilized for critical determinations such as bail or parole, thereby fostering impartiality within the system. <i>Predictive policing:</i> Using AI to evaluate risk can potentially concentrate resources in areas with the highest criminal activity, which could ultimately deter future criminal incidents. <i>Increased Efficiency:</i> With AI, tasks such as case management and court transcription can be automated, allowing for more time to focus on the intricate legal issues that require human expertise. <i>Decisions based on data:</i> AI can analyze previous legal cases and help make better judgments, meaning more reliable results.	<i>Openness and Clarity:</i> Intricate AI networks are often difficult to see through, causing uncertainty about their methods of operation. This absence of openness can bring up questions about legality and impartiality. <i>Bias in the Data:</i> AI systems tend to inherit the existing biases contained in the datasets on which they are trained. If the datasets are already biased, the AI could easily create or enhance the biases in the criminal justice system. <i>Issues of privacy:</i> arise as AI in the realm of criminal justice collects and utilizes data. It is important to achieve a balance between security and accountability in this context. <i>Relying too much on AI:</i> Excess reliance on AI to make decisions can lead to sidelining human knowledge and good judgment, possibly resulting in missing critical details or unfair outcomes. <i>Losing jobs:</i> AI-driven automation threatens to displace workers from positions in the law enforcement department, creating a need to help those affected.
Opportunities:	Threats:
<i>Gaining Acceptance and Trust:</i> The public opinion of AI in the criminal justice infrastructure can increase with the simple act of widespread, indiscriminating information and communication. <i>International cooperation:</i> can establish the best global procedures to ensure responsible use of artificial intelligence in law enforcement while upholding lawfulness across jurisdictions. <i>Further exploration and study into Explainable AI:</i> has the potential to render AI conclusions and reasoning more lucid, thus cultivating confidence and morality. <i>Enhanced legal research and analysis:</i> AI-driven legal aides can expedite legal research and furnish judges and attorneys with more informed adjudications. <i>The development of a clear set of standards and regulations:</i> for AI application within the field of criminal justice will ensure a responsible and effective implementation process.	<i>Bias by algorithm:</i> If not taken care of, biases in AI can result in biased outcomes in the justice system of crime. <i>Privacy:</i> When a person's privacy is being abused, their rights and freedoms are in trouble. A privacy breach, or abuse of data, collected for an AI system can be unfair. <i>Absence of accountability:</i> Ambiguous boundaries of accountability for AI decisions can lead to difficulties in locating and correcting misjudgments or partiality. <i>Malicious use of AI:</i> There is a potential danger of AI being exploited for surveillance or tampering within the criminal justice system. <i>Opposition from the public:</i> When people don't comprehend or believe in AI, they can oppose its application in policing.

Table 1. SWOT analysis of the use of artificial intelligence to ensure the principle of legality in criminal proceedings

is a great need for experts in this area. The instruments we need to oversee compliance and enforce compliance must duly change;

- Variance Across Nations: The regulations surrounding the implementation of AI in law enforcement are broad and complex. They could

pose a threat to global issues in AI and open up potential hurdles for international cooperation;

- Oversight constrained: Legal clauses might not have enough investigative methods embedded within them to guarantee that law enforcement organizations adhere to moral values and open requisites.

The principles for developing legal documents that will regulate artificial intelligence are:

Equity: There should be a ban on the usage of artificial intelligence for discriminatory ends.

Transparency: Uber-strict regulations should

be in place regarding the clarity of the AI decision-making process, and algorithms should be held transparent for humans to understand.

Privacy. There should be a clear ban for the AI systems that collect or use personal data without users' content and in order to prevent abuse of personal information.

Presumed responsibility for inevitable results from errors when they happen to the artificial intelligence system.

Each AI system must be focused on high-quality performance.

List of used literature:

1. Гаврилова, Ю.А. Концепция интеграции искусственного интеллекта в правовую систему / Ю.А. Гаврилова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3 (25). – С. 673-692.
2. Wood, M. Customary International Law and the General Principles of Law Recognized by Civilized Nations / M. Wood // International Community Law Review. – 2019. – № 21 (3-4). – Pp. 307-324.
3. Horder, J. Ashworth's principles of criminal law / J. Horder. – Oxford University Press, 2016. – 564 p.
4. Peno, M. The Character of the Principles of Criminal Law and Criminal Responsibility: Between the Philosophy of Law and Semiotic / M. Peno // Liverpool Law Review. – 2019. – № 40 (2). – Pp. 79-93.
5. Werle, G. & Jessberger, F. Principles of international criminal law / G. Werle & F. Jessberger. – Oxford University Press, 2020. – 724 p.
6. Stoian, A. & Drăghici, T. The principle of legality, principle of public law / A. Stoian & T. Drăghici // International Conference knowledge-based organization, 2015. – 655 p.
7. Gardner, J. The legality of law / J. Gardner // Ratio Juris. – 2004. – № 17 (2). – Pp. 168-181.
8. Coglianese, C. AI in Adjudication and Administration; Brook. L. Rev. / C. Coglianese, L. M. B. Dor. – 2020. – T. 86. – 791 p.
9. Leheza, Y. Foreign experience and international legal standards for the application of artificial intelligence in criminal proceedings / Y. Leheza, et al. // Revista de la universidad del zulia. – 2022. – № 13 (36). – Pp. 276-287.
10. Lapshin, V.F. The use of artificial intelligence in criminal law and criminal procedure systems / V.F. Lapshin, S.A. Korneev & R.V. Kilimbaev // In IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – № 1 (1001). – P. 012144.
11. Surden, H. Artificial intelligence and law: An overview / H. Surden // Georgia State University Law Review. – 2019. – № 35. – Pp. 19-22.
12. Jeong, J. Introduction of the First AI Impact Assessment and Future Tasks: South Korea Discussion / J. Jeong // Laws. – 2022. – № 11 (5). – P. 73.

References:

1. Gavrilova, Ju.A. Konceptcija integracii iskusstvennogo intellekta v pravovuju sistemu / Ju.A. Gavrilova // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby narodov. Serija: Juridicheskie nauki. – 2021. – № 3 (25). – S. 673-692.
2. Wood, M. Customary International Law and the General Principles of Law Recognized by Civilized Nations / M. Wood // International Community Law Review. – 2019. – № 21 (3-4). – Pp. 307-324.
3. Horder, J. Ashworth's principles of criminal law / J. Horder. – Oxford University Press, 2016. –

564 p.

4. Peno, M. The Character of the Principles of Criminal Law and Criminal Responsibility: Between the Philosophy of Law and Semiotic / M. Peno // *Liverpool Law Review*. – 2019. – № 40 (2). – Pp. 79-93.
5. Werle, G. & Jessberger, F. Principles of international criminal law / G. Werle & F. Jessberger. – Oxford University Press, 2020. – 724 p.
6. Stoian, A. & Drăghici, T. The principle of legality, principle of public law / A. Stoian & T. Drăghici // *International Conference knowledge-based organization*, 2015. – 655 p.
7. Gardner, J. The legality of law / J. Gardner // *Ratio Juris*. – 2004. – № 17 (2). – Pp. 168-181.
8. Coglianese, C. AI in Adjudication and Administration; *Brook. L. Rev.* / C. Coglianese, L. M. B. Dor. – 2020. – T. 86. – 791 p.
9. Leheza, Y. Foreign experience and international legal standards for the application of artificial intelligence in criminal proceedings / Y. Leheza, et al. // *Revista de la universidad del zulia*. – 2022. – № 13 (36). – Pp. 276-287.
10. Lapshin, V.F. The use of artificial intelligence in criminal law and criminal procedure systems / V.F. Lapshin, S.A. Korneev & R.V. Kilimbaev // *In IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. – 2020. – № 1 (1001). – P. 012144.
11. Surden, H. Artificial intelligence and law: An overview / H. Surden // *Georgia State University Law Review*. – 2019. – № 35. – Pp. 19-22.
12. Jeong, J. Introduction of the First AI Impact Assessment and Future Tasks: South Korea Discussion / J. Jeong // *Laws*. – 2022. – № 11 (5). – P. 73.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мұхтар Бейбітұлы Садықов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының Жалпы заң пәндері кафедрасының оқытушысы, заңтану магистрі, мемлекеттік басқару магистрі, e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Садықов Мухтар Бейбутович – преподаватель кафедры общеюридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юриспруденции, магистр государственного управления, e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Sadykov Mukhtar Beybutovich – lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Jurisprudence, Master of Public Administration, e-mail: mukhtar.sadykov@gmail.com.

Динара Рабаниевна Нұркеева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясының ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институтының құқық қорғау қызметін зерттеу мен проблемаларын зерттеуді үйлестіру орталығының аға ғылыми қызметкері, құқықтану магистрі, e-mail: din_uriste@mail.ru.

Нуркеева Динара Рабаниевна – старший научный сотрудник Центра координации исследований и изучения проблем правоохранительной деятельности Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юриспруденции, e-mail: din_uriste@mail.ru.

Nurkeeva Dinara Rabanievna – Senior Researcher at the Center for Coordination of Research and Study of Law Enforcement Issues of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Jurisprudence, e-mail: din_uriste@mail.ru.

ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҒЫ / ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО / ENVIRONMENTAL LAW

УДК 349.6.086(4/9)
МРНТИ 10.53.91

Ж.А. Битабарова, Р. Ережепқызы

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ТРАНСГРАНИЧНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Статья посвящена вопросам имплементации норм по предотвращению трансграничного экологического вреда в законодательство Республики Казахстан. Цель статьи – продемонстрировать, что положения международного экологического права, касающиеся предотвращения трансграничного экологического ущерба, не противоречат друг другу и достаточно имплементированы в национальное законодательство Республики Казахстан. Приводя в качестве примера международные трансграничные конвенции, авторы показывают, как они реализуются в национальном законодательстве Казахстана. Научная и практическая значимость статьи заключается в предложении авторов применять концепцию государственной ответственности для решения вопросов трансграничного ущерба в случае, если соседние с Казахстаном государства не выполняют обязательства по предотвращению трансграничного вреда.

Авторы раскрывают понятие и способы имплементации международно-правовых норм. Основное внимание в исследовании было уделено анализу международных актов касающихся предотвращения трансграничного вреда. В исследовании также были рассмотрены примеры правового регулирования аналогичных вопросов в других странах, что позволило сделать выводы о возможных путях совершенствования законодательства Казахстана.

Ключевые слова: экологический ущерб; имплементация; due diligence; предотвращение; ответственность; трансграничный вред; комиссия международного права ООН; оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС).

Ж.А. Битабарова, Р. Ережепқызы

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ТРАНСШЕКАРАЛЫҚ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ЗИЯННЫҢ АЛДЫН АЛУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ НОРМАЛАРЫН ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЗАҢНАМАСЫНА ЕНГІЗУ

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасының заңнамасына трансшекаралық экологиялық зиянның алдын алу жөніндегі нормаларды енгізу мәселелеріне арналған. Мақаланың мақсаты – халықаралық экологиялық құқық нормаларының трансшекаралық экологиялық зиянның алдын алу бөлігінде бір-біріне қайшы келмейтінін және Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасына жеткілікті деңгейде енгізілгенін көрсету.

Халықаралық трансшекаралық конвенцияларды мысалға ала отырып, олардың Қазақстанның ұлттық заңнамасында қалай орындалып жатқанын көрсетеді. Мақаланың ғылыми және практикалық маңыздылығы авторлардың трансшекаралық зиян келтірудің алдын алу жөніндегі міндеттемелерді орындамаған жағдайда, Қазақстанмен көршілес мемлекеттердің трансшекаралық зиян келтіру мәселелерін шешу үшін мемлекеттік жауапкершілік тұжырымдамасын қолдануды ұсынуында. Авторлар халықаралық құқықтық нормалардың ұғымы мен іске асыру тәсілдерін ашады.

Авторлар халықаралық құқықтық нормаларды түсіндіру және оларды жүзеге асыру жолдарын ашады. Зерттеуде негізгі назар трансшекаралық зиянның алдын алуға қатысты халықаралық актілерді талдауға аударылды. Сонымен қатар зерттеу барысында басқа елдердегі осындай мәселелерді құқықтық реттеу мысалдары қарастырылды, бұл Қазақстан заңнамасын жетілдірудің мүмкін жолдары туралы қорытынды

жасауға мүмкіндік берді.

Түйінді сөздер: экологиялық залал; жүзеге асыру (имплементация); тиісті сақтық (due diligence); алдын алу; жауапкершілік; трансшекаралық зиян; БҰҰ халықаралық құқық комиссиясы; қоршаған ортаға әсерді бағалау (ҚОӘБ).

Zh.A. Bitabarova, R. Yerezhepkyzy

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty c., the Republic of Kazakhstan

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS ON THE PREVENTION OF TRANSBOUNDARY ENVIRONMENTAL HARM INTO THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article is devoted to implementing norms on the prevention of transboundary environmental harm in the legislation of the Republic of Kazakhstan. The article aims to demonstrate that the provisions of international environmental law concerning the prevention of transboundary environmental damage do not contradict each other and are sufficiently implemented in the national legislation of the Republic of Kazakhstan. Using international transboundary conventions as examples, the authors demonstrate how these conventions are implemented in Kazakhstan's national legislation. The scientific and practical significance of the article lies in the authors' proposal to apply the concept of state responsibility to address transboundary harm issues if Kazakhstan's neighboring states fail to fulfill their obligations to prevent transboundary damage.

The authors explain the concept and methods of implementing international legal norms. The main focus of the study was on the analysis of international acts concerning the prevention of transboundary harm. The study also examined examples of legal regulation of similar issues in other countries, which allowed for conclusions to be drawn about possible ways to improve Kazakhstan's legislation.

Keywords: environmental damage; implementation; due diligence; prevention; responsibility; transboundary harm; UN International Law Commission; environmental impact assessment (EIA).

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_109

Введение. Вопросы причинения трансграничного вреда являются актуальными для Казахстана, из-за наводнений, имеющих трансграничный характер. Казахстан выступает потерпевшей стороной, т.к. несет убытки, связанные с возмещением ущерба населению и окружающей среде в целом. Мы видим из СМИ, как целые населенные пункты были смыты водой, и не подлежат восстановлению, ущерб государству колоссальный. Государство несет ответственность перед населением за то, что не обеспечило и не проконтролировало безопасное использование трансграничных рек. Примером этого являются случаи, когда катастрофические наводнения затронули южные и западные регионы страны. Особенно показательны события, связанные с обрушением дамбы водохранилища Сардоба в Узбекистане в 2020 году, а

также наводнение в апреле 2024 года на западе Казахстана, которое могло быть вызвано сбросом воды из Ириклинского водохранилища в России.

Материалы и методы. В исследовании использовались и были изучены научные источники, диссертации, монографии, научные статьи, которые охватывают как общие вопросы международного экологического права, так и специальные аспекты, связанные с трансграничным вредом. Литература включала труды известных ученых в области международного права, а также статьи и монографии, посвященные вопросам имплементации международных норм в национальные правовые системы. Основное внимание в исследовании было уделено анализу международных актов, касающихся предотвращения трансграничного вреда. Значительное внимание было уделено анализу как зарубежного, так и национального

законодательства. Были изучены нормы Конституции Республики Казахстан (далее – РК), Экологического кодекса РК 2007 года и нового Экологического кодекса РК от 2021 года, а также нормативные акты, регулирующие вопросы трансграничного вреда и его предотвращения. В исследовании также были рассмотрены примеры правового регулирования аналогичных вопросов в других странах, что позволило сделать выводы о возможных путях совершенствования законодательства Казахстана. Статистические данные, использованные в исследовании, включают информацию о случаях наводнений, вызванных трансграничными факторами, в Казахстане. Эти данные были получены из открытых источников, включая отчеты государственных органов, научные публикации и материалы СМИ. Эти источники помогли более полно представить картину текущей ситуации и выявить реальные проблемы, с которыми сталкивается Казахстан в области предотвращения трансграничного вреда.

В процессе работы над данным научным исследованием были применены следующие научные методы: концептуальный метод был применен при анализе положений законодательства, что позволило выявить основные концепции и принципы, заложенные в международных нормах и их влияние на национальное законодательство Казахстана; социологический и философский методы; статистический и сравнительно-правовые методы для выявления и сопоставления экологической политики различных стран и международных норм, что дало возможность оценить соответствие казахстанского законодательства международным стандартам и определить направления его совершенствования; историко-правовой метод применялся для изучения эволюции экологического законодательства в Казахстане и за рубежом, что помогло понять, как развивались подходы к предотвращению трансграничного экологического вреда и какие исторические факторы

повлияли на текущее состояние правового регулирования; метод анализа и синтеза для систематизации и обобщения информации, полученной в ходе исследования, что позволило выявить ключевые проблемы и предложить рекомендации по улучшению правового регулирования в данной сфере; метод использования «больших данных». Метод использования «больших данных» применялся для обработки больших объемов информации, что позволило более детально изучить трансграничные экологические проблемы и тенденции их распространения, а также оценить влияние международных норм на национальное законодательство Казахстана. Эти методы в совокупности позволили провести всесторонний анализ процесса имплементации международных норм в законодательство РК и предложить рекомендации по его улучшению.

Результаты и обсуждение. К сожалению, у нас в Казахстане не применяются нормы международного права в части возмещения ущерба. Существует международная судебная практика по подобным делам¹.

Ввиду того, что в результате опасных видов деятельности может быть нанесен не только экологический вред, но также вред физическим и юридическим лицам, государству, комиссия международного права ООН не стала ограничиваться экологическим вредом. Таким образом, концепция трансграничного вреда применима при привлечении к ответственности в различных сферах незапрещенных видов деятельности, при причинении ущерба не только окружающей среде, но также и при материальном ущербе другим объектам или субъектам².

Для того, чтобы Казахстан мог применять эти международные нормы по ответственности государств, необходимо убедиться, имплементированы ли эти нормы в казахстанское законодательство.

Имплементация – это процесс внедрения международных обязательств в

¹ Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia): Overview of the Case // International Court of Justice [Electronic resource] – Access mode: <https://www.icj-cij.org/case/92> (Access data: 21.06.2024).

² Annual Reports С отчетами комиссии международного права ООН касательно международно-правовой ответственности за трансграничный вред можно ознакомиться на сайте [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legal.un.org/ilc/reports/> (дата обращения: 25.06.2024).

национальную правовую систему (законы и подзаконные нормативные акты)³. В самом широком смысле данное понятие может включать в себя соответствующую стратегию и политику государства, различные административные меры и мероприятия, принимаемые государственными органами в целях внедрения и активизации международных норм и стандартов в данном государстве.

Эффективность международно-правовых норм в значительной степени зависит от их грамотной имплементации в правовую систему отдельных стран. При решении мировых и региональных экологических проблем важно, чтобы все страны обладали внутренним экологическим законодательством, корреспондирующим с международными стандартами.

«Институт имплементации международно-правовых норм в национальные правовые системы, – отмечает И. Барциц, – служит созданию государством необходимых правовых условий для реализации взятых на себя международных обязательств. Суверенным является решение государства о том, каким образом будет выполнено взятое обязательство, какая процедура будет избрана для реализации международно-правовых норм в национальном законодательстве» [1]. Как отмечает, профессор С. Редвелл «национальная имплементация» в более узком понимании означает меры, принимаемые сторонами для функционирования международных соглашений во внутреннем праве страны [2].

В конце 2001 года Комиссия международного права ООН утвердила и одобрила проект статей по теме: «Предотвращение трансграничного вреда от опасных видов деятельности» (далее –

проект-1), который включал преамбулу и 19 статей⁴. Нормы *due diligence* вытекают из статьи 3 проекта-1, которая утверждает: «Государство происхождения принимает все меры для предотвращения значительного трансграничного вреда или в любом случае минимизации его риска»⁵. Основой данной статьи послужила максима *sic utere tuo ut alienum non laedas*. Эта максима отражала концепцию «reasonable person» (разумного субъекта), хорошо известной частному праву, т.е. от разумного субъекта ожидается выполнение определенного стандартного поведения, соответствующего ситуации, чтобы избежать нанесения вреда третьим лицам. Примечательно, что само понятие *due diligence* формально в проектах нигде не определяется, поскольку комиссия международного права ООН изначально решила строго ограничить проекты статей вторичными нормами. Более того, как отмечают исследователи Гарвардской школы права, понятие «*due diligence*» является стандартом, а не определением. При этом они дают следующее толкование фразы «должная осмотрительность» – «полномочность принимать меры по предотвращению, а также возможность для государства действовать, вытекающую из знания о надвигающемся ущербе или обстоятельствах, которые служили бы основанием для ожидаемого возможного ущерба»⁶.

В своих пояснениях комиссия международного права ООН к проекту-1 предлагает данную интерпретацию термина (в комментарии к ст. 3, п. 11): «... Отсюда следует, что принцип должной осмотрительности при обеспечении безопасности обязывает государство идти в ногу с изменениями в технике и научным

³ Большая российская энциклопедия 2004-2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/law/text/2006536> (дата обращения: 25.05.2024).

⁴ Preventing transboundary harm from hazardous activities, 2001. – 7 p. [Electronic resource] – Access mode: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_7_2001.pdf (Access data: 25.05.2024).

⁵ Second report on international liability for injurious consequences arising out of acts not prohibited by international law (prevention of transboundary damage from hazardous activities), by Mr. Rao, Special Rapporteur, ILC, session 51, 1999, A/CN.4/501 [Electronic resource] – Access mode: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_501.pdf (Access data: 25.12.2023).

⁶ Там же.

прогрессом»⁷.

Как отмечает профессор Сюэ Хан, нормы *due diligence* не содержат конкретного перечня мероприятий, поведения, предоставляя возможность государствам самим определять меры, необходимые и соответствующие их возможностям для достижения поставленных целей [3].

Итак, как были имплементированы нормы действующих международных соглашений в сфере трансграничных загрязнений и ответственности в казахстанское законодательство? И должны ли мы апеллировать международными нормами в этой сфере при разрешении споров о возмещении ущерба в казахстанских судах?

Как известно, выделяются три формы имплементации: *инкорпорация, трансформация и ссылки* на международные нормы. Если в первом случае международные нормы просто переносятся в национальное законодательство без каких-либо изменений, то во втором случае происходит определенная переработка норм, с учетом особенностей правовой системы данного государства и в связи с «необходимыми» корректировками. И, третья форма, – официальные ссылки (могут быть как общие, так и специальные) на международно-правовые нормы, т.е. применяют национальную норму с первоначальным обращением к международной «специальной» правовой норме.

Для казахстанского законодательства и права характерны такие формы как трансформация и ссылки, т.е. международные нормы, реализуются опосредованно через национальное законодательство, либо непосредственно – имеют прямое действие,

конечно же, во втором случае требуется санкционирование государства.

Как справедливо отмечает профессор Е.М. Абайдельдинов, требуется внутригосударственная правоприменительная деятельность, ориентированная на обеспечение выполнения договорных обязательств, принятых республикой [4].

Учитывая, что основы положений по предотвращению трансграничного вреда были заложены еще в Стокгольмской декларации 1972 года⁸ и декларации Рио-де-Жанейро⁹, некоторые положения уже были имплементированы в какой-то степени в Экологический кодекс РК 2007 года¹⁰.

В новом Экологическом кодексе РК от 2 января 2021 года отдельным параграфом регулируется оценка трансграничных воздействий (ст.ст. 80-84)¹¹. Предусмотрены основания и порядок проведения оценки, также предусмотрены права и обязанности участников процесса¹².

Принцип предотвращения является одним из первых принципов в новом Экологическом кодексе (п. 1 ст. 5), согласно которому «любая деятельность, которая вызывает или может вызвать загрязнение окружающей среды, деградацию природной среды, причинение экологического ущерба и вреда жизни и (или) здоровью людей, допускается в рамках, установленных настоящим Кодексом, только при условии обеспечения на самом источнике воздействия на окружающую среду всех необходимых мер по предотвращению наступления указанных последствий»¹³.

Далее, в качестве механизмов международного сотрудничества предусматриваются обязательные процедуры, такие как транс-

⁷ Ежегодник Комиссии международного права 2001. – Том II, часть вторая // Доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее пятьдесят третьей сессии. – Организация Объединенных Наций: Нью-Йорк и Женева, 2007. – 256 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2001_v2_p2.pdf (дата обращения 24.04.2024).

⁸ Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды: принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarthenv.shtml (дата обращения: 25.05.2024).

⁹ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 25.05.2024).

¹⁰ Экологический кодекс Республики Казахстан: от 9 янв. 2007 г. № 212 (утратившей силу) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K070000212_ (дата обращения: 21.07.2024).

¹¹ Экологический кодекс Республики Казахстан: от 2 янв. 2021 г. № 400-VI ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (дата обращения: 21.06.2024).

¹² Там же.

¹³ Там же.

границная оценка воздействия на окружающую среду, информирование о чрезвычайных ситуациях при наличии потенциальной угрозы трансграничного воздействия, оказание помощи по запросу других государств, при чрезвычайных ситуациях с угрозой трансграничного воздействия, включая разработку соответствующих совместных планов реагирования.

В настоящее время РК является участником многих международных универсальных экологических соглашений¹⁴. Среди них можно выделить ниже следующие конвенции «*трансграничного характера*»:

1) *Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспо, Финляндия, 25 февраля 1991 г.)*¹⁵. Эта конвенция является одной из немногих, которая предусматривает перечень опасных видов деятельности, включая функционирование нефтеочистительных заводов, нефтепроводов, газопроводов, добыча углеводородов на континентальном шельфе, и наличие крупных складов для хранения нефтяных, нефтехимических и химических продуктов. Конвенция предусматривает порядок проведения оценки воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС), что включает в себя уведомление, консультации, подготовка документации, после проектный анализ и сотрудничество государств.

2) *Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 10 ноября 1979 г.)*¹⁶. В целях реализации обязательств согласно статье 9 данной Конвенции, Казахстан выполнил

следующие действия: провел анализ возможностей структурных изменений с применением экономических инструментов в секторе энергетики, транспорта, промышленности и сельского хозяйства для снижения загрязнения воздуха и внедрения лучших доступных технологий; провел учет эмиссий загрязняющих веществ; осуществил анализ количества выбросов, проведение анализа выбросов энергетического сектора и разработка прогнозов эмиссией на ближайшие 10-20 лет с учетом будущих планов и программ развития топливно-энергетического комплекса; исследует эффективность существующих технологий и оборудования на крупных предприятиях с высоким уровнем загрязнения для формирования конкретных рекомендаций по внедрению наиболее передовых методов и эффективных технологий; проводит моделирование возможного переноса веществ через границы на большие расстояния и т.д.

3. *Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (Хельсинки, 17 марта 1992 г.)*¹⁷. Присоединившись к этой конвенции, Казахстан утвердил план действий для ее реализации¹⁸, был установлен круг задействованных министерств, ведомственных структур и т.д., поставлены сроки выполнения всех мероприятий, с конечным сроком их завершения – конец 2004 года.

4. Также наша страна является членом *Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных*

¹⁴ Перечень международных договоров (многосторонних) и конвенций, участницей которых является Республика Казахстан // Министерство труда и социальной защиты населения Республика Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/article/details/7148?lang=ru> (дата обращения 21.06.2024).

¹⁵ О присоединении Республики Казахстан к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте: закон Республики Казахстан от 21 окт. 2000 г. № 86-ІІ ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0000000086_ (дата обращения: 21.06.2024).

¹⁶ О присоединении Республики Казахстан к Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния: закон Республики Казахстан от 23 окт. 2000 г. № 89-ІІ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0000000089_ (дата обращения: 21.06.2024).

¹⁷ О присоединении Республики Казахстан к Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий: закон Республики Казахстан от 23 окт. 2000 г. № 91-ІІ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0000000091_ (дата обращения 23.06.2024).

¹⁸ Об утверждении Плана мероприятий по реализации Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий: распоряжение Премьер-Министра Республики Казахстан от 12 марта 2004 г. № 63-р [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/R0400000063_ (дата обращения: 24.06.2024).

отходов и их удалением (Базель, 20-22 марта 1989 г.)¹⁹. В ныне действующей редакции Экологического кодекса РК в статье 346 законодатель использовал официальную ссылку на саму конвенцию. Это такой способ имплементации, когда применяют национальную норму с первоначальным обращением к международной «специальной» правовой норме. Таким образом, классификация опасных отходов, ввоз, вывоз и транзит опасных отходов в Казахстане производится в строгом соответствии с Базельской конвенцией.

5. *Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г.)*²⁰. Эта конвенция также актуальна для Казахстана, учитывая ее трансграничные водоемы и реки, например – Каспийское море, а также реки пересекающие границы с Российской Федерацией, Китаем, Узбекистаном, Киргизией. В статье 143 Водного кодекса РК предусмотрена реализация нормы данной Конвенции²¹.

Проведение операций по недропользованию на Каспийском море несет в себе большой риск трансграничного экологического вреда. Любой промышленный инцидент, произошедший на территориальных водах одного государства, может повлечь экологически неблагоприятные последствия для соседнего государства или еще хуже для региона в целом. В 2018 году была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, в рамках пятого каспийского саммита в городе Актау²².

Обязательства прикаспийских стран

в сфере охраны окружающей среды предусмотрены в статье 15. Стороны в соответствии с нормами международного права несут ответственность за ущерб, нанесенный экологической системе Каспийского моря.

А теперь о применении данных конвенций в казахстанской практике. По нашему мнению, при буквальном толковании пункта 1 статьи 4 Конституции РК, единственное требование ко всем перечисленным нормативно-правовым актам, в т.ч. международным договорам и обязательствам – это их соответствие Конституции РК. Законодатель лишь в пункте 3 статьи 4 обращает внимание на преимущественность ратифицированного международного договора перед внутренним законодательством, и на его непосредственное применение.

Далее, нужно отметить, что определенную роль в имплементации международных норм могут играть национальные суды. Суды при отправлении правосудия должны руководствоваться ратифицированными международными договорами, как материальными, так и процессуальными нормами. При этом их игнорирование, т.е. неприменение норм международных договоров, может явиться основанием к отмене или изменению судебного акта²³.

Как мы видим, игнорируя действие международных обычаев, законодатель говорит в основном о применении международных договоров, что еще раз подтверждает мнение профессора С.Ж. Айдарбаева: «Международно-правовые обычаи еще не заняли своего достойного места в правовой системе Казахстана. Более того, пока речь идет об игнорировании этого

¹⁹ О присоединении Республики Казахстан к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением: закон Республики Казахстан от 10 февр. 2003 г. № 389 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000389_ (дата обращения: 21.05.2024).

²⁰ О присоединении Республики Казахстан к Конвенции об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер: закон Республики Казахстан от 23 окт. 2000 г. № 94-II [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000094_ (дата обращения: 21.05.2024).

²¹ Водный кодекс Республики Казахстан: от 9 июля 2003 г. № 481 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K030000481_ (дата обращения: 21.05.2024).

²² О ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря: закон Республики Казахстан от 8 февр. 2019 г. № 222-VI ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000222_ (дата обращения: 21.05.2024).

²³ Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 21.05.2024).

важнейшего источника международного права»²⁴. Между тем, в настоящее время у нас есть конституционные предпосылки развития «международного обычного права», к примеру, через толкование статей 4, 8 Конституции РК.

В условиях глобализации и нарастающих экологических вызовов вопросы предотвращения трансграничного вреда приобретают особую значимость для Казахстана. Учитывая сложность управления водными ресурсами и наличие объектов повышенной опасности в приграничных зонах, требуется активное участие государственных органов в обеспечении экологической безопасности. В этой связи особое внимание должно быть уделено следующим аспектам.

Например, 1 мая 2020 года в Узбекистане произошел прорыв дамбы Сардобинского водохранилища²⁵. В конкретном кейсе очевидно нарушение норм по due diligence со стороны Республики Узбекистан, в частности, не были предприняты все меры для предотвращения наступления трансграничного вреда. Не было обеспечено соблюдение процессуальных норм, не был проведен анализ трансграничного риска и не была обеспечена надлежащая эксплуатация. Другой пример, наводнение на западе Казахстана, в апреле текущего года, где возможной причиной в СМИ называют сброс воды Россией с Ириклинского водохранилища в реку Урал²⁶. Известно, что российская сторона накапливала воду в Ириклинском водохранилище в течение 8 лет. Здесь возможно аналогичные нарушения норм по предотвращению наступления трансграничного экологического вреда со

стороны Российской Федерации.

Заключение. Подытоживая данную статью, можно сделать следующие выводы:

В национальном законодательстве Казахстана достаточно имплементированы международно-правовые нормы о предотвращении наступления трансграничного вреда. Анализ норм Конституции и нормативных постановлений Конституционного совета и Верховного суда показал, что международные трансграничные конвенции составляют действующее право Казахстана, и казахстанским судам следуют их использовать в правоприменительной практике.

Казахстану, в лице Правительства и центральных исполнительных органов в сфере водных ресурсов и охраны окружающей среды следует провести учет всех возможных рисков наступления трансграничного вреда. При наличии риска инициировать оценку трансграничных воздействий со стороны государства – происхождения риска. Проявлять инициативу, запрашивать необходимые документы, доказывающие безопасное использование объектов повышенной опасности.

Государственные органы и казахстанские суды для решения споров по возмещению трансграничного вреда могут использовать специальную Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г.), которую также ратифицировали соседние государства. Данная конвенция предусматривает как материальные, так и процессуальные обязательства государства по предотвращению трансграничного вреда.

Статья подготовлена в рамках реализации грантового проекта «Современный экологический правопорядок: казахстанский кейс», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (AP14872548).

Список использованной литературы:

²⁴ О применении норм международных договоров Республики Казахстан: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 г. № 1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P08000001S_ (дата обращения: 21.05.2024).

²⁵ Наводнение в Мактааральском районе. Виноват ли Узбекистан в затоплении казахстанских сел? [Электронный ресурс] – Режим доступа: Informburo.kz <https://informburo.kz/stati/navodnenie-v-maktaaralskom-rayone-vinovat-li-uzbekistan-v-zatoplenii-kazahstanskih-syol.html> (дата обращения: 21.05.2024).

²⁶ В ЗКО угроза затопления повышается на фоне сброса воды со стороны России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://atpress.kz/ru/news/v-kazakhstane/v-zko-ugroza-zatopleniya-povyshaetsya-na-fone-sbrosa-vody-so-storony-rossii> (дата обращения 21.04.2024).

1. Барциц, И.Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международных прав и интернационализации конституционного права / И.Н. Барциц. – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). – Москва: Дело, 2020. – 144 с.
2. C. Redgwell. National Implementation. The Oxford Handbook of International Environmental law; Edited D. Bodansky, J. Brunnee and E. Hey. – 2007. – 1080 p.
3. Hangin, X. Transboundary Damage in International law / X. Hangin. – Cambridge, 2003. – 164 p.
4. Абайдельдинов, Е.М. Соотношение международного и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности) / Е.М. Абайдельдинов. – Алматы: «Юридическая литература», 2006. – 271 с.

References:

1. Barcic, I.N. Konstitucionnaja identichnost' i mezhdunarodnoe pravo: o konstitucionalizacii mezhdunarodnyh prav i internacionalizacii konstitucionnogo prava / I.N. Barcic. – Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii (RANHIGS). – Moskva: Delo, 2020. – 144 s.
2. C. Redgwell. National Implementation. The Oxford Handbook of International Environmental law; Edited D. Bodansky, J. Brunnee and E. Hey. – 2007. – 1080 p.
3. Hangin, X. Transboundary Damage in International law / X. Hangin. – Cambridge, 2003. – 164 p.
4. Abajdel'dinov, E.M. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i nacional'nogo prava Respubliki Kazahstan (problemy stanovlenija prioritetnosti) / E.M. Abajdel'dinov. – Almaty: «Juridicheskaja literatura», 2006. – 271 s.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Жанат Абдраманқызы Битабарова – Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлтық Университеті заң факультеті кеден ісі, қаржы және экологиялық құқық кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), e-mail: bitabarova@gmail.com.

Битабарова Жанат Абдрамановна – старший преподаватель кафедры таможенного, финансового и экологического права юридического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби, доктор философии (PhD), e-mail: bitabarova@gmail.com.

Bitabarova Zhanat Abdrakhmanovna – Senior Lecturer at the Department of Customs, Financial and Environmental Law, Faculty of Law Al-Farabi Kazakh National University, PhD, e-mail: bitabarova@gmail.com.

Роза Ережепқызы – Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлтық Университеті заң факультеті кеден ісі, қаржы және экологиялық құқық кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), e-mail: rose0979@mail.ru.

Ережепқызы Роза – старший преподаватель кафедры таможенного, финансового и экологического права юридического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби, доктор философии (PhD), e-mail: rose0979@mail.ru.

Yerezhepkyzy Roza – Senior Lecturer at the Department of Customs, Financial and Environmental Law Faculty of Law Al-Farabi Kazakh National University, PhD, e-mail: rose0979@mail.ru.

УДК 349.6.086; 343.3/7
МРНТИ 10.53.65; 10.77.51

А.М. Жолмахан¹, А.Б. Ибрагим²

¹Университет Мирас, г. Шымкент, Республика Казахстан

²Международная образовательная корпорация, г. Алматы, Республика Казахстан

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. Статья посвящена углубленному анализу понятия и сущности экологического уголовного правонарушения, а также проблемам, связанным с его квалификацией и обеспечением экологического правопорядка. В условиях возрастающей значимости охраны окружающей среды и усиливающихся требований к правоприменительной практике, вопросы, касающиеся точного определения экологических преступлений, приобретают особую актуальность. В работе рассмотрены различные подходы к определению экологических уголовных правонарушений, выявлены основные проблемы, возникающие при их квалификации, а также предложены пути их преодоления.

Авторы проводят анализ действующего экологического и уголовного законодательства, международных правовых актов, регулирующих вопросы экологической безопасности и исследуют практику их применения в судебной системе. Особое внимание уделено вопросам разграничения экологических правонарушений от иных преступлений, связанных с нарушением природоохранных норм, а также трудностям, возникающим при квалификации таких деяний.

Ключевые слова: экологический правопорядок; уголовная ответственность; экологическое правонарушение; экологическое преступление; охрана окружающей среды; экопреступность.

А.М. Жолмахан¹, А.Б. Ибрагим²

¹Мирас Университеті, Шымкент қ., Қазақстан Республикасы

²Халықаралық білім беру корпорациясы, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТЫҢ ТҮСІНІГІ МЕН МӘНІ: БІЛІКТІЛІК МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТӘРТІПТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ

Аннотация. Мақала экологиялық қылмыстық құқық бұзушылықтың мәні мен түсінігін, сондай-ақ оның біліктілігі мен экологиялық құқықтық тәртіпті қамтамасыз етуге байланысты мәселелерді жан-жақты талдауға арналған. Қоршаған ортаны қорғаудың маңыздылығы артып, құқық қолдану тәжірибесіне қойылатын талаптар күшейген заманда, экологиялық қылмыстарды нақты анықтау мәселелері ерекше өзектілікке ие болуда.

Жұмыста экологиялық қылмыстық құқық бұзушылықтарды анықтаудың түрлі тәсілдері қарастырылып, оларды саралау барысында туындайтын негізгі проблемалар айқындалып, оларды шешу жолдары ұсынылды.

Авторлар қолданыстағы экологиялық және қылмыстық заңнамаға, экологиялық қауіпсіздік мәселелерін реттейтін халықаралық құқықтық актілерге талдау жүргізіп, олардың сот жүйесінде қолданылу тәжірибесін зерттейді. Экологиялық құқық бұзушылықтарды табиғат қорғау нормаларын бұзумен байланысты басқа қылмыстардан ажырату және осындай әрекеттерді саралау кезіндегі қиындықтарды шешу мәселелеріне ерекше назар аударылды.

Түйінді сөздер: экологиялық құқық тәртібі; қылмыстық жауапкершілік; экологиялық құқық бұзушылық; экологиялық қылмыс; қоршаған ортаны қорғау; экоқылмыс.

A.M. Zholmakhan¹, A.B. Ibragim²

¹Miras University, Almaty c., the Republic of Kazakhstan

²The International Educational Corporation, Almaty c., the Republic of Kazakhstan

THE CONCEPT AND ESSENCE OF ENVIRONMENTAL CRIMINAL OFFENSES: ISSUES OF QUALIFICATION AND ENSURING ENVIRONMENTAL LAW AND ORDER

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the concept and nature of environmental criminal offences, alongside the challenges associated with their classification and the maintenance of environmental law and order. As the significance of environmental protection continues to grow and law enforcement practices become more stringent, the need for a precise definition of environmental crimes has become increasingly critical.

The study explores different approaches to defining environmental criminal offences, identifies key issues encountered during their classification, and proposes potential solutions.

The authors thoroughly examine existing environmental and criminal legislation, and international legal frameworks governing environmental safety, and analyze their application within the judicial system. Particular emphasis is placed on differentiating environmental offences from other crimes involving environmental standards, and, on the difficulties, encountered in classifying such offences.

Keywords: environmental law and order; criminal liability; environmental offense; environmental crime; environmental protection; ecocrime.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_118

Введение. Экологические преступления давно вышли за рамки национальных границ, превратившись в глобальную проблему, требующую международного внимания. Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) вред, причиняемый экологическими преступлениями, оценивается в более чем 250 млрд долларов, вследствие чего экопреступность лидирует, уступая только торговле наркотиками, людьми и контрафактам¹.

В Казахстане на сегодняшний день наблюдается снижение правонарушений уголовного характера в сфере охраны окружающей среды, в результате воздействия ряда определенных субъективных и объективных факторов. Вследствие этого Глава государства в своем Послании народу Казахстана от 2 сентября 2019 года дал поручение предпринять все правообеспечивающие меры по предотвращению таких ситуаций и ужесточения мер наказания для преступников. Усиленное внимание на проблему браконьерства привело к тому, что в Главу 13 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) были внесены

коррективы, усиливающие уголовные наказания за совершенные экологические правонарушения в части браконьерства.

Благодаря обращению Президента РК к проблеме браконьерства и обеспечению экологической безопасности законодателем были установлены и другие нормы УК РК, требующие внесения поправок. Так, долгое время статья 340 УК РК, в которой предусмотрена ответственность за повреждение и уничтожение древесной растительности, оставалась без такого квалифицирующего признака, как значительный ущерб. Это размывало уголовную ответственность и не позволяло четко определить ее границы и критерии, устанавливающие административные взыскания за лесонарушения.

В следственной и судебной практике с 2015 по октябрь 2019 год было много случаев, когда к уголовной ответственности привлекались граждане, которые срубили или повредили деревья, или кустарники, причинив ущерб на сумму меньше 500 тенге. Уже одного факта повреждения деревьев было достаточно для привлечения по статье

¹ Environmental crime and money laundering [Electronic resource] – Access mode: <https://complyadvantage.com/insights/aml-environmental-crime/> (Access data: 27.08.2024).

340 УК РК².

Однако такое положение «размывает» саму суть уголовной ответственности, которая должна наступать только в случаях наступления серьезных общественно опасных последствий [1]. Для менее тяжких правонарушений существует инструмент административной ответственности, который все это время действует наряду с уголовной.

Поэтому обращение внимания Президента РК на проблему браконьерства привело в равновесие принцип соразмерного установления ответственности за содеянное правонарушение. Вследствие включения квалифицирующего признака значительности ущерба в рассматриваемую статью показатель зарегистрированных уголовных правонарушений по данной статье пошел на спад, а количество учтенных в ЕРДР правонарушений против растительного мира существенно уменьшилось. Та масса уголовных проступков, которая ранее регистрировалась как показатель преступности, стала учитываться в учетах административных правонарушений. До этого как уголовные расценивались любые повреждения древесного растительного мира без учета суммы ущерба [2].

Поэтому, как нам кажется, проблема выявления и правильной квалификации экологических уголовных правонарушений остается актуальной. Важность продолжения исследования понятия и сущности экологических уголовных правонарушений связано с их огромной латентностью и низкой раскрываемостью, обусловленной совершением вдали от населенных пунктов, отсутствием свидетелей и видеофиксации, разделением момента деяния и проявлений экологического вреда. Дискуссия по определению экологического уголовного правонарушения началась давно и не заканчивается, но актуальна, т.к. до сих пор остаются споры по поводу его объекта и объективной стороны.

Цель исследования связана с доказательством тезиса о том, что четкое определение такого юридического

термина как экологического уголовного правонарушения и теоретическое изучение, и определение его объекта помогает в конкретной и четкой квалификации данного вида уголовных правонарушений и обогащает теорию уголовного и экологического права, а также служит средством обеспечения экологического правопорядка. Правильное определение понятия экологического уголовного правонарушения и его объекта способствует точной квалификации данного вида преступлений и вносит вклад в развитие теории уголовного права и экологического права, а также служит средством обеспечения экологического правопорядка. Исследование имеет значение для развития экологического и уголовного права, а также теории экологического правопорядка.

Материалы и методы. В рамках исследования были проанализированы научные труды, включая Экологический кодекс РК и все законы, предшествовавшие его принятию, касающиеся охраны окружающей среды, а также УК РК. Авторы рассмотрели гипотезы, предложенные как ведущими казахстанскими, так и зарубежными учеными, на первом этапе исследования.

Методологическая основа исследования включала системный анализ, который позволил выявить взаимосвязь между различными правовыми нормами и их влиянием на правоприменительную практику в сфере экологии. Также были использованы методы сравнительного правоведения для сопоставления национальных и международных подходов к уголовно-правовой ответственности за экологические правонарушения. Эмпирическая часть исследования основывалась на изучении судебных решений, касающихся экологических преступлений, и анализе их применения на практике. Это позволило выявить практические проблемы, связанные с квалификацией экологических уголовных правонарушений, и предложить рекомендации по их устранению.

В итоге комплексный подход к исследованию, основанный на сочетании

² Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 27.08.2024).

теоретического анализа и практических примеров, обеспечил всестороннее освещение рассматриваемой проблемы.

Обзор литературы. По вопросу определения понятий «экологическое преступление», «экологическое уголовное правонарушение» были изучены труды известных представителей уголовно-правовой науки РК – К.Ж. Балтабаева, Р.Т. Нуртаева, И.Ш. Борчашвили, С.М. Рахметова, Р.Е. Джансараевой, Л.Ш. Берсугуровой, зарубежных ученых, а также дополнительная иностранная литература³. Анализ показал, что данное понятие трансформируется со временем. Так, первоначально экологическое преступление рассматривалось как предусмотренное уголовным законом посягательство на использование природных ресурсов, и речь шла только об охране окружающей среды, но ничего не было сказано о вредном воздействии на человека (Э.Н. Жевлаков, Ю.И. Ляпунов). В настоящее время большинство авторов склоняется к антропоцентрической модели понятия «экологическое уголовное правонарушение» (И.Ш. Борчашвили, С.Д. Бекишева, Р.Т. Нуртаев, С.М. Рахметов). В зарубежной литературе понятие экологического преступления является собирательным либо описательным с перечислением ряда посягательств на окружающую среду. В основном характеризуется как причинение вреда окружающей среде с нарушением установленных уголовным законом условий (Д. Бэнкс, К. Дэвис, Л. Лиреза, Г. Коци, К. Кангаспунта, И.Х. Маршалл). Вместе с тем, мало кто связывал определения этих понятий с так называемым экологическим правопорядком. Именно в этом направлении автор восполнил пробел и дополнил теорию уголовного и экологического права в своей статье.

Результаты и обсуждение. Определение экологического уголовного правонарушения до сих пор остается предметом дискуссии, как в отечественной правовой науке, так и

за рубежом. Но в отличие от зарубежных концепций этого правового явления у нас рассмотрение понятия усугубляется усложненной структурой преступных посягательств, т.к. в казахстанском законодательстве предусмотрено выделение уголовного преступления и уголовного проступка. Но, вместе с тем, сосуществует и понятие административного правонарушения. О том, что есть потребность в определении экологического уголовного правонарушения, отмечали в своих исследованиях как представители уголовно-правовой, так и эколого-правовой наук⁴. Так, еще в 1995 году об этом писал известнейший казахстанский ученый И.Ш. Борчашвили [3].

В свое время (когда не было разделения на уголовные преступления и уголовные проступки) он предложил данное определение: «под экологическим преступлением следует понимать виновное деяние, посягающее на общественные отношения по поводу права человека и общества на благоприятную окружающую среду, причиняющее ей экологический ущерб и выражающееся в загрязнении, уничтожении природных объектов» [4].

Сейчас, когда концепция деления уголовных правонарушений на уголовные преступления и уголовные проступки обоснована и апробирована, определение экологического уголовного правонарушения должно плавно вписаться в эту теорию.

Несмотря на это, все же определение, предложенное И.Ш. Борчашвили, является прогрессивным для того времени, т.к. он явился новатором включив экологические права граждан и общества в качестве объекта экологического преступления в РК. При этом анализ уголовного законодательства зарубежных государств показал, что не всегда даже законодатель указывает данный объект преступных посягательств. Например, в законодательстве Республики Беларусь указание в качестве объекта преступления отношений по экологической безопасности было самым первым. Однако

³ Explainer: What Is Environmental Crime? [Electronic resource] – Access mode: <https://earth.org/explainer-what-is-environmental-crime/> (Access data: 27.08.2024).

⁴ Environmental Crime [Electronic resource] – Access mode: <https://criminal-justice.iresearchnet.com/types-of-crime/environmental-crime/> (Access data: 27.08.2024).

в Примечании к главе 26 УК Республики Беларусь говорится, что преступлениями против экологической безопасности и природной среды признаются совершенные умышленно или по неосторожности деяния, которые причиняют или могут причинить вред природным объектам (и указываются многие такие объекты, однако не все). Это предполагает, что законодатель Белоруссии не отразил важнейшее в качестве объекта экологического преступления – отношения по защите экологических прав граждан, хотя в самом названии главы 26 фигурирует это обозначение помимо природной среды.

Более современную версию предлагают ведущие ученые Л.Ш. Берсугурова и Р.Е. Джансараева. Они разграничивают экологические преступления и проступки, понимая под ними «предусмотренные 13 главой УК РК уголовные правонарушения, нарушающие правила охраны природы путем негативного воздействия на природную среду, если эти деяния причинили или создали угрозу причинения существенного вреда охраняемым отношениям» [5, 20 стр.].

Однако смеем заметить, что данное определение требует определенной коррекции, т.к. в экологическом законодательстве общепринятыми и закрепленными официально считаются не категории «природа» и «природная среда», а «окружающая среда». Затем здесь указан только один способ преступного посягательства – негативное воздействие, т.е. активное действие. Однако в УК РК есть состав экологического уголовного правонарушения, реализуемого путем бездействия – непринятие мер по ремедиации (устранению) экологического ущерба (ст. 343 УК РК). Также здесь использовано оценочное понятие «существенный вред», хотя в УК РК есть конкретные категории – «значительный ущерб», «крупный ущерб», «особо крупный ущерб», а указанный термин вообще не указан в главе 13.

Научные подходы к определению экологического преступления у зарубежных коллег намного проще, чем в отечественной

науке. Здесь не акцентируется внимание на важные в республиканском уголовном законодательстве описательные признаки уголовного правонарушения – вину, а объект сужен до посягательств на природные ресурсы.

Отмечается, что само определение экологического преступления также не является общепринятым, поскольку оно представляется «без жертв», охватывающим широкий спектр правонарушений, действующим незаконно и подпольно, и его трудно идентифицировать. Вместе с тем Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Интерпол признают его «собирательным термином для описания незаконной деятельности, наносящей вред окружающей среде и направленной на извлечение выгоды отдельными лицами, группами или компаниями от эксплуатации природных ресурсов, нанесения им ущерба, торговли ими или хищения природных ресурсов, включая, но не ограничиваясь ими, серьезные преступления и транснациональную организованную преступность» [6].

Также делается акцент и указывается, что с юридической точки зрения, экологическое преступление можно определить, как причинение вреда окружающей среде с нарушением установленных законом условий⁵.

Более конкретное и четкое определение дают Линнерт Лиреза и Генциан Кочи, «экологическое преступление – это причинение вреда окружающей среде с нарушением действующего законодательства», оно рассматривается как таковое «только в том случае, если оно подлежит уголовному преследованию и уголовному наказанию» [7]. Как видим, здесь выделены общепринятые и основные стандартные признаки – общественная опасность, противоправность и уголовная наказуемость. Однако здесь нет указания на виновность, что связано с отсутствием во многих зарубежных государствах в концепции преступлений понятия «вины».

⁵ Explainer: What Is Environmental Crime? [Electronic resource] – Access mode: <https://earth.org/explainer-what-is-environmental-crime/> (Access data: 27.08.2024).

Это дает право во многих государствах, за исключением постсоветских, использовать конструкцию уголовной ответственности юридических лиц, что, на наш взгляд, является самым действенным инструментом, заставляющим бизнес стать «социально ответственным» и соблюдать установленные правила экологического правопорядка.

По нашему мнению, в настоящее время происходит «заигрывание» с субъектами предпринимательства, которое позволяет им уходить от ответственности за совершенные уголовные правонарушения. В прессе отмечается много примеров, когда деятельность крупных предприятий «Тенгизшевройл», «Озенмунайгаз» и многие другие, привела к крупным загрязнениям окружающей среды, как в настоящее время, так и много лет назад, что привело к возникновению в казахстанской юриспруденции термина «исторические загрязнения». При этом виновные, руководители предприятий, как будто имея мандат неприкосновенности, никогда не бывают привлечены к уголовной ответственности, хотя потери природы оцениваются в миллионы и даже миллиарды тенге. Хотя самая минимальная граница, отделяющая уголовное правонарушение от административного проступка, – значительный ущерб, который на сегодня составляет 369 200 тенге.

На данном этапе развития нашего общества, когда экономические интересы довлеют над экологическими, считаем, что введение и установление уголовной ответственности юридических лиц, реализованной и апробированной в странах дальнего зарубежья, является самой действенной и реальной мерой для предпринимателей, которые, руководствуясь корпоративными интересами, либо в погоне за наживой забывают об ответственности перед гражданами, обществом и своим государством за результаты своих иногда неверно принятых экологически значимых решениях [8].

Проведя глубокий анализ и изучив правовую природу научных позиции исследователей относительно посяга-

тельства в данном научном контексте, приходим к выводу, что наиболее рациональным является указание не просто на «общественные экологические отношения» или «правила охраны природы», а на «экологический правопорядок», т.к. «основной задачей ответственности является поддержка установления правопорядка в области охраны окружающей среды» [9, 7 стр.].

Экологический правопорядок – категория, сопоставимая и сравнимая, стоящая в одном ряду с понятиями «экологическая безопасность», «законность». Дискуссия по поводу данного понятия была отражена на страницах ряда исследований.

Не вдаваясь в подробности дискуссии о понятии экологического правопорядка, хотим отметить, что его связь с понятием экологического уголовного правонарушения очевидна. Экологический правопорядок характеризует состояние законности в сфере взаимодействия общества и окружающей среды. Он обеспечивается соблюдением норм и правил, установленных экологическим законодательством и другими отраслями права. Первые являются приоритетными и самыми важными в обеспечении этого порядка. Вторичными выступают нормы, без которых не может быть запущен механизм ответственности за правонарушения. Это сами нормы об ответственности. Так, любое нарушение влечет ответственность только в том случае, если об этом есть соответствующая норма в УК РК, КоАП РК или других отраслевых законах. Нормами третьего порядка выступают материальные и процессуальные нормы, обеспечивающие порядок действий субъектов экологических правоотношений при наступлении оснований для реализации того или иного вида ответственности.

Экологический правопорядок устанавливает то, насколько в данном обществе и государстве соблюдается законность при реализации экологических отношений, поэтому любое нарушение норм природоохранного или природоресурсного права отражается на его состоянии.

Уровень экологического правопорядка

зависит от роста экологической преступности и правонарушаемости (т.е. от увеличения количества совершаемых административных, уголовных, гражданско-правовых правонарушений в сфере взаимодействия общества и окружающей среды), а также от их качественной составляющей. Так удельный вес экологических уголовных правонарушений, совершенных организованными преступными группами или группами лиц по предварительному сговору, при наличии коррупционных проявлений значительно ухудшает экологический правопорядок. Следовательно, опасности подвергается именно этот правопорядок, ведь правонарушитель, посягает на уже установленные в нашем обществе правила поведения, реализуемые в сфере взаимодействия общества и природы.

Заключение, выводы. В результате исследования было выявлено, что действующее законодательство требует доработки для более эффективного противодействия экологическим правонарушениям. В частности, требуется уточнение правовых норм для обеспечения точности их применения в судопроизводстве.

Авторами предлагается следующее определение экологического уголовного правонарушения: это виновное деяние,

представляющее непосредственную угрозу или наносящее значительный вред окружающей среде, природным ресурсам или экологической безопасности, совершенное с нарушением установленных законодательством экологических норм и принципов, за которое предусмотрена уголовная ответственность.

Основным результатом исследования является вывод о том, что точное определение понятия и объекта экологического уголовного правонарушения играет ключевую роль в его правильной квалификации. Корректная правовая оценка этих правонарушений не только облегчает их выявление, но и способствует соблюдению законности и поддержанию экологического правопорядка.

Для укрепления экологического правопорядка в РК необходимо не только совершенствовать уголовное законодательство в области охраны окружающей среды, но и повышать профессиональный уровень правоприменительных органов. Рекомендации, предложенные в данной статье, могут стать основой для разработки новых подходов в борьбе с экологическими правонарушениями. Это, в свою очередь, поспособствует более эффективной защите окружающей среды и устойчивому развитию страны.

Статья подготовлена в рамках реализации грантового проекта «Современный экологический правопорядок: казахстанский кейс», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (AP14872548).

Список использованной литературы:

1. Бекишева, С.Д. Криминологическая характеристика личности браконьера / С.Д. Бекишева, К.Ж. Баетов // Мир закона. – 2022. – № 9-10 (245-246). – С. 3-16.
2. Проблемы совершенствования законодательства Республики Казахстан об ответственности за экологические уголовные правонарушения: монография; под общ. ред. Р.К. Сарпекова и С.М. Рахметова. – Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан». – 2018. – 170 с.
3. Борчашвили, И.Ш. Экологические преступления: понятие и квалификация / И.Ш. Борчашвили. – Караганда: Высш. шк., 1995. – 204 с.
4. Banks, D. Environmental crime: a threat to our future [Electronic resource] / D. Banks, Ch. Davies, et al. – Access mode: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2017/12/EIA-Environmental-Crime-A-Threat-to-Our-Future.pdf> (Access data: 27.08.2024).
5. Берсугурова, Л.Ш. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия экологическим правонарушениям в Республике Казахстан: монография / Л.Ш. Берсугурова и

др. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 314 с.

6. Haysom, S. An analytic review of past responses to environmental crime and programming recommendations [Electronic resource] / S. Haysom, M. Shaw. – Global Initiative Against transnational organized crime, 2022. – 40 p. – Access mode: <https://earthleagueinternational.org/wp-content/uploads/2023/06/ELI-Environmental-Crime-Convergence-Report-June-2023/> (Access data: 30.09.2024).

7. Lirëza, L. Environmental Crimes: Their Nature, Scope, and Problems in Identification / L. Lirëza, G. Koçi // Interdisciplinary Journal of Research and Development. – 2023. – № 1 (10). – Pp. 1-3.

8. Lang, P. Environmental crimes: concept and characteristics / P. Lang // E3S Web of Conferences 402. – 2023. – Vol. 13027. – 5 p.

9. Бекишева, С.Д. Основные факторы нормативного характера, влияющие на правильную квалификацию экологических уголовных правонарушений: монография / С.Д. Бекишева // Мир закона. – 2022. – № 7-8 (243-244). – С. 3-18.

References:

1. Bekisheva, S.D. Kriminologicheskaja harakteristika lichnosti brakon'era / S.D. Bekisheva, K.Zh. Baetov // Mir zakona. – 2022. – № 9-10 (245-246). – С. 3-16.

2. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan ob otvetstvennosti za jekologicheskie ugovolnye pravonarusheniya: monografija; pod obshh. red. R.K. Sarpekova i S.M. Rahmetova. – Astana: GU «Institut zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan». – 2018. – 170 s.

3. Borchashvili, I.Sh. Jekologicheskie prestupleniya: ponjatie i kvalifikacija / I.Sh. Borchashvili. – Karaganda: Vyssh. shk., 1995. – 204 s.

4. Banks, D. Environmental crime: a threat to our future [Electronic resource] / D. Banks, Ch. Davies, et al. – Access mode: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2017/12/EIA-Environmental-Crime-A-Threat-to-Our-Future.pdf> (Access data: 27.08.2024).

5. Bersugurova, L.Sh. Ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty protivodejstvija jekologicheskim pravonarushenijam v Respublike Kazahstan: monografija / L.Sh. Bersugurova i dr. – Almaty: Қазақ университети, 2018. – 314 s.

6. Haysom, S. An analytic review of past responses to environmental crime and programming recommendations [Electronic resource] / S. Haysom, M. Shaw. – Global Initiative Against transnational organized crime, 2022. – 40 p. – Access mode: <https://earthleagueinternational.org/wp-content/uploads/2023/06/ELI-Environmental-Crime-Convergence-Report-June-2023/> (Access data: 30.09.2024).

7. Lirëza, L. Environmental Crimes: Their Nature, Scope, and Problems in Identification / L. Lirëza, G. Koçi // Interdisciplinary Journal of Research and Development. – 2023. – № 1 (10). – Pp. 1-3.

8. Lang, P. Environmental crimes: concept and characteristics / P. Lang // E3S Web of Conferences 402. – 2023. – Vol. 13027. – 5 p.

9. Bekisheva, S.D. Osnovnye faktory normativnogo haraktera, vlijajushhie na pravil'nuju kvalifikaciju jekologicheskikh ugovolnyh pravonarushenij: monografija / S.D. Bekisheva // Mir zakona. – 2022. – № 7-8 (243-244). – С. 3-18.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Аружан Мұратқызы Жолмахан – Мирас университетінің магистрі, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0041-6498>, e-mail: zholmakhanperizat@gmail.com.

Жолмахан Аружан Мұратқызы – магистр университета Мирас, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0041-6498>; e-mail: zholmakhanperizat@gmail.com.

Zholmakhan Aruzhan Muratkyzy – Master's at Miras University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0041-6498>.

0003-0041-6498, e-mail: zholmakhanperizat@gmail.com.

Аяжан Бүркітқызы Ибрагим – халықаралық білім беру корпорациясының студенті, ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-9552-3638>, e-mail: ayazhan_ibragim_02@mail.ru.

Ибрагим Аяжан Бүркітқызы – студент Международной образовательной корпорации, ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-9552-3638>, e-mail: ayazhan_ibragim_02@mail.ru.

Ibragim Ayazhan Burkytkyzy – student at the International Educational Corporation, ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-9552-3638>, e-mail: ayazhan_ibragim_02@mail.ru.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ / МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ / INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

УДК 341.24; 341.3
МРНТИ 10.87.68

А.А. Аралбаева¹, К.М. Бишманов²

¹Университет Нархоз, г. Алматы, Республика Казахстан

²Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ГЕНОЦИД

Аннотация. В статье анализируются итоги деятельности международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии (МТБЮ) 1993 года и по Руанде (МТР) 1994 года за преступления, связанные с сексуальным насилием со всеми из него вытекающими преступными последствиями. Впервые в истории международного правосудия, изнасилование было признано преступлением против человечества в работе трибунала по бывшей Югославии. Расследование руандийского террора по причине массовости изнасилований женщин и девочек племен тутси, совершенных по заранее подготовленному плану правящих кругов государства, позволило заявить трибуналу о том, что это были геноцидальные изнасилования. Согласно результатам исследований, масштабы преступлений подтверждали тот факт, что изнасилования в Руанде стали оружием для уничтожения групп людей по национальным признакам, что и стало причиной для обвинения военных преступников в осуществлении запланированного геноцида.

Ключевые слова: международный уголовный трибунал; бывшая Югославия; Руанда; сексуальное насилие; изнасилование; геноцид; военное преступление; военный конфликт.

А.А. Аралбаева¹, К.М. Бишманов²

¹Нархоз университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҚАРУЛЫ ҚАҚТЫҒЫСТАР КЕЗІНДЕГІ ЖЫНЫСТЫҚ ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚ АДАМЗАТҚА ҚАРСЫ ҚЫЛМЫС ЖӘНЕ ГЕНОЦИД РЕТІНДЕ

Аннотация. Мақалада 1993 жылғы бұрынғы Югославия және 1994 жылғы Руанда бойынша Халықаралық қылмыстық трибуналдардың жыныстық зорлық-зомбылықпен байланысты қылмыстар және олардың нәтижелері талданады. Халықаралық әділет тарихында алғаш рет зорлау бұрынғы Югославия трибуналының жұмысында адамзатқа қарсы қылмыс ретінде танылды. Аталған трибуналға, Руандада болған террордың тергеу барысында, тутси тайпаларының әйелдері мен қыздарын жаппай зорлануының салдарынан, бұл геноцидтік зорлау деп мәлімдеуге мүмкіндік берді. Аса ауыр қылмыстар, мемлекеттің жоғарғы биліктегі қызметкерлері алдын-ала дайындаған жоспары бойынша іске асты. Зерттеу нәтижелеріне сәйкес, қылмыстардың ауқымы Руандадағы зорлаудың ұлттық белгілері бойынша адамдар тобын жою үшін қару болғанын растады. Зерттеу нәтижелері, әскери қылмыскерлерді жоспарланған геноцидті жүзеге асырды деп айыптауға себеп болды.

Түйінді сөздер: халықаралық қылмыстық трибунал; бұрынғы Югославия; Руанда; жыныстық зорлық-зомбылық; зорлау; геноцид; әскери қылмыс; әскери қақтығыс.

A.A. Aralbayeva¹, K.M. Bishmanov²

¹Narkhoz University, Almaty c., the Republic of Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty c., the Republic of Kazakhstan

SEXUAL VIOLENCE DURING ARMED CONFLICTS AS A CRIME AGAINST HUMANITY AND GENOCIDE

Abstract. The article analyzes the crimes related to sexual violence and their results by the International Criminal Tribunals for the former Yugoslavia of 1993 and Rwanda of 1994. For the first time in the history of international justice, rape was recognized as a crime against humanity in the work of the tribunal of the former Yugoslavia. This allowed the tribunal, during the investigation of the terrorist attack in Rwanda, to claim that it was a genocidal rape due to the mass rape of women and girls by the Tutsi tribes. The most serious crimes were committed according to a plan prepared in advance by the highest authorities of the state. According to the results of the study, the scale of crimes confirmed that rape in Rwanda was a weapon to destroy groups of people on national grounds. The results of the study led to the fact that war criminals were accused of carrying out the planned genocide.

Keywords: International Criminal Tribunal; former Yugoslavia; Rwanda; sexual violence; rape; genocide; war crime; military conflict.

DOI: 10.52425/25187252_2024_33_127

Введение. В современном мире, в условиях полномасштабных или локальных военных действий, гражданское население становится объектом различных форм насилия и физического уничтожения. Практически каждый, кто оказывается в эпицентре войны и на оккупированных территориях (независимо от пола и возраста), может оказаться потенциальной или реальной жертвой сексуального насилия.

Сексуальное насилие не является преступным деянием, характерным только для современного мира, оно сопровождало любые войны в истории человечества и применялось в качестве одной из военных тактик в ходе военных конфронтаций. Так, в ранних документах, касающихся права войны, встречаются редкие упоминания о защите женщин. В США в период гражданской войны в 1861-1864 годах, был принят Кодекс Либера. В данном документе предусматривалась уголовная ответственность за совершение военных преступлений в отношении гражданских лиц и, в частности, женщин [1].

В периоды двух мировых войн в начале XX столетия в силу многочисленности и масштабности количество сексуальных насилий даже не подверглось какому-либо подсчету, т.к. подобный вид

преступления считался сопутствующим и не таким уж значительным в сравнении с массовыми физическими истреблениями людей. Хотя, все государства-участники Второй Мировой войны имели в своем национальном праве законодательные акты, регулирующие сексуальное насилие, однако в процессе Нюрнбергского военного трибунала преступления данного вида не расследовались и остались без соответствующего внимания. Процесс в Нюрнберге, по окончанию Второй Мировой войны, был беспрецедентным в своем роде, который привлек к уголовной ответственности высшее военное командование Вермахта. Масштабы преступлений нацизма практически не имели границ и по этой причине, многие из них остались за полем зрения в условиях жесточайших военных противостояний. Среди многочисленных тягчайших преступлений сексуального характера, расследованных в Нюрнберге с 1945 по 1946 гг., были: стерилизации женщин, аборты принудительного характера, медицинские опыты, связанные с репродуктивной функцией женского организма, опыты на половых органах и другие. Однако, вышеназванный процесс не привлек должного внимания мировой обществен-

ности к такому виду насилия как сексуальное в процессе оккупации захваченных территорий. В данном деле не далеко продвинулся и трибунал по Дальнему Востоку [2].

Только во второй половине XX века, ситуация изменилась коренным образом. Впервые на международном уровне вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших названные выше преступления, был рассмотрен в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии.

Материалы и методы исследования. Для всестороннего исследования сексуального насилия во время вооруженных конфликтов как преступления против человечества и геноцида, авторами были проанализированы международные документы такие как: Римский статут, принятый 2002 году¹; Устав Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ)²; Устав Международного трибунала по Руанде (МТР)³; Женевская конвенция 1949 года⁴; Дополнительный протокол 1977 года⁵ и другие источники.

Исследованию подверглись работы двух международных уголовных трибуналов во второй половине XX века: Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) 1993 года и Международного трибунала по Руанде (МТР) 1994 года.

В качестве методов научного исследования были использованы: метод сопоставления исторических данных, научный анализ международных документов, метод сравнения работы двух международных уголовных трибуналов и другие.

Результаты/обсуждение. На протяжении

более двадцати лет, на основании накопленного опыта, деятельность двух известных всему миру трибуналов, а именно Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде, были связаны с толкованием и применением норм международного уголовного права на практике.

Как упоминалось ранее, изнасилование как вид преступления в условиях военных действий, до деятельности двух вышеуказанных трибуналов не привлекало к себе должного внимания и соответственно, не регулировалось нормами международного права.

Женевская конвенция 1949 года⁶ и Дополнительный протокол 1977 года⁷, изнасилование признают преступлением. Однако, данные документы защищают честь женщины и не имеют норм, где бы упоминалось сексуальное насилие в качестве преступного деяния. Тем самым, Женевская конвенция и Дополнительный протокол, ограничившись только лишь защитой чести женщины, не взяли во внимание преступления сексуального характера, а вместе с ним и всю тяжесть и последствия изнасилования как тяжкого преступления, сопряженного с пытками, истязаниями и убийствами.

Практически во всех случаях сексуальных насилий в условиях оккупации и военной конфронтации, можно наблюдать целый комплекс насильственных действий в отношении потерпевших, поскольку один вид насилия прямо коррелирует с другими и вытекает из него.

В законодательных актах различных стран мира используются собственные термины или комплекс терминов для

¹ Rome Statute of the International Criminal Court. – 82 p. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/Publications/Rome-Statute.pdf> (Access date: 20.05.2024).

² Statute of the international tribunal for the former Yugoslavia (adopted 25 may 1993 by Resolution 827) (as amended 13 may 1998 by resolution 1166) (as amended 30 November 2000 by resolution 1329) [Electronic resource] – Access mode: http://www.icls.de/dokumente/icty_statut.pdf (Access date: 20.05.2024).

³ Statute of the international tribunal for Rwanda [Electronic resource] – Access mode: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ict_rwanda_EF.pdf (Access date: 20.05.2024).

⁴ Geneva Convention relative to the protection of civilian persons in time of war of 12 august 1949 [Electronic resource] – Access mode: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.33_GC-IV-EN.pdf (Access date: 20.05.2024).

⁵ Protocol additional to the Geneva conventions of 12 august 1949, and relating to the protection of victims of international armed conflicts (protocol i), of 8 June 1977 [Electronic resource] – Access mode: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.34_AP-I-EN.pdf (Access date: 20.05.2024).

⁶ Geneva Convention relative to the protection of civilian persons in time of war of 12 august 1949 [Electronic resource] – Access mode: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.33_GC-IV-EN.pdf (Access date: 20.05.2024).

⁷ Protocol additional to the Geneva conventions of 12 august 1949, and relating to the protection of victims of international armed conflicts (protocol i), of 8 June 1977 [Electronic resource] – Access mode: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.34_AP-I-EN.pdf (Access date: 20.05.2024).

обозначения насилия сексуального характера. Так, например, используются следующие термины: половое насилие, изнасилование, преступления сексуального характера, сексуальное посягательство, сексуальное преступление и т.д. [3]. Каждая из них имеет собственную смысловую нагрузку в зависимости от того, что имеет в виду законодатель. В то же время, в международном праве, не существует понятия «изнасилования в условиях военного конфликта» в качестве отдельного подвида преступления, совершаемых в особых обстоятельствах войны⁸.

Принятом в 2002 году в качестве дополнения к Римскому статуту Международного уголовного суда в «Элементах преступлений», в статье 7(1)(g)-1 «Преступление против человечества в виде изнасилования», исследуемое преступление определяется следующим образом: «1. Исполнитель посягнул на тело лица, совершив деяние, в результате которого имело место проникновение, даже самое незначительное, в любую часть тела потерпевшего или исполнителя, половым членом либо любым предметом или любой частью тела в анальное или генитальное отверстие потерпевшего. 2. Посягательство было совершено с применением силы или угрозы силой в отношении данного или другого лица, либо путем принуждения, вызванного, например, страхом перед насилием, грубым принуждением, задержанием, психологическим давлением или злоупотреблением властью, либо путем использования обстановки, характеризующейся принуждением, либо посягательство было совершено в отношении лица, неспособного дать согласие, выражающее его истинную волю»⁹.

Очень важно отметить тот факт, что международно-правовой документ, применив термин «посягательство на тело» полностью нивелировал половую принадлежность потерпевшего, т.к. жертвами обозначенных преступных посягательств в равной степени

могут стать как женщины, так и мужчины, а также лица нетрадиционных половых ориентаций. В «Элементах преступлений» понятие сексуального насилия не сужается до уровня только лишь нарушения права на половую неприкосновенность лица. В документе перечисляются такие обстоятельства и действия, которые, в общем и целом, образуют сексуальное насилие. Таким образом, сексуальное насилие в условиях войны может сопровождаться: применением силы, угрозой применения силы, принуждением, задержанием, психологическим давлением, злоупотреблением властью, невозможностью добровольно отказаться или дать согласие на половой контакт в силу обстоятельств, исключающих выбор и др.

Для гражданского населения война во всех ее формах и проявлениях, олицетворяет разгул беззакония и безнаказанности. Нередко, военное командование прямо поощряет, совершаемые мародерства, ограбления, насилия со стороны комбатантов на оккупированных территориях в отношении гражданских лиц. Основой для такого подхода со стороны высших военных чинов является желание вознаградить боевиков «заслуженными трофеями», т.е. компенсировать им тот непосильный «труд», на который идут последние, невзирая на риски потерять здоровье и жизнь в ходе боевых действий. В данной связи возможность насилловать безнаказанно, также является частью плана по привлечению и пробуждению интереса к участию в войне, несмотря на все ее издержки [4].

Согласно данным Совета Безопасности ООН, для «этнических чисток» изнасилование используется как весьма эффективное оружие. В качестве такового, обозначенное преступление нашло свое широкое применение в ряде стран, где проходили полномасштабные боевые действия, а именно в таких, как: Вьетнам, Уганда, Босния, Камбоджа. По заявлению

⁸ Rape: Weapon of war [Electronic resource] – Access mode: <https://web.archive.org/web/20120110115954/http://www.ohchr.org/en/newsevents/pages/rapeweaponwar.aspx> (Access date: 20.05.2024).

⁹ Elements of crimes / International Criminal Court 2013. – 32 p. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/Publications/Elements-of-Crimes.pdf> (Access date: 20.05.2024).

того же подразделения ООН, в ходе военных конфликтов, в большинстве случаев жертвами сексуального насилия становятся лица женского пола с вытекающими из этого преступными последствиями¹⁰.

Массовому и системному насилию подверглись женщины в период Боснийского конфликта. Несмотря на то, что в вооруженном противостоянии участвовали представители различных этносов и все они так или иначе совершали различные виды насилия и сексуальные, в т.ч., все же в подавляющих случаях, преступления, связанные с сексуальным насилием, как в отношении женщин, так и мужчин, совершались боевиками Сербии, а именно Армией Республики Сербской (ВРС). Сербы применили половое насилие над женщинами в качестве оружия террора и эффективного метода «этнических чисток». Количество жертв изнасилований в период боснийской войны по неточным данным колеблется от 10 тысяч человек до 50 тысяч. Столь высокий диапазон колебания цифр объясняется сложностью ведения подсчетов количества совершенных преступлений в условиях войны. Даже самое максимальное число предполагаемых жертв может не отражать истинные масштабы реального бедствия¹¹.

Заслуга Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии¹² заключается в том, что именно благодаря его деятельности по расследованию массовых преступлений, связанных с сексуальным насилием, впервые были признаны преступления против человечества, уступая первенство по своей тяжести и последствиям только геноциду. Трибунал по бывшей Югославии в ходе своей деятельности еще не квалифицировал массовое сексуальное насилие как геноцид, однако сам факт того, что международный орган правосудия обратил внимание и придал

особое значение такому виду преступления как изнасилование, было величайшим прорывом в деле привлечения к уголовной ответственности преступников в условиях военных конфликтов. В ходе расследования, названного выше преступления, специалисты пришли к выводу, что в Югославии сексуальное насилие вышло за рамки сопутствующих правонарушений и явилось частью плана ВРС по истреблению боснийцев по религиозным и национальным признакам. По факту ВРС проводил политику истребления боснийских мусульман применяя геноцидальные изнасилования. Так, трибуналом по бывшей Югославии в отношении члена ВРС Драголюбa Кунарцева был вынесен приговор по обвинению в применении изнасилования как оружия войны. Это был показательный процесс, не уступающий по своей значимости Нюрнбергскому. Факты расправ, учиненных сербскими боевиками, над боснийскими женщинами и детьми были шокирующими. Они получили широкое освещение международными СМИ и стали основой для создания ряда документальных фильмов о массовых изнасилованиях и их последствиях в период военного конфликта на Балканах¹³.

Согласно заключению Исполнительного комитета, Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев, сексуальному насилию подвергаются беженцы, ищущие временное убежище. В период бегства или при прибытии в страну временного проживания, беженцы, а также их дети подвергаются различным видам насилия, в т.ч. и сексуальному насилию [5].

В период руандийского террора насилия приняли форму гендерного характера. Это обуславливалось тем, что за менее чем 100 дней более полумиллиона женщин племен тутси, а также их дети подверглись жесточайшим пыткам, истязаниям и физическому истреблению. Созданный

¹⁰ Resolution 1244 (1999). Adopted by the Security Council at its 4011th meeting, on 10 June 1999. (2000) [Electronic resource] // The International Journal of Human Rights. – № 4 (3-4). – Pp. 369-375. – Access mode: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13642980008406917> (Access date: 20.05.2024).

¹¹ В поисках правосудия для жертв сексуального насилия во время вооруженного конфликта в Косово [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/stories/2013/06/seeking-justice-victims-sexual-violence-armed-conflict-kosovo> (дата обращения: 06.06.2024).

¹² Международный трибунал по бывшей Югославии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/law/icty/> (дата обращения: 06.06.2024).

¹³ Международный трибунал в Гааге приговорил боснийского серба Драголюбa Кунараца к 28 годам заключения, признав его виновным в изнасилованиях и пытках мусульманок во время войны в Боснии в 90-х годах [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/24129496.html> (дата обращения: 06.06.2024).

в 1994 году и функционировавший до 2015 года Международный уголовный трибунал по Руанде (МУТР)¹⁴, впервые на международном уровне вынес приговор за применение изнасилования в качестве оружия войны. Акты сексуального насилия имели четко определенные цели, которые заключались в том, чтобы частично или полностью уничтожить представителей племен тутси и в силу этого изнасилование, как метод уничтожения этнических групп, было признано геноцидным изнасилованием.

Преступления имели массовый характер и осуществлялись ополченцами «Интерхамве», а также представителями племен хуту. Военно-политическая верхушка страны для уничтожения этнической группы тутси прибегла к тотальному сексуальному насилию в отношении их женщин и девочек. Руандийский конфликт стал причиной рождения до 10 000 детей, зачатых в процессе насилия.

Еще одним способом физического уничтожения людей стало преднамеренное заражение СПИДом. Для этого акта были сформированы «отряды насильников» из числа страдающих неизлечимым заболеванием. Свидетель руандийского террора Обиджиофор Агинам рассказал, что умышленное заражением ВИЧ инфекцией было подтверждено выжившими в их показаниях в процессе работы уголовного трибунала [6].

Еще одна участница тех событий Франсуаза Ндувимана лично опрашивала жертв преступлений и задокументировала рассказанное ими. Очевидцы и жертвы преступлений показали, что заражение ВИЧ инфекцией посредством сексуального насилия, было заведомо подготовленным и запланированным актом. По неточным данным, две трети из десятков тысяч изнасилованных в период руандийского геноцида, дали положительные результаты на ВИЧ инфицирование. С 1994 года, со времени завершения вооруженного конфликта, и по настоящее время в силу того, что не проводились подсчеты,

отсутствуют официальные статистические данные о количестве умерших из числа больных СПИДом [7].

Участник конфликта в Руанде, майор Брент Бердсли, дал показания в МУТР. Как свидетель, он заявил следующее: «смертельные удары, как правило, были нацелены на репродуктивные органы женщин. Жертвам преднамеренно наносили удары по груди и влагалищу» [8]. Б. Бердсли свидетельствовал о том, что видел тела девочек шести и семи лет, которые были изнасилованы так жестоко, что их влагалища были расколоты и опухли в результате того, что, очевидно, было групповым изнасилованием [8]. В заключение свидетелем было сказано: «Резня убивает тело. Изнасилование убивает душу. И было много изнасилований. Казалось, что куда бы мы ни пошли, с 19 апреля до того времени, когда мы уехали, повсюду были изнасилованные и убитые тела» [8].

Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде стали первыми в деле расследования изнасилований в условиях боевых конфликтов [9]. Трибуналы дали оценку тому, насколько может быть тяжелым по своим последствиям и необратимым сексуальное насилие в обстановке войны и возвели это преступление в ранг жесточайших и чрезвычайно опасных для человечества и, в частности, для отдельных групп по различным признакам, сообществ и этнических представителей. По итогам процессов стало очевидно всему мировому сообществу, что частота совершаемых изнасилований в любых военных конфликтах сравнима с другими тяжкими преступлениями такими как убийства, пытки, истязания и другие.

Международный трибунал по Руанде стал первым судом, квалифицировавшим сексуальное насилие в условиях войны как геноцид. Подводя итоги деятельности трибунала по Руанде, Судебная палата международного суда пришла к выводу, что изнасилование по своим последствиям

¹⁴ Statute of the international criminal tribunal for Rwanda [Electronic resource] – Access mode: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ictr/ictr_e.pdf (Access date: 20.05.2024).

сравнима с геноцидом, поскольку является собой запланированное и умышленное физическое истребление этнических групп по различным признакам. Как следствие, данный вид преступления разрушительно воздействует на репродуктивные функции организма женщины, которая может исключить возможность деторождения в будущем¹⁵.

Рассматривая отдельно преступления сексуального характера против мужчин, следует отметить, что в условиях вооруженного конфликта они являются не редким фактом. Это подтверждается многими исследованиями, произведенными после окончания военных конфликтов. Так, согласно результатам исследовательских работ Лары Стемпл, в 80-х годах прошлого века в Сальвадоре, около 80% политзаключенных из числа мужчин, подверглись сексуальному насилию. Жертвами физических расправ и изнасилований в концлагерях в Сараево стали более 80% мужчин. Исследователь приходит к выводу о том, что сексуальное насилие против мужчин в периоды военных конфликтов недостаточно изучено в силу того, что подвергшиеся данному виду преступления мужчины, не становятся объектом исследования. Это обусловлено тем, что мужчины не заявляют о преступлениях в отношении их, не идут на контакт с исследователями, избегают участия в судебных процессах в качестве потерпевших и в целом пытаются скрыть факт насилия [10].

Заключение. Таким образом, во второй половине прошлого столетия, согласно нормам международного права, изнасилование было признано военным преступлением, причиняющим глубочайший урон общечеловеческим ценностям. Преступление нарушает не только половую неприкосновенность, но вместе с ним, в условиях военных конфликтов, сопровождается различного рода насильственными действиями,

причиняющими непереносимые физические страдания человеку в числе которых: пытки, истязания, психическое и физическое порабощение, убийства и т.д.

Только в девяностых годах прошлого столетия, международный трибунал признал изнасилование самостоятельным преступлением, за совершение которого, согласно международным нормам, предполагается привлечение военных преступников к уголовной ответственности вне зависимости от того, внутри государственный или международный это вооруженный конфликт.

Было установлено, что во время военных действий насилия сексуального характера используются для дезорганизации и деморализации противника, что, в свою очередь, подтверждает присутствие элементов психологической войны. Согласно результатам исследований, в условиях современных войн, могут встречаться как единичные случаи изнасилований комбатантами, так и заведомо запланированные, представителями государственной власти или вооруженными формированиями, массовые изнасилования с целью поработить как психологически, так и физически население на захваченных территориях. Массовое насилие может также иметь цель произвести, так называемую, «этническую чистку», которая предполагает физическое истребление групп людей по национальным или религиозным признакам, как это было в бывшей Югославии и Руанде.

В ходе работы международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде для мирового сообщества стал очевидным тот факт, что практически все осужденные были признаны виновными в сексуальном насилии с причинением смерти и физических страданий путем применения пыток, и истязаний в отношении лиц, пребывавших на захваченных территориях. В числе привлеченных к уголовной ответственности были высшие военные чиновники,

¹⁵ Statute of the International Criminal Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Genocide and Other Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Rwanda and Rwandan Citizens Responsible for Genocide and Other Such Violations Committed in the Territory of Neighbouring States, between 1 January 1994 and 31 December 1994 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/statute-international-criminal-tribunal-prosecution-persons> (Access date: 20.05.2024).

государственные деятели и командование среднего и низшего звена. В ходе работы Международного военного трибунала по бывшей Югославии изнасилование было признано преступлением против человечества, сопряженное с причинением физических страданий различных степеней и, следствием которых стал геноцид в отношении групп людей по различным признакам.

2 сентября 1998 года МУТР, в качестве международного органа правосудия, вынес первый в мире приговор за совершение геноцида на территории Руанды. Трибунал признал Жан-Поля Акайесу виновным в геноциде и преступлениях против человечества за действия, которые он совершал и курировал, будучи мэром руандийского города Таба [11].

Приговор МУТР стал первым прецедентом, когда международный трибунал квалифицировал изнасилование как преступление, имеющее цель массового уничтожения групп людей по различным признакам и как следствие, средством совершения геноцида¹⁶.

Современное международное гуманитарное право и право прав человека, сексуальное насилие, совершенное в период военных конфликтов, признает тяжким преступлением. Лица, обвиняемые в изнасиловании, преследуются в судебном порядке как военные преступники.

Величайшим достижением международного уголовного права и правосудия на основе деятельности уголовных трибуналов в 90-х годах, стало признание сексуального насилия в условиях войны, преступлением против человечества и геноцидом. Понятие сексуального насилия было расширено Римским статутом Международного Уголовного Суда и включила в себя: принудительную проституцию, сексуальное рабство, принудительную беременность и аборты, стерилизацию в принудительной форме, принудительные браки с малолетними, а также другие сопоставимые по тяжести преступления, относящиеся к

данному виду.

Несмотря на то, что сексуальному насилию в большинстве случаев подвергаются лица женского пола, оно, в равной степени, является оружием, прямо нацеленным и против мужчин в независимости от их возраста. Тем самым, подобному насилию может быть подвержено все гражданское население, вовлеченное в военные конфронтации. Преступление, используемое в качестве военной тактики или террора, сопряженное с сексуальным насилием, способно разрушить целые сообщества посредством жесточайших расправ над человеком любого пола и возраста, психических и физических истязаний и пыток. Подобные преступления могут совершаться как негосударственными вооруженными группами, так и государственными силами безопасности в равной степени. По причине пролонгированных последствий сексуального насилия и его массового разрушительного действия, период постконфликтного восстановления стабильности в государстве и обществе представляется весьма затруднительным и материально затратным.

Современные войны, как следует из материалов об экстремистских и террористических группах, все больше и больше используют сексуальное насилие как тактику ведения наступательных действий и эффективный метод порабощения гражданских лиц на захваченных территориях.

По мнению авторов данной статьи, беря во внимание итоги судебной деятельности двух уголовных трибуналов во второй половине двадцатого столетия, необходимо в Римский статут Международного уголовного суда (вступившего в силу 1 июля 2002 года), в статье 6 – Геноцид, признать геноцидом изнасилование с той оговоркой, в которой указывается, что изнасилование может признаваться геноцидом, если данный вид преступления применялся конфликтующей стороной как тактический, заранее запланированный план действия в условиях

¹⁶ Rwanda: the first sentence for genocide [Electronic resource] – Access mode: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/rwanda-the-first-conviction-for-genocide> (Access date: 20.05.2024).

международного или немеждународного военного конфликта с целью физического уничтожения определенных групп людей по какому-либо признаку (например, расовому, национальному, религиозному и т.д.). Следует отметить, что действие Римского статута Международного уголовного суда не распространяется на Казахстан, т.к. нашей страной документ не был ратифицирован.

Также считаем, что в международном гуманитарном праве, а также в уголовных законодательствах стран мира, целесообразно ввести в оборот такое понятие как «изнасилование в условиях военного конфликта», что подразумевает под собой преступление при отягчающих обстоятельствах с соразмерным ему наказанием.

Список использованной литературы:

1. A. Roberts. Foundational myths in the laws of war: The 1863 lieber code, and the 1864 geneva Convention. – 39 p. [Electronic resource] – Access mode: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0020/3144314/Roberts.pdf (Access date: 20.05.2024).
2. Martinez, J.S. Guilty associations: Joint criminal enterprise, command responsibility, and the development of international criminal law [Electronic resource] / J.S. Martinez, A.M. Danner. – 2004. – 87 p. – Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=526202 (Access date: 20.05.2024).
3. Charlene, L. Muehlenhard. Definitions of rape: scientific and political implications / L. Charlene // Journal of Social Problems. – Oxford. – 2023. – № 48 (1). – Pp. 23-44.
4. Гуськова, Е.Ю. Международный трибунал по бывшей Югославии: деятельность, результаты, эффективность / Е.Ю. Гуськова. – М.: Индрик, 2012. – 544 с.
5. Mukhambetova, I.S. Formation and current status of the international institutional system of refugee protection / I.S. Mukhambetova // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2022. – № 4 (26). – С. 85-94.
6. Obijiofor Aginam. Global health governance: International law and public health in a divided world [Electronic resource] / Obijiofor Aginam. – University of Toronto Press, 2005. – 240 p. – Access mode: <https://www.jstor.org/stable/10.3138/9781442675377> (Access date: 20.05.2024).
7. F. Nduwimana. AIDS intersects with genocide [Electronic resource] – Access mode: <https://thesentinelproject.org/2013/12/01/aids-intersects-with-genocide/> (Access date: 20.05.2024).
8. Brent, B. The endless debate over the G-Word [Electronic resource] / B. Brent // Genocide research and prevention: An international journal. – 2006. – № 1 (1). – Access mode: <https://digitalcommons.usf.edu/gsp/vol1/iss1/10> (Access date: 20.05.2024).
9. Nzitatira, J.F. Frizzell. Analysis of participation in the 1994 genocide in Rwanda / J.F. Nzitatira, L.S. Edgerton // Sage journals. – 2024. – № 2 (60). – Pp. 56-60.
10. L. Stemple. Male rape and human rights. – Pp. 605-647 [Electronic resource] – Access mode: https://web.archive.org/web/20100602095417/https://www.uchastings.edu/hlj/archive/vol60/Stemple_60-HLJ-605.pdf (Access date: 20.05.2024).
11. Mamdani, M. Overview: The history of the Genocide in Rwanda / M. Mamdani // Cambridge University Press. – 2023. – № 2 (43). – Pp. 307-311.

References:

1. A. Roberts. Foundational myths in the laws of war: The 1863 lieber code, and the 1864 geneva Convention. – 39 p. [Electronic resource] – Access mode: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0020/3144314/Roberts.pdf (Access date: 20.05.2024).
2. Martinez, J.S. Guilty associations: Joint criminal enterprise, command responsibility, and the development of international criminal law [Electronic resource] / J.S. Martinez, A.M. Danner. – 2004. – 87 p. – Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=526202 (Access date: 20.05.2024).

3. Charlene, L. Muehlenhard. Definitions of rape: scientific and political implications / L. Charlene // Journal of Social Problems. – Oxford. – 2023. – № 48 (1). – Pp. 23-44.
4. Gus'kova, E.Ju. Mezhdunarodnyj tribunal po byvshej Jugoslavii: dejatel'nost', rezul'taty, jeffektivnost' / E.Ju. Gus'kova. – M.: Indrik, 2012. – 544 s.
5. Mukhambetova, I.S. Formation and current status of the international institutional system of refugee protection / I.S. Mukhambetova // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2022. – № 4 (26). – S. 85-94.
6. Obijiofor Aginam. Global health governance: International law and public health in a divided world [Electronic resource] / Obijiofor Aginam. – University of Toronto Press, 2005. – 240 p. – Access mode: <https://www.jstor.org/stable/10.3138/9781442675377> (Access date: 20.05.2024).
7. F. Nduwimana. AIDS intersects with genocide [Electronic resource] – Access mode: <https://thesentinelproject.org/2013/12/01/aids-intersects-with-genocide/> (Access date: 20.05.2024).
8. Brent, B. The endless debate over the G-Word [Electronic resource] / B. Brent // Genocide research and prevention: An international journal. – 2006. – № 1 (1). – Access mode: <https://digitalcommons.usf.edu/gsp/vol1/iss1/10> (Access date: 20.05.2024).
9. Nzitatira, J.F. Frizzell. Analysis of participation in the 1994 genocide in Rwanda / J.F. Nzitatira, L.S. Edgerton // Sage journals. – 2024. – № 2 (60). – Pp. 56-60.
10. L. Stemple. Male rape and human rights. – Pp. 605-647 [Electronic resource] – Access mode: https://web.archive.org/web/20100602095417/https://www.uchastings.edu/hlj/archive/vol60/Stemple_60-HLJ-605.pdf (Access date: 20.05.2024).
11. Mamdani, M. Overview: The history of the Genocide in Rwanda / M. Mamdani // Cambridge University Press. – 2023. – № 2 (43). – Pp. 307-311.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Айгерим Адиловна Аралбаева – Нархоз университетінің құқық және мемлекеттік басқару мектебінің ассистент-профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: sen.fil@mail.ru.

Аралбаева Айгерим Адиловна – ассистент-профессор школы права и государственного управления Университета Нархоз, кандидат юридических наук, e-mail: sen.fil@mail.ru.

Aralbayeva Aigerim Adilovna – Assistant Professor at the School of Law and Public Administration of Narkhoz University, Candidate of Law, e-mail: sen.fil@mail.ru.

Какимжан Муратжанович Бишманов – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің дінтану және мәдениеттану кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: bkm58@mail.ru.

Бишманов Какимжан Муратжанович – профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби, кандидат юридических наук, e-mail: bkm58@mail.ru.

Bishmanov Kakimzhan Muratzhonovich – Professor of the Department of Religious Studies and Cultural Studies Al-Farabi Kazakh national university, Candidate of Law, e-mail: bkm58@mail.ru.

АВТОРЛАР ҮШІН АҚПАРАТ

Журналдың айдарлары: Мемлекет және құқық теориясы мен тарихы; Конституциялық және әкімшілік құқық; Азаматтық және азаматтық-процестік құқық; Қылмыстық құқық және криминология, қылмыстық-атқарушылық құқық; Қылмыстық процесс, криминалистика, сот-сараптама қызметі, жедел-іздігіру қызметі; Прокурорлық қадағалау теориясы және тәжірибесі; Құқық қорғау және басқа мемлекеттік органдар қызметі; Педагогика, психология және әлеуметтік-экономикалық ғылымдар салаларындағы зерттеулер; Халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану. Журналдың тақырыптық бөлімдері авторлардың жариялауына тақырыбын таңдауына шектеу қоймайды, өйткені маңызды материалдар болса, айдарды кеңейтуге болады.

Журналға жариялануға: а) басқа басылымдарда бұрын жарияланған авторлық материалдар; б) ертеде жарияланған нәтижелермен салыстырғанда жаңа ақпараты жоқ мақалалар немесе нақты, тарихи немесе басқа да қателіктер, сонымен қатар келтіретін ғылыми фактілерге тура қарсылық келтіретін бекітулер және гипотезалар бар мақалалар; в) Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамалар және ведомстволық нормативтік актілеріне, шарттарға және т.б. сәйкес мемлекеттік құпиялар, қызметтік немесе коммерциялық құпияларға жататын мәліметтері бар материалдар; г) Қазақстан Республикасының заңнамаларына сәйкес жариялануға тыйым салынған материалдар қабылданбайды.

Берілген материалдардың мазмұны мен оның шынайылығы автордың жауапкершілігінде. Автордың көзқарасы Редкеңестің және редакцияның көзқарастарына сай келмеуі мүмкін. Редакция қажетті түзетулер мен қысқартулар жасауға құқылы. Материалдар қайтарылмайды. Жариялау бойынша мерзімдерді баспагер өз жауапкершілігіне алмайды. Егер де материал авторға (авторларға) қайта өңдеуге жіберілетін болса, автордың (авторлардың) қайта өңдеп, қайтарған күні материал түскен күні болып есептеледі. Әр автор (авторлар) бір нөмірде екі материал жариялай алады.

Материалдарды қабылдау және Журнал нөмірін құру келесі мерзімде жасалады: 1) тоқсанның бірінші айының 30 дейін – материалдарды жариялауға қабылдау; 2) тоқсанның екінші айының 30 дейін – журнал нөмірін құру бойынша Редакциялық алқаның және Редакцияның жұмыстары; 3) тоқсанның үшінші айының 30 дейін – журнал нөмірінің жобасын баспаханаға беру, журналды жариялау. Жаршыға мақалаларды рәсімдеу бойынша талаптар: 1) жариялауға арналған мақалаларда ғылыми зерттеулердің түпнұсқалар нәтижелері болуы қажет; 2) мақала мәтіні doc (Microsoft Word) A4 парағындағы форматта рәсімделеді, кітап бағытында, негізгі мәтіннің көлемі 8 бетке дейін, Times New Roman қарпінде, 14 pt, интервалы – 1,0; жолақтар арасы – біреу; форматтау – ені бойынша, абзацтық шегіну – 1,25 см, барлық жағынан өрістері – 20 мм, нөмірлеу міндетті түрде беттің төменгі жағындағы ортада; 3) мақала электронды түрде беріледі, рәсімделген келесі мәліметтердің көрсетілуімен беріледі: сол жақ бұрышында ЭОЖ (Әмбебап ондық жіктеу), МҒТАР (Мемлекетаралық ғылыми-техникалық ақпараттар рубрикаторы) (<http://grnti.ru>); автордың (авторлардың) аты-жөні (2 автордан аспау қажет), ғылыми атағы, ғылыми дәрежесі, академиялық дәрежесі, жұмыс орны, қаласы, мемлекеті, мақаланың аты (жартылай боялған басты әріптермен), аннотациясы (сөздердің саны 100-ден 150-ге дейін), түйінді сөздері (8-10 сөз) қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде. Ұйымның толық аты, қаласы, мемлекеті (егер де авторлар басқа ұйымдарда жұмыс жасайтын болса, автор тегінің және тиісті ұйымның қасына бірдей белгі қойылуы қажет).

Аннотацияда мазмұны бойынша мақаланың атауын қайталамауы, формулалардың, библиографиялық сілтемелердің болмауы, мақаланың құрылымын сақтай отырып, мақаланың қысқаша мазмұнын көрсетуі тиіс.

Түйінді сөздер мақаланың негізгі мазмұнын көрсетуі, мүмкіндігінше тақырып аты мен түйіндегі сөздер қайталанбауы тиіс, терминдерді мақала мәтінінен пайдаланған жөн, сонымен қатар мақаланы ақпаратты жүйелерден табуды кеңейтетін және оны жеңілдетуге мүмкіндік

беретін, басқа да маңызды ұғымдар мен мәнінің саласын анықтайтын терминдердің болуы қажет; мақала мәтінінде кіріспе, зерттеу материалы мен әдістері, нәтиже/талқылау, қорытынды/шешімнің болуы; қаржыландыру туралы ақпарат (бар болса); пайдаланылған әдебиеттер, ақпарат көздері мақаланы дайындау барысында (әдебиеттер тізімі) оның соңына орналасады (соның ішінде 1/3 кем емес шет тіліндегі шетелдік сілтемелер көздерінің болуы). Редакциялық алқа әдебиеттер тізімінде (Scopus, Web of Science) журналдарының жаһан бойынша индекстер сілтемелері бар мақалаларына сілтеме жасауды ұсынады. Мақалада сілтемелер аталу тәртібі бойынша нөмірленуі қажет. Мақаладағы сілтемелер нөмірі квадратты жақшалармен рәсімделеді. Мақаладағы әдебиеттерге бірінші сілтеме [1] нөмірлі болуы қажет, екінші – [2] және с.с. Материалдың авторы көрсетілмеген электрондық ресурстар, статистикалық жинақтар, нормативтік құқықтық актілер әр беттік сілтемелерде көрсетіледі және пайдаланылған әдебиеттер тізімі енгізілмейді. Мақаланың негізгі мәтініндегі кітапқа сілтеме пайдаланылған беттерді көрсетуі қажет (мысалы, [2, 545 б.]). Әдебиеттер тізімі МЕМСТ 7.1.-2003 «Библиографиялық жазба. Жалпы талаптар және толтыру ережесіне» сәйкес рәсімделеді. Қайта сілтеме жасалған кезде алдыңғы қолданған сілтеме нөмірі беріледі. Интернет-ресурстарға сілтеме жасалғанда автор, мақала мәтіні көрсетіледі, көздері, электрондық толық мекенжайы, оған кірген күні көрсетіледі. Жеке хабарламаларға, есептерге, қорғалмаған диссертацияларға және басқа да жарияланбаған материалдарға сілтеме жасауға рұқсат етілмейді. Мақаладағы әдебиеттер тізімі роман әліпбиімен (References) рәсімделеді (<http://translit.ru> сайтында орыс әліпбиінен латыншаға транслитерация жасайтын бағдарлама бар. Автордың өзіне-өзі сілтеме жасауы әдебиеттер тізіміндегі сілтемелердің жалпы санымен салыстырғанда 20% аспауы қажет. Сапалы рәсімделген және аударылған аннотация, түйінді сөздер, әдебиеттер тізімі мақалаға деген ынтаны, сонымен қатар шетелдік әріптестердің сілтеме жасауын арттырады. 4) формула теру үшін формулалар редакторы Microsoft Equation 3.0. пайдаланылады. Формулалар латын әліпбиімен теріледі, шрифтін көлемі 11. Мақалада сілтеме бар формулалар ғана нөмірленеді. Кестелер, суреттер (графикалық материалдар) айтылғаннан кейін орналастырылуы қажет. Әрбір иллюстрациядан кейін жазу болуы қажет. Суреттер анық, барлық детальдарды жеткізе алатындай күйде орындалуы қажет, нөмірленген, қол қойылған және электронды түрде берілуі тиіс. Кестенің атауы бас әріптермен, ал оның астындағылар жолақтағы әріптермен жазылса да болады, егер де олар бір сөйлемді құраса.

Көпшілікке белгілілерден басқа барлық аббревиатуралар және қысқартулар мәтінде бірінші рет қолданғаннан бастап ашылып жазылуы қажет.

Материалдар ақысыз жарияланады. Материалдар 7171410@prokuror.kz, 7171402@prokuror.kz электрондық поштасына жіберіледі. Пошталық мекен-жайы: Қазақстан Республикасы, 010078, Ақмола облысы, Қосшы қ., Республика көшесі, 94-құрылыс, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы.

Журналдың электрондық мұрағаты Журналдың ресми сайтында (vestnikacademy.kz) ашық қолжетімділікте орналастырылады.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Рубрики журнала: Теория и история государства и права; Конституционное и административное право; Гражданское и гражданско-процессуальное право; Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право; Уголовный процесс, криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность; Теория и практика прокурорского надзора; Деятельность правоохранительных и иных государственных органов; Исследования в сфере педагогики, психологии и социально-экономических наук; Международное право и сравнительное правоведение. Заявленные тематические разделы Журнала не ограничивают авторов в выборе темы публикации, так как при наличии актуального материала рубрикация может быть расширена.

К публикации в Журнал не принимаются: а) авторские материалы, ранее опубликованные в других изданиях; б) статьи, не содержащие новой информации, по сравнению с ранее опубликованными результатами, либо содержащие фактические, исторические или иные ошибки, а также статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; в) материалы, содержащие сведения, которые составляют государственные секреты, служебную или коммерческую тайну в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан и ведомственными нормативными актами, договорами и т.д.; г) материалы, запрещенные к опубликованию в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

За достоверность и содержание предоставленных материалов ответственность несет автор. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Редаксовета и редакции. Редакция имеет право производить необходимые правку и сокращения. Материалы не возвращаются. Издатель не берет на себя обязательства по срокам публикации. Если материал направляется автору (авторам) на доработку, то датой поступления считается дата возвращения автором (авторами) переработанного материала. Каждый автор (авторы) может опубликовать в одном выпуске не более двух материалов.

Прием материалов и формирование номера Журнала осуществляется в следующие сроки: 1) до 30 числа первого месяца квартала – прием материалов для публикации; 2) до 30 числа второго месяца квартала – работа Редакции по формированию номера Журнала; 3) до 30 числа третьего месяца квартала – передача проекта номера Журнала в типографию, опубликование Журнала. Требования по оформлению статей в Журнал: 1) статья для публикации должна содержать результаты оригинальных научных исследований; 2) текст статьи оформляется в формате doc (Microsoft Word) страница – А4, книжная ориентация, объем основного текста до 8 страниц, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, интервал – 1,0; межстрочный интервал – одинарный, форматирование – по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, поля – 20 мм со всех сторон, нумерация обязательная внизу по центру страницы; 3) статья представляется в электронном виде, оформленная с указанием следующих сведений: в левом верхнем углу индекс УДК (универсальный десятичный классификатор), МРНТИ (Межгосударственный рубрикатор научно-технической информации) (<http://grnti.ru>); фамилия, имя, отчество автора (ов) (не более 2-х авторов), ученая степень, ученое звание, академическая степень (при наличии), информация о месте работы автора, город, страна, название статьи (прописными буквами, полужирным шрифтом), аннотация (количество слов – от 100 до 150), ключевые слова (8-10 слов) на казахском, русском и английском языках. Полное наименование организации, города, страны (если авторы работают в разных организациях, необходимо поставить одинаковый значок около фамилии автора и соответствующей организации).

Аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, содержать формулы, содержать библиографические ссылки, должна отражать краткое содержание статьи, сохраняя структуру статьи.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, позволяющие облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационной системы; текст статьи, содержащий введение, материалы и методы исследования, результаты/обсуждение, заключение/выводы; информацию о финансировании (при наличии); список использованных при подготовке статьи информационных источников (список литературы) располагается в конце статьи (в том числе не менее 1/3 иностранных источников на иностранном языке от общего количества). Редакционная коллегия рекомендует в списке литературы ссылаться на статьи из журналов по глобальным индексам цитирования (Scopus, Web of Science). Ссылки должны быть пронумерованы строго по порядку упоминания в тексте. Номер ссылки в тексте статьи оформляется в квадратных скобках. Первая ссылка в тексте на литературу должна иметь номер [1], вторая – [2] и т.д. Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не вносятся. Ссылка на книгу в основном тексте статьи должна сопровождаться указанием использованных страниц (например [2, 545 стр.]). Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1.-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. При ссылках на Интернет-ресурсы указывается автор, название текста, источник, полный электронный адрес материала, дата его посещения. Не разрешается ссылка на частные сообщения, отчеты, не защищенные диссертации и другие неопубликованные материалы. Пристатейные списки литературы оформляются также в романском алфавите (References). На сайте <http://translit.ru> имеется программа транслитерации русского языка в латиницу. Самоцитирование автора допускается не более 20% от количества источников в списке литературы. Качественно оформленные и переведенные аннотация, ключевые слова, список литературы повышают интерес к статье, а также вероятность цитирования статьи зарубежными коллегами; 4) для набора формул следует использовать встроенный редактор формул Microsoft Equation 3.0. Формулы набираются латинским алфавитом, размер шрифта 11. Нумеруются только те формулы, на которые есть ссылки в тексте. Таблицы, рисунки (графический материал) должны располагаться после упоминания. С каждой иллюстрацией должна следовать надпись. Рисунки должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей, пронумерованы, подписаны и представлены на электронном носителе. Заголовки граф таблицы начинаются с прописных букв, а подзаголовки могут начинаться со строчных букв, если они составляют одно предложение с заголовком.

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Статьи публикуются на безвозмездной основе. Материалы направляются на e-mail: 7171410@prokuror.kz, 7171402@prokuror.kz. Почтовый адрес: Республика Казахстан, 010078, Акмолинская область, г. Косшы, улица Республика, строение 94, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Электронный архив Журнала выкладывается в открытом доступе на официальном сайте Журнала: vestnikacademy.kz.

INFORMATION FOR AUTHORS

Headings of the Journal: Theory and history of state and law; Constitutional and Administrative Law; Civil and Civil Procedure Law; Criminal Law and Criminology, Penal Law; Criminal procedure, Criminalistics, Forensic Expertise, Operational Investigative Activities; Theory and Practice of Prosecutorial Oversight; The Activities of Law Enforcement and Other Government Agencies; Research in the Field of Pedagogy, Psychology and Socio-Economic Sciences; International Law and Comparative Law. The thematic sections of the Journal do not limit the authors in choosing the topic of publication, since if there is interesting, relevant material, the rubrication can be expanded.

The following are not accepted for publication in the Journal: a) copyrighted materials previously published in other publications; b) articles that do not contain new information, compared with previously published results, or contain actual, historical or other errors, as well as articles containing statements and hypotheses that directly contradict established scientific facts; c) materials containing information that constitutes state secrets, official or commercial secrets in accordance with the current legislation of the Republic of Kazakhstan and departmental regulations, agreements, etc.; d) materials prohibited for publication in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan.

An author is responsible for the accuracy and content of the materials provided. The opinions of the authors may not coincide with the point of view of the Editorial Council and the editors. The editors have the right to make the necessary revisions and reductions. Materials are not returned. The publisher does not undertake obligations on the timing of publication. If the material is sent to the author(s) for revision, the date of receipt is the date of return by the author(s) of the revised material. Each author(s) can publish in one issue no more than two materials.

Reception of materials and the formation of the Journal number is carried out in the following terms: 1) until the 30th day of the first month of the quarter – acceptance of materials for publication; 2) until the 30th day of the second month of the quarter – the work of the Editorial Board on the formation of the Journal number; 3) until the 30th day of the third month of the quarter – transfer of the draft number of the Journal to the printing house, publication of the Journal. Requirements for articles to be accepted in the Journal: 1) article for publication must contain the results of original scientific research; 2) text of the article is in the format of doc (Microsoft Word) page – A4, portrait orientation, the volume of the main text up to 8 pages, font Times New Roman, size 14 pt, spacing – 1,0; single line spacing, formatting – in width, paragraph indent – 1,25 cm, margins – 20 mm on all sides, numbering is obligatory at the bottom in the center of the page; 3) article is submitted in electronic form, issued with the following information: in the upper left corner, the UDC index (universal decimal classifier, IRSTI (Interstate rubricator of scientific and technical information) (<http://grnti.ru>); surname, name, patronymic of the author(s) (no more than 2 authors), academic title, academic degree (if available), information about the place of work of the author, city, country, article title (in capital letters, bold) , abstract (number of words – from 100 to 150) keywords (8-10 words) in Kazakh, Russian and English. Full name of the organization, city, country (if the authors work in different organizations, you must put the same icon next to the author's name and the corresponding organization).

The abstract should not repeat the title of the article, contain formulas, contain bibliographic references, should reflect the summary of the article, keeping the structure of the article.

Keywords should reflect the main content of the article, if possible not repeat the terms of the title and annotations, use the terms from the text of the article, as well as terms defining the subject area and include other important concepts that make it possible to facilitate and expand the possibilities of finding the article by means of an information system; text of the article containing the introduction, materials and methods of research results/discussion, conclusion/summary; information on funding (if applicable); list of information sources used in the preparation of an article (references) is located at the end of the article (including at least 1/3 of foreign sources in a foreign language of the total). The editorial board recommends in the list of references to refer to articles from magazines on global

citation indices (Scopus, Web of Science). References should be numbered strictly in the order of mention in the text. The reference number in the text of the article is in square brackets. The first reference in the text to the literature should have the number [1], the second – [2], etc. Electronic resources that do not specify the author of the sources, statistical data, normative legal acts are indicated in page-by-page footnotes and not included in the references list.

The reference to the book in the main text of the article should be accompanied by an indication of the pages used (for example, [2, 545 p.]). References are made in accordance with GOST 7.1.-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of drafting». When re-quoting a source, it is assigned an initial citation number. When linking to the Internet resources, the author, the name of the text, the source, the full electronic address of the material, the date of its visit are indicated. Reference to private messages, reports, dissertation and other unpublished materials is not permitted. Work references are also drawn up in the Roman alphabet (References). On the site <http://translit.ru> there is a program for transliteration of the Russian language into Latin. The author's self-citation is allowed no more than 20% of the number of sources in the list of references. Qualitatively executed and translated abstract, keywords, bibliography increase interest in the article, as well as the likelihood of citing the article by foreign colleagues; 4) for the set of formulas, use the built-in formula editor Microsoft Equation 3.0. Formulas are typed in the Latin alphabet, font size 11. Only those formulas that are referenced in the text are numbered. Tables, figures (graphic material) should be located after the mention. Each illustration should follow the inscription. Figures should be made clearly, in a format that ensures the clarity of the transfer of all the details, numbered, signed and presented on electronic media. The headings of the table columns begin with capital letters, and subheadings can begin with lowercase letters if they constitute one sentence with a heading.

All abbreviations, with the exception of obviously well-known, should be deciphered when first used in the text. Articles are published free of charge. Materials are sent to e-mail: 7171410@prokuror.kz, 7171402@prokuror.kz. Mailing address: Republic of Kazakhstan, 010078, Akmola region, Kosshy c., building 94, Law enforcement Academy under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan.

The electronic archive of the Journal is put out in the public domain on the official website of the Journal: vestnikacademy.kz.

Құрылтайшы:
Құқық қорғау органдары академиясы
010078, Ақмола облысы, Қосшы қ.,
Республика көшесі, 94-құрылыс
Тел.\факс: 8 (71651) 68-100
e-mail: academy-gp.kz, vestnikacademy.kz

Басуға 2024 жылдың 30 қыркүйегінде қол қойылған
Пішімі 84х60^{1/8}. Көлемі-142 бет.
Журналды басып шығарған
«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының
жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы» ММ баспасы.
010078, Ақмола облысы, Қосшы қ.,
Республика көшесі, 94-құрылыс